

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2013

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2013

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин (Барнаул, председатель), О.В. Александрова (Москва),
К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова
(Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна),
О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск),
Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний
Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада,
Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин),
В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва),
О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва),
И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и
фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам.
главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин,
В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова,
М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский
государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.А. Колесников. Филология как научная область и некоторые тенденции ее развития в информационно-коммуникационном обществе.....	9
И.А. Лопатина. Языковая личность в аспекте взаимодействия человека с информацией	22
Т.Ю. Редькина. Активные лексико-семантические процессы в медиатексте	29
В.А. Сидоров. Журналистика досуга и социальное время : ценностный анализ	39
А.В. Алексеева. Документ как речевое произведение официально-деловой коммуникации : жанровый канон и речевая практика (на примере обращений граждан в официальные инстанции).....	51
А.Ю. Мордовин. Корпусы текстов в методологии лингвистического исследования : степень новизны относительно традиционного подхода...	64
Е.Ю. Сафронова. Метафизический «дантовский» код в «Записках из мертвого дома» Ф.М. Достоевского.....	73
Т.М. Григорьева. «Чудные по звучанию слова» В.Г. Распутина	83
А.И. Разувалова. Традиция vs интерпретация (к проблеме самоидентификации национально-консервативного лагеря в «долгие 1970-е»)	92
И.А. Матвеевко. Восприятие «сенсационных» романов У. Коллинза в России второй половины XIX века.....	104

Научные сообщения

М.Н. Крылова. Человек сравнивающий : современная языковая личность в контексте используемых сравнений ..	112
А.П. Джура. Бытие текста в межкультурной коммуникации : влияние типологических признаков на логику развития текста (на материале текста П.Д. Успенского «Четвертый путь» (P.D. Ouspensky «The fourth way»))	120
Э.В. Малыгина. «Сшибка» как возможное проявление кризисной межперсонажной коммуникации в рассказах В.М. Шукшина: аспекты исследования	127
Е.А. Носова. Информационный повод как основа взаимодействия пресс-релиза и журналистского текста	132

Т.И. Кораблина. Модус «воспоминание» : статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца)	139
А.И. Фукс. Внимание как фактор, определяющий вариативность синтаксической структуры предложения.....	145
М.Г. Рыгалина. Принципы организации «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Кольвано-Воскресенского горного округа конца XVIII века».....	151
И.А. Пушкирева. «Кузнецк Достоевского» в материалах городской газеты	158
М.В. Сагалаева. Иностранная литература в отражении газеты «Известия ВЦИК» 1920–1925 годов	165
Р.И. Павленко. Просвещение и развлечение как важнейшие компоненты публикаций о литературной жизни на страницах «Независимой газеты» 1997–1999 годов	172
В.А. Алексютина. Образ дома в малой прозе Л. Улицкой как воплощение существования человека в семье и социуме	178
А.М. Сулейманов. О проблеме реконструкции единого цикла эпосов об Урал-батыре (на примере анализа образа Тараул-сэсна)	186

Алтай в русской литературе

Д.В. Марьян. К проблеме интерпретации рабочих записей В.М. Шукшина	192
---	-----

Филология : люди, факты, события

Н.И. Клушина. Григорий Яковлевич Солганик	199
--	-----

Обзоры

Л.Г. Васильев, О.Н. Мишук. Проблемы речевого воздействия в диссертационных исследованиях последнего десятилетия	204
--	-----

Критика и библиография

А.А. Чувакин. Эффективное речевое общение в аспекте базовых компетенций : к выходу в свет словаря-справочника «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» / под ред.	
---	--

А.П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. 882 с..... 218

Резюме.....223

Наши авторы.....234

CONTENTS

Articles

A.A. Kolesnikov. Philology as an Academic Field and Its Development Trends in the Information-And Communication-Oriented Society.....	9
I.A. Lopatina. Linguistic personality in the aspect of human interaction with information	22
T.Yu. Redkina. Active processes in vocabulary and semantics of mass media texts.....	29
V.A. Sidorov. Journalism of leisure and social time : an axiological analysis	39
A.V. Alexeeva. Documents Product as a Speech Official business communication : genre canon and speech Practice (case study of «citizens applications» in official institutions)	51
A.Yu. Mordovin. Text corpus in methodology of linguistic research : the degree of innovation versus the traditional approach.....	64
E.Yu. Safronova. Metaphysical «Dantean» code in «Notes from the dead house» by F.M. Dostoevsky	73
T.M. Grigorieva. «Marvelous by sound words» of V.G. Rasputin	83
A.I. Razuvalova. Tradition vs Interpretation (The Problem of Self-Identity of National-Conservative Camp in the «long 1970s»)	92
I.A. Matveenکو. The Reception of W. Collins’s «Sensational» Novels in Russia of the Second Half of the 20-th Century	104

Scientific reports

M.N. Krylova. Person who compares : the modern language personality in the context of using comparisons.....	112
A.P. Dzhura. Being of text in cross-cultural communication: influence of typological features on the logic of text development (a case study of the text by P.D. Ouspensky “The fourth way”)	120
E.V. Malygina. ‘Fisticuffs’ as possible occurrences of intercharacters’ communication in the stories by V.M. Shukshin: the aspects of research	127
E.A. Nosova. Newsworthy event as a basic fact of interaction of press release and journalistic text	132
T.I. Korablina. Modus «recollection» : its status and interaction	

with other modus categories (on the material of E. Grishkovets stories).....	139
A.I. Fuks. Attention as the cognitive factor that determines the variation of the syntactic structure of the sentence	145
M.G. Rygalina. Structural principles of «Lingvo-culturological dictionary of Russian surnames of Kolyvan-Voskresensk mining district residents at the end of the XVIIIth century».....	151
I.A. Pushkareva. Kuznetsk by Dostoevsky in the city newspaper's materials.....	158
M.V. Sagalaeva. Foreign literature in the reflection on the newspaper Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee) of the years 1920–1925.....	165
R.I. Pavlenko. Educational and entertaining strategies as main components of literature life publications on pages of «Nezavisimaya gazeta» in 1997–1999 years	172
V.A. Aleksyutina. The image of «home» in a small prose by L. Ulitskaya is the way of man`s existence in a family and in the society..	178
A.M. Suleimanov. About the problem of reconstruction of the cycle of Ural-Batyr epics (case study of Taraul-sesen character's analysis).....	186

Altai in Russian literature

D.V. Maryin. On the problem of interpretation of V.M. Shukshin's working notes Reviews.....	192
---	-----

Philology: people, facts, events

N.I. Klushina. Grigoriy Solganik.....	199
--	-----

Reviews

L.G. Vasilyev, O.N. Mishchuk. Problems of Speech Influence in Dissertations of the Latest Decade.....	204
---	-----

Critics and bibliography

A.A. Chuvakin. Effective speech communication in terms of basic skills set : on the occasion of the publication of the reference book «Effective speech communication (basic skills set)» / under the editorship of A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk : Siberian Federal University's publishing office, 2012. 882 p.....	218
--	-----

Summary	223
Our authors	234

СТАТЬИ

ФИЛОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ОБЛАСТЬ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.А. Колесников

Ключевые слова: филология, информационное общество, коммуникация, дискурс, коммуникативная личность.

Keywords: philology, information-oriented society, communication, discourse, communicative personality.

1. Общие тенденции в развитии современной филологии.

Современный этап развития общества часто характеризуется как век информации. По словам Д. Белла, на основе информации как ключевого ресурса ведущую роль в социальной деятельности начинает играть *взаимодействие между людьми*, то есть интеллектуальная коммуникация [Белл, 1999, с. 157–158]. Эту мысль подтверждают и большинство отечественных исследователей современного общества (см., например: Е.А. Дергачева, В.А. Лисичкин, М.М. Вирин и др.). Поиски путей оптимизации работы с информационными потоками (в том числе на основе родного и иностранных языков) оказывают влияние на развитие как точных, так и гуманитарных наук, в том числе филологии.

Традиционно филология определяется как «содружество гуманитарных дисциплин – лингвистической, литературоведческой, исторической и др., изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [БСЭ, 1977, с. 410]. Как известно, язык, сам по себе являющийся одним из центральных объектов культуры, способен описывать все аспекты этого феномена. Кроме того, язык

является важнейшим средством обеспечения деятельности и взаимодействия людей, а значит, способствует дальнейшему развитию культуры.

Обратимся к объекту исследования системного стержня филологии – лингвистике. Если филология (в ее классическом понимании, см. определение выше) занимается исследованием *текстов*, то, очевидно, что лингвистика, изучающая все аспекты *языка*, представляет собой важнейший инструмент, который использует филология для проведения анализа. Основные направления развития современной лингвистики, обобщенные в работах ряда ученых (см., например: Т.М. Дридзе, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, К.Ф. Седов, Т. Hutchinson, A. Walters, K. Knapp и др.), выводят нас, с одной стороны, на уровень *социума* (изучение функционирования языка на уровне коммуникации с учетом социально-обусловленных факторов), а с другой стороны, опираются на более глубокий анализ *языкового и концептуального мышления личности* как активного участника коммуникативного акта. Современная лингвистика изучает взаимодействие языка в том числе и с иными общественными и природными феноменами, а также занимается изучением социальных функций языка, что обуславливает особый интерес к дискурсу и коммуникации.

Что означают тенденции развития лингвистики для филологии? Результаты многих исследований (см., например: С.Г. Тер-Минасова, А.А. Чувакин, Ю.Н. Караулов, Е.Н. Соловова, Г.В. Колшанский и др.), ориентация на информационно-коммуникационные тенденции развития общества в целом, свидетельствуют о необходимости расширения **объекта исследования** науки и включении в него процессов коммуникации, реализующих истинное назначение языка и обеспечивающих трансмиссию культуры. Как указывает А.А. Чувакин, «...филология как совокупность наук и дисциплин не может обойтись без коммуникации как объекта изучения» [Чувакин, 2009]. Исследователь отмечает, что «в число объектов филологии конца XX – начала XXI веков входит не только текст, но и естественный человеческий язык и сам *Homo Loquens*» [Чувакин, 2005, с. 19].

Т.М. Дридзе, подчеркивая родственную связь культуры и коммуникации, пишет о том, что «самый принцип формирования культуры и общественного сознания – от зарождения идей до их общественного утверждения, от их возникновения как единичного события до превращения в каждодневное, обыденное – невозможен

вне актов коммуникации, вне текстовой деятельности индивидов» [Дридзе, 1980, с. 13].

Как отмечалось, подобные тенденции связаны в том числе с развитием информационного общества и коммуникационных технологий, которые оказывают существенное влияние на понимание основного (традиционного) объекта исследования – *текста*. Раньше письменный (в меньшей степени – устный) текст был едва ли ни единственным средством сохранения и передачи достоверной информации. Энциклопедические источники определяют текст как «...объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Лингвистический словарь, 2002, с. 507]; «...связную последовательность языковых знаков, объединенных единой темой, и выполняющую, как единое целое, определенную коммуникативную функцию» [Duden, 1998, s. 834] (перевод наш. – А.К.).

Понятно, что текст в представленном понимании может реализовать, в основном, такие составляющие коммуникативного акта как *сообщение*, *воздействие* на читателя (реципиента), *трансмиссию информации*. При этом особенность конкретного читателя может учитываться, а может и не учитываться, так как обратная связь подразумевается отнюдь не всегда. Отмеченная авторами возможность коммуникативного взаимодействия «автор-читатель» остается на уровне теоретического осмысления, анализа и интерпретации, однако на практике *истинной* коммуникации (в ее интерактивной функции) не происходит – ибо, как указывал А.А. Леонтьев, «...процесс коммуникации совершенно неправомерно сводить к процессу передачи кодированного сообщения от одного индивида к другому» [Леонтьев, 2003, с. 25].

В настоящее время, благодаря информационно-техническому прогрессу, текст утрачивает прежнюю статичность и приобретает новые свойства – в частности, функцию интерактивного обмена информацией. Потеряв стабильность и став интерактивным (ср. *гипертекст*), текст дает реципиентам возможность быть не пассивными читателями, а активно проявлять свое личностное отношение к читаемому, вступать в диалог с автором, высказывать мнения, рассуждать, сообщать дополнительную информацию за счет комментариев, видоизменения фрагментов текста (ср. открытый интерактивный вики-метод), возможности добавления гиперссылок и др. Текст может быть зафиксирован не только в письменной форме, но и представлять собой аудио- и видеоряд («супертекст» в терминах

М. Кастельса). Наконец, мгновенная «доставка» текста реципиенту обеспечивает возможность почти моментальной ответной реакции. Таким образом, если ранее текст представлял собой сообщение и воздействие на читателя, то сейчас правильнее было бы говорить о реализации форм *взаимодействия* среди коммуникантов за счет языковых средств.

В результате перед нами предстает комплексный объект исследования филологии. С одной стороны, как и ранее, филология изучает духовную культуру через анализ текстов – преимущественно, письменных. Данное филологическое направление занимается исследованием «статичных» объектов – то есть культурных и языковых фактов, универсалий, явлений, которые зафиксированы в текстах и не подлежат изменению. С другой стороны, совершенно очевидно, что культура современного глобализованного общества развивается на основе процессов *социального взаимодействия, социальной коммуникации*. А значит, требуют изучения динамичные процессы языковой / коммуникативной деятельности в рамках различных ситуаций и те аспекты человеческой культуры, которые проявляются в этих процессах (например, культура межличностного общения у разных народов, специфика национальной или международной деловой коммуникации, продукты массовой коммуникации как элементы культуры и пр.). Изучение данного «пласта» полностью соответствует общим задачам филологии, обуславливает включение коммуникации в объект ее исследования, заставляет преодолеть *текстовый* уровень и выводит нас на уровень *дискурса*.

2. Коммуникация, дискурс и интеракция как объекты филологии.

Существует более ста определений термина «коммуникация» [Merten, 1977, s. 168–182]. Не претендуя на универсальность нашей дефиниции, мы предлагаем рассматривать коммуникацию как комплексный психофизиологический, психолингвистический и экстралингвистический социально обусловленный и социально направленный процесс взаимодействия, осуществляемый посредством знаковой (преимущественно языковой) системы.

Коммуникация – это обобщающее понятие, включающее в себя *коммуникативную ситуацию, дискурс*, реализуемые на его основе *коммуникативные акты*, составляющие *интеракцию*. В центре всего процесса стоит *коммуникативная личность*. В сферу интересов филологии в области коммуникации может входить изучение

речевых произведений (от текста до дискурса) и специфика осуществляемого на их основе взаимодействия коммуникантов. Рассмотрим более подробно обозначенные понятия.

Как отмечает К.Ф. Седов, «...под словом *дискурс* понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [Седов, 2004, с. 7]. Специфика дискурса, как считает Ю.Н. Караулов, заключается в том, что это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 1989, с. 8].

На наш взгляд, дискурс представляет собой речевой продукт, являющийся основой или частью коммуникативного (взаимо)действия (устного, письменного или электронного) и обусловленный факторами коммуникативной ситуации и спецификой той деятельности, в рамках которой осуществляется коммуникация.

Понятие дискурса связано с понятием *коммуникативной ситуации* (КС), которая создает речевые и неречевые условия, **необходимые и достаточные** [Леонтьев, 1991] для реализации дискурсивной деятельности в рамках коммуникации. Ключевое слово в данном определении – это именно *условия*, которые образуют ситуацию и позволяют осуществить коммуникацию. Исходя из этого, наиболее удачным нам видится определение В.Л. Скалкина, который понимает под коммуникативной ситуацией «динамическую систему взаимодействующих конкретных факторов объективного и субъективного плана (включая речь), вовлекающих человека в языковую коммуникацию и определяющих его речевое поведение... в роли как говорящего, так и слушающего» [Скалкин, 1991, с. 174].

Дискурс, реализованный в рамках КС, открывает для современной филологии обширное поле исследований в области взаимодействия на основе коммуникативных жанров. М.М. Бахтин, который поставил проблему жанров речи, считал речевой жанр категорией, которая позволяет связать социальную реальность с реальностью языковой. К.Ф. Седов определяет речевые жанры как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов, 2004, с. 67]. Система жанровой организации коммуникативной деятельности напрямую зависит от дискурса и КС, в которых она реализуется, а сам жанр многие исследователи рассматривают как социально обусловленное средство оформления интеракции, то есть социально-коммуникативного

взаимодействия индивидов. Влияние антропоцентрической лингвистики на исследование проблемы жанров проявляется в том, что жанры речи связывают непосредственно с мышлением языковой личности.

Дискурсивная деятельность и коммуникативная ситуация определяют протекание *интеракции*. Интеракция, как и коммуникация, является комплексным феноменом, который изучается социологией, психологией, лингвистикой и философией. Н.К. Оврах определяет ее с точки зрения социологии следующим образом: «Интеракция, или взаимодействие – 1. Система взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической причинной зависимостью. 2. Процессы и способ, которым социальные акторы взаимодействуют друг с другом, особенно в соприкосновениях лицом к лицу» [Оврах, 2001, с. 40]. Согласно теории Дж. Хоманса, основным условием и признаком интеракции является наличие предметов обмена. К таким предметам могут относиться слова (высказывания), символы, жесты, материальные предметы [Хоманс, 1984].

Мы предлагаем рассматривать явление интеракции, исходя из принципиальных положений теории коммуникации и исследований речевого общения в сфере социального взаимодействия отечественной психолингвистической школы.

Исследования структуры речевой деятельности восходят к введенному Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном понятию «фазного строения» акта деятельности, который включает в себя следующие фазы: мотивация, ориентировочные действия, планирование деятельности, исполнение и контроль [Выготский, 2007; Рубинштейн, 2000]. Наряду с порождением речевого высказывания, исследователи описывают структуру восприятия и понимания речи. В.А. Ковшиков и В.П. Глухов, обобщая теоретические концепции А.А. Брудного и Л.С. Цветковой, выделяют начальный уровень (понимание предмета высказывания), уровень понимания смыслового содержания и высший уровень понимания высказывания (понимание цели высказывания, которую преследовал говорящий / пишущий) [Ковшиков, Глухов, 2007]. Таким образом, современная психолингвистика рассматривает речевую интерактивную деятельность как форму сознательной деятельности применительно к двум субъектам – формирующему речевое высказывание и воспринимающему его, – отдельно анализируя процессы порождения и восприятия / понимания высказывания. Однако, на наш взгляд,

коммуникативно-деятельностный подход к изучению общения предполагает учет той «деятельностной среды», в которой происходит интеракция.

Опираясь на взгляды А.Н. Леонтьева и А.А. Леонтьева, мы полагаем, что человек не вступает в общение вне рамок какой-либо (в большинстве случаев взаимной с другим коммуникантом или коммуникантами) деятельности, «фоном» для которой служит коммуникативная ситуация. Без анализа внешних условий (деятельностной среды), в рамках которых взаимодействуют коммуниканты, мы получаем лишь схематический «набросок» интеракции, лишенный «живого» наполнения. Как отмечает И.М. Шеина, «порождаемый в ходе коммуникативного взаимодействия дискурс является не только частью общей коммуникативной деятельности, но и частью общей практической деятельности, достижению целей которой способствует коммуникация» [Шеина, 2009, с. 239].

Понятно, что видов деятельности, порождающих интерактивное взаимодействие, бесконечно много; кроме того, макроструктура определенной деятельности может включать в себя множество мини-ситуаций, в которых осуществляется разножанровая интеракция. В результате, мы сталкиваемся с необходимостью построения «*ситуационной модели*» отдельных видов деятельности / взаимодействия, которая (модель) представляет собой «когнитивный коррелят... ситуации» и «...включает личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, и это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного в столкновении с ситуациями такого рода» [ван Дейк, 1989, с. 69]. Каждая коммуникативная ситуация предполагает осуществление интеракции на основе концептуальных фреймов (ментальных «схем», представлений человека о разных видах деятельности или взаимодействия), которые, как указывает Т.А. ван Дейк, определенным образом организуют поведение человека, позволяют правильно интерпретировать поведение других людей и могут определять, что в данном обществе является «характерным» или «типичным». В особенности это относится к некоторым формам социальной деятельности [ван Дейк, 1989, с. 17].

Фреймовая основа интеракции и ее включение в деятельностную среду коммуникативной ситуации обуславливают, на наш взгляд, необходимость рассмотрения порождения и восприятия коммуникативных действий не как отдельных процессов, а в качестве

компонентов единой, взаимонаправленной деятельности коммуникантов. Очевидно, что совершаемое коммуникативное действие имеет смысл лишь при условии, что оно будет правильно воспринято, понято и проинтерпретировано реципиентом. Однако восприятие и понимание включают в себя не только свертывание речевого произведения к исходной схеме, компрессию дискурса, но и формирование определенного *личностного отношения* к высказыванию собеседника и коммуникативной ситуации в целом. Это отношение выразится в соответствующих речевых или неречевых *действиях* реципиента, на основании которых коммуникатор сделает вывод о достигнутой или не достигнутой цели своей деятельности.

Итак, ключевым «звеном» в структуре *интеракции* является **установление обратной связи и анализ ответной реакции**, а также сопоставление с ожидаемым результатом (в соответствии с фреймом интеракции) и принятие на этой основе решений относительно дальнейшего протекания коммуникативного взаимодействия.

Установление обратной связи становится возможным благодаря функционированию механизма рефлексии у коммуникантов. Коммуникатор имеет представление, о чем он должен сказать и как он должен это сделать. На уровне рефлексивного канала происходит анализ реакции реципиента (как в процессе речевого акта коммуникатора, так и после него). Ответную реакцию собеседника коммуникатор сопоставляет со своим представлением о коммуникативном акте и, при необходимости (например, если собеседник не понимает его мысль или истинные цели и мотивы его высказывания), вносит изменения в свое дальнейшее вербальное и невербальное поведение.

Таким образом, успешная интеракция имеет место только в том случае, если обоюдные *действия* коммуникантов соответствуют логике дискурсивного контекста, ожиданиям партнеров по коммуникации и совершаются в условиях «деятельностной среды», определяющей коммуникативную ситуацию.

Специфика *межкультурной* коммуникации обуславливает дополнительные трудности интерактивной деятельности. Одно и то же высказывание / коммуникативное действие может быть по-разному интерпретировано представителями различных культур и вызвать ответные реакции, противоречащие ожиданиям коммуникатора. Такая «ошибка» в интеракции вызывает межкультурные недоразумения.

Обобщая сказанное об интеракции, подчеркнем еще раз: интеракция является знаково-деятельностным феноменом. Это означает, что речевое общение является основой и выстраивается в рамках определенной деятельности. Действия каждого из коммуникантов обуславливаются вербальным посылом собеседника, а их соответствие его (собеседника) ожиданиям определяют протекание дальнейшей коммуникации и деятельности в целом. Это справедливо как для межличностной, так и для массовой коммуникации. Так, например, обнародованное в СМИ сообщение может вызвать определенного рода ответную реакцию в обществе, выраженную как в общественном настроении, так и в конкретных действиях.

Таким образом, коммуникативно-деятельностный подход открывает для лингвистики и филологии новую сферу в области прикладных исследований, а именно объединение коммуникативных и социальных процессов, когда языковая система и возникающий на ее фундаменте дискурс служат основой для реализации взаимообусловленных социальных действий. Изучение коммуникации предполагает построение ситуационных моделей, которые включают в себя когнитивную составляющую (ментальные схемы, представление о коммуникации в зависимости от условий), определение подходящих жанров дискурса и деятельностную реализацию в соответствии с внешними условиями и видом взаимодействия (непосредственно интеракцию).

Интеракция, являясь деятельностной составляющей, возможна в любых формах коммуникации. Проследим ее реализацию в рамках четырех традиционных форм (см.: [Maletzke, 1998]):

1) в *межличностной коммуникации* интеракция реализуется в непосредственном общении и деятельности ограниченного количества людей;

2) при *коммуникации в малых группах* интеракция представляет собой взаимодействие двух и более групп людей и обязательно включает в себя первую, межличностную форму;

3) *организационная коммуникация*: на этом уровне происходит сетевое взаимодействие кооперирующих структур, обеспечивающее функционирование организаций, руководство персоналом и пр.;

4) *массовая коммуникация* реализуется с помощью технических средств и ориентирована на большую публику. Интеракция в этом случае часто носит отсроченный характер.

Таким образом, коммуникация как комплексное явление открывает для филологии следующие направления исследований, в том числе в рамках ситуационного моделирования:

- В плане изучения *коммуникативной ситуации*: культурно- и социально-обусловленный контекст коммуникации, внешние условия и обстоятельства, а также предыстория коммуникативного взаимодействия, оказавшие влияние на особенности речевого общения;

- В плане изучения *дискурса*: коммуникативный продукт, возникший в данной КС, а также специфика его реализации в соответствии с тем или иным жанром и фреймом;

- В плане изучения *интеракции*: обусловленное социально-культурными условиями коммуникативной ситуации взаимодействие коммуникантов в рамках некоей общей деятельности, послужившей причиной коммуникации.

- В свете антропоцентрических тенденций развития общества и науки, в центре внимания исследователей должна оказаться *коммуникативная личность*. Остановимся отдельно на этой проблеме.

3. Трехуровневая структура личности как субъекта коммуникации.

Личностно-ориентированная парадигма развития филологии, лингвистики, философии, социологии и других наук обусловили ввод понятия «языковая личность» в научный дискурс. Классической концепцией «языковой личности» в отечественной лингвистике и филологии по праву признается модель Ю.Н. Караулова, который выделяет три личностных уровня в своей модели: *вербально-семантический, тезаурусный, мотивационный* [Караулов, 1987]¹.

Научная ценность данной концепции несомненна; тем не менее, при рассмотрении проблемы с позиций когнитивно-коммуникативной деятельности парадигмы возникает вопрос, почему такое комплексное, многомерное понятие личности, включенной в процесс социальных взаимодействий, сводится к единственной лишь ее характеристике (хотя, конечно, одной из самых существенных) –

---

¹ Отметим, что проблемой языковой личности занимались и занимаются многие исследователи в областях лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и пр. К наиболее значимым работам относятся труды Г.И. Богина (1984), И.И. Халеевой (1989), В.И. Карасика (1999), О.М. Осияновой (2002), Л.А. Миловановой (2006), В.В. Воробьева (2008), И.М.Шейной (2009) и др. Однако, на наш взгляд, основные концепции языковой личности опираются именно на модель Ю.Н. Караулова.

языковой? Думается, что *знание* языка как такового, чтение и продуцирование текстов¹ без наличия *коммуникативного* окружения и опредмечивания в *деятельности* дает лишь самое общее, поверхностное, умозрительное представление о культуре того или иного общества. Как нам представляется, личность действительно имеет трехуровневую структуру, однако, в отличие от Ю.Н.Караулова, мы предлагаем различать в модели личности *когнитивный*, *коммуникативный* и *деятельностный* уровни, положив в основу нашего понимания представления о личности, деятельности и общении в отечественной психологии (см.: [Выготский, 2007; Леонтьев, 2003; Леонтьев, 2005] и др.).

Когнитивный уровень обуславливается способностью личности к познанию. В процессе познания субъект пытается создать идеальный образ (или идеальную модель) целостного мира (или фрагмента бытия) в соответствии со своими ценностно-ориентационными и мировоззренческими установками. В процессе познания личность руководствуется идеальными планами деятельности и общения, прибегая к помощи знаково-символической системы (в большинстве случаев, языковой), опосредующей взаимодействие человека с миром и другими людьми (см.: [Философия : Энциклопедический словарь, 2004]) – то есть язык как система относится именно к когнитивному уровню личности. Благодаря коммуникативно-деятельностному опыту, в сознании личности образуются фреймы / модели отдельных аспектов коммуникации или коммуникативных ситуаций, которые используются и уточняются в ходе дальнейшей коммуникации и деятельности. Это значит, что когнитивные модели не являются чем-то неизменным: они могут модифицироваться под влиянием опыта, деятельности, взаимодействия (интеракции) личности с другими индивидами.

Таким образом, познание как таковое невозможно без двух других компонентов, присутствующих в структуре личности – способности и готовности к коммуникации и деятельности. Все три уровня тесно взаимосвязаны, поэтому корректнее было бы говорить о них как о «триединстве». Так, когнитивные процессы активизируются и во время коммуникации, и во время непосредственной деятельности. Коммуникация основывается на

---

¹ Подчеркнем – именно *текстов*, а не *дискурса*.

сознании и процессах мышления коммуникантов и служит «регулятором» деятельности.

Итак, личность как субъект общения включает, на наш взгляд, когнитивный, коммуникативный и деятельностный аспекты. Для краткости мы предлагаем в дальнейшем вести речь о *коммуникативной личности*, подразумевая, что коммуникация включает в себя когнитивный и деятельностный компоненты, а также подразумевает развитие необходимых навыки, умения и способов деятельности.

Постановка коммуникативной личности в центр внимания исследования процессов коммуникации означает смену ракурса рассмотрения проблемы для всех научных областей, занимающихся изучением условий, процессов и результатов общения и коммуникативных взаимодействий – в том числе для филологии. Особый интерес для филологических исследований могут представлять следующие аспекты коммуникативной личности в рамках дискурса:

- *Личностные мотивации*, послужившие побуждением к коммуникации в рамках осуществляемой деятельности;
- *Система ценностей* коммуникативной личности, на основе которой выстраивается коммуникация, или же взаимодействие / конфликт систем ценностей коммуникантов при межкультурной коммуникации;
- *Взгляды, установки, чувства, личностные качества, представления* коммуникативной личности и их отражение в дискурсе;
- *Коммуникативные стратегии и компетенции*, необходимые коммуникативной личности для успешного осуществления коммуникации;
- *Когнитивный аспект коммуникации*, включающий в себя хранящиеся в сознании личности когнитивные модели, фреймы, сценарии, а также представления о регистрах общения, видах дискурса, умение выбрать жанр дискурса, исходя из коммуникативной ситуации;
- *И другие аспекты*, позволяющие судить об особенностях коммуникативной личности, исходя из их реализации в дискурсивной деятельности.

Вкратце обобщая сказанное, отметим еще раз, что на развитие современной филологии влияет специфика информационно-коммуникационной эпохи. Традиционная филология (изучающая

духовную культуру через анализ письменных текстов) дополняется новым направлением филологических исследований в области изучения культуры современного общества через анализ коммуникационных процессов. Развиваясь в данном направлении, филология осваивает как новые объекты (например, интеракция, дискурс, коммуникативная ситуация и др.), так и новые методы исследования (например, ситуационное моделирование). Очевидно, что филология как научная область приобретает все более интегрированный характер, взаимодействуя с теорией коммуникации, психолингвистикой, (лингво)культурологией и другими науками, а в центре внимания оказывается коммуникативная личность. Проблема формирования компетентной коммуникативной личности выводит нас из сферы чисто филологических исследований в смежную с ней область филологического образования, что представляет уже предмет отдельного исследования.

Литература

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 2007.
- ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. Вступительная статья // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Кастельс М. Информационная эпоха : Экономика, общество и культура. М., 2000.
- Ковшиков В.А., Глухов В.П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М., 2007.
- Леонтьев А.А. К определению речевой ситуации // Общая методика обучения иностранным языкам. М., 1991.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 2003.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
- Оврах Н.К. Социология. Владивосток, 2001.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
- Скалкин В.Л. Структура устноязычной коммуникации и вопросы обучения устной речи на иностранном языке // Общая методика обучения иностранным языкам. М., 1991.
- Филология // Большая советская энциклопедия : В 30-ти тт. М., 1977. Т. 27.
- Философия : Энциклопедический словарь. М., 2004.
- Хоманс Дж.К. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984.

Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии. Барнаул, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.asu.ru/univer_about/documents/1762/

Чувакин А.А. Филология и филологическое образование в условиях информационного общества // Языки и литературы народов Горного Алтая. 2005.

Шейна И.М. Лингвистические предпосылки успешности межкультурной коммуникации. М., 2009.

Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich, 1998.

Maletzke G. Kommunikationswissenschaft im Überblick. Opladen; Wiesbaden, 1998.

Merten Kl. Kommunikation. Eine Begriffs- und Prozessanalyse. Opladen, 1977.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА С ИНФОРМАЦИЕЙ

И.А. Лопатина

Ключевые слова: языковая личность, тип языковой личности, антропоцентризм, методика преподавания русского языка.

Keywords: linguistic personality, type of linguistic personality, anthropocentrism, methodology of teaching the Russian language.

Настоящая статья посвящена рассмотрению принципов взаимодействия человека с информацией в лингвоперсонологическом аспекте.

Лингвоперсонология, или теория языковой личности¹, – относительно новое направление современной лингвистики является самостоятельным направлением антропоцентрической лингвистики.

Сутью новой парадигмы знания становится антропоцентризм, объединяющий в себе различные направления исследования языка и проявления в нем человека. Антропоцентризм постепенно сменяет ставший традиционным системоцентризм, предполагавший рассмотрение языка как «множества языковых элементов <...>, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность» [ЛЭС, 1990, с. 452].

Однако уже в XX веке в антропологической философии разработано понятие антропологического принципа, признающего

---

¹ Теоретическая и методологическая база лингвоперсонологии наиболее полно представлена в трудах В.П. Нерознака, Г.И. Богина, Н.Д. Голева, К.Ф. Седова и др.

человека главной категорией философии [Мухаммад, 2006]. Антропологический принцип в языке получил глубокое осмысление в трудах В. Гумбольдта: «В самом деле, не говоря уже о различиях между полами и поколениями, нация, говорящая на одном языке, включает в себя все нюансы человеческой самобытности, <...> различия еще больше усиливаются, если дело касается языка, потому что он проникает в сокровеннейшие тайники духа и сердца. Но каждый индивид употребляет его для выражения именно своей неповторимой самобытности – недаром речь всегда исходит от индивида и каждый пользуется языком прежде всего и только для самого себя» [Гумбольдт, 1984, с. 165]. В лингвистике антропологический принцип в разной степени был реализован в трудах А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, а также М.М. Бахтина, В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвикова, А.А. Леонтьева и многих других исследователей.

Так, например, Е.С. Кубрякова говорит об антропоцентризме, как «одном из главных параметров современной лингвистики», наряду принципами экспансионизма, функционализма и экспланаторности [Кубрякова, 1994, с. 5].

В настоящее время антропоцентрические исследования языка так или иначе осуществляются во всех отраслях языкознания. На антропоцентрическом витке спирали научного познания внимание исследователей смещается на стык областей научного знания, что позволяет рассматривать языковые проявления человека в новых аспектах, учитывая взаимодействие трех элементов: 1) языковых форм; 2) человека, его мышления и психологии; 3) внеязыковой действительности [Гак, 1998]. В результате этого смещения появляются психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, социолингвистика, лингвосоционика, эколлингвистика, юрислингвистика.

Помимо обозначенных выше аспектов изучения языка, реализуемых в рамках антропоцентрических исследований, – функционального, динамического, коммуникативного – в настоящее время становится все более актуальным лингвоперсонологический подход к описанию языка.

Лингвоперсонологическое описание языка, являясь реализацией антропоцентрического подхода к его изучению, в качестве основной операциональной единицы предполагает языковую личность – носителя языковой способности и субъекта письменно-речевой деятельности.

Термин лингвистическая персонология был введен в научный обиход В.П. Нерознаком [Нерознак, 1996] для обозначения теории языковой личности – формирующегося самостоятельного направления языкознания, объектом исследования которого становится субъект и его языковые проявления.

Термин языковая личность впервые употреблен в научном дискурсе В.В. Виноградовым в 1930 году в работе «О художественной прозе» при рассмотрении языка художественной литературы, в частности образа автора и художественных образов. Однако более полно понятие языковой личности описывается только в 80-х годах XX века в трудах Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова.

Рассматривая языковую личность как «полноценное представление личности, преломленной через ее язык, дискурс» [Караулов, 2004, с. 86], Ю.Н. Караулов выделяет три уровня ее организации: вербально-семантический, или лексикон, лингвокогнитивный, или тезаурус, мотивационный, или прагматикон, и определяет набор готовностей (видов языковой способности носителей языка), соотносимых с каждым из уровней.

Основными категориями и понятиями описания языка в аспекте лингвоперсонологии являются следующие: лингвоперсонологическое функционирование (варьирование) языка, антропотекст, языковая личность, языковая (и метаязыковая) способность и варианты ее реализации, тип языковой личности, портрет языковой личности, личностно-ориентированное обучение русскому (и иностранному) языку.

Описание языковых личностей осуществляется на материале созданных ими речевых произведений – антропотекстов, отражающих качество их языковой способности. Так, согласно концепции Ю.Н. Караулова, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов, 2004, с. 10].

Типологический аспект описания языковой личности представлен достаточно широко: типологизирование языковых личностей носителей русского языка, в рамках которых выявляются и описываются лингвоперсонемы, отражающие многообразие вариантов реализации языковых личностей носителей русского языка в процессе письменно-речевой деятельности, а также уровневое и аспектуальное описание языковых личностей.

Уровневый подход к описанию языковой личности строится на выявлении и уровневом описании лингвоперсонем, этот подход обусловлен верификацией одного из вариантов

лингвоперсонологической гипотезы языка, который связан с интерпретацией свойств языка с точки зрения лингвоперсонологии и может быть сформулирован следующим образом: «Язык устроен так, а не иначе еще и потому, что он обслуживает разные типы языковой личности» [Голев, 2006, с. 22].

Аспектуальный подход к описанию языковой личности строится на выделении аспектуальных лингвоперсоном и является реализацией варианта лингвоперсонологической гипотезы языка, который предполагает движение исследования от личности как носителя психологических, социальных, коммуникативных и других характеристик к ее языковому компоненту [Голев, 2006, с. 22].

Индивидуальный аспект описания языковой личности связан с портретированием – описанием конкретной языковой личности, отражающим своеобразие письменно-речевой деятельности носителя языка в определенном аспекте.

Для нас актуально применение лингвоперсонологических изысканий в аспекте взаимодействия человека и языка, человека и текста, человека и информации.

Основываясь на данных лингвоперсонологии, мы можем выделить как минимум три аспекта во взаимодействии человека с информацией: восприятие информации, отношение к ней и ее воспроизведение. По принципу восприятия информации мы выделяем визуалов, аудиалов и кинестетиков (в зависимости от того, какой канал восприятия информации наиболее развит у человека). По принципу отношения к информации мы можем выделить рационалов и иррационалов (в зависимости от того, как человек упорядочивает информацию, как соотносит ее с различными жизненными ситуациями). По принципу воспроизведения информации мы выделяем копиистов и креативистов (в зависимости от того, в каком виде человек передает полученную информацию: с большей или меньшей трансформацией).

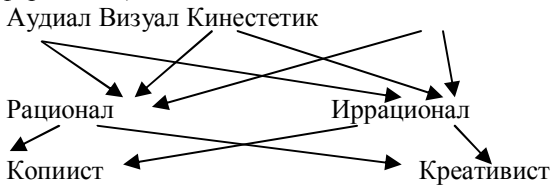

Рис. 1. Типы языковой личности

На рисунке 1 показано, каким образом проявляются те или иные возможности у разных типов языковой личности. Мы можем говорить о 12 типах языковой личности. Перечислим их: аудиал-рационал-копиист; визуал-рационал-копиист; кинестетик-рационал-копиист; аудиал-рационал-креативист; визуал-рационал-креативист; кинестетик-рационал-креативист; аудиал-иррационал-копиист; визуал-иррационал-копиист; кинестетик-иррационал-копиист; аудиал-иррационал-креативист; визуал-иррационал-креативист; кинестетик-иррационал-креативист.

Кратко поясним возможности каждого типа языковой личности¹.

У аудиала-рационала-копииста ведущим каналом восприятия является слух. Он адекватно реагирует на абстрактное правило и может соотносить его с конкретным орфографическим случаем, неоднократно копируя образец. Не способен на сильные трансформации текста (изложения пишет близко к оригиналу).

У визуала-рационала-копииста ведущим каналом восприятия является глаз. Он адекватно реагирует на абстрактное правило и может соотносить его с конкретным орфографическим случаем, неоднократно копируя образец. Не способен на сильные трансформации текста.

У кинестетика-рационала-копииста ведущим каналом восприятия является рука. Он адекватно реагирует на абстрактное правило и может соотносить его с конкретным орфографическим случаем, неоднократно копируя образец. Не способен на сильные трансформации текста.

У аудиала-рационала-креативиста ведущим каналом восприятия является слух. Он адекватно реагирует на абстрактное правило и может соотносить его с конкретным орфографическим случаем. При воспроизведении текста может значительно трансформировать его (изложения пишет с элементами сочинения).

У визуала-рационала-креативиста ведущим каналом восприятия является глаз. Он адекватно реагирует на абстрактное правило и может соотносить его с конкретным орфографическим случаем. При воспроизведении текста может значительно трансформировать его.

У кинестетика-рационала-креативиста ведущим каналом восприятия является рука. Он адекватно реагирует на абстрактное правило и может соотносить его с конкретным орфографическим случаем. При воспроизведении текста может значительно трансформировать его.

---

¹Особенности восприятия языка носителями рассмотрены в монографии Лопатиной И.А., Татаринцевой Е.Н. «Лингвоперсонологическая модель преподавания русской орфографии».

У аудиала-иррационала-копииста ведущим каналом восприятия является слух. Он не может адекватно реагировать на абстрактное правило и редко (случайно) может соотнести его с конкретным орфографическим случаем. Не способен на сильные трансформации текста.

У визуала-иррационала-копииста ведущим каналом восприятия является глаз. Он не может адекватно реагировать на абстрактное правило и редко (случайно) может соотнести его с конкретным орфографическим случаем. Не способен на сильные трансформации текста.

У кинестетика-иррационала-копииста ведущим каналом восприятия является рука. Он не может адекватно реагировать на абстрактное правило и редко (случайно) может соотнести его с конкретным орфографическим случаем. Не способен на сильные трансформации текста.

У аудиала-иррационала-креативиста ведущим каналом восприятия является слух. Он не может адекватно реагировать на абстрактное правило и редко (случайно) может соотнести его с конкретным орфографическим случаем. При воспроизведении текста может значительно трансформировать его.

У визуала-иррационала-креативиста ведущим каналом восприятия является глаз. Он не может адекватно реагировать на абстрактное правило и редко (случайно) может соотнести его с конкретным орфографическим случаем. При воспроизведении текста может значительно трансформировать его.

У кинестетика-иррационала-креативиста ведущим каналом восприятия является рука. Он не может адекватно реагировать на абстрактное правило и редко (случайно) может соотнести его с конкретным орфографическим случаем. При воспроизведении текста может значительно трансформировать его.

Таким образом, у каждого человека есть свои уникальные языковые данные, иными словами, языковая способность у каждого человека индивидуальна [Лопатина, 2010, с. 70–72].

Лингвоперсонологическая модель преподавания языка строится с опорой на индивидуальные данные каждого обучаемого. Выше мы уже назвали 12 типов языковой личности, однако для удобства мы выделяем 4 основных подтипа языковых личностей:

- рационал-копист;
- рационал-креативист;
- иррационал-копист;
- иррационал-креативист.

Эти подтипы имеют определяющие характеристики, поскольку наличие или отсутствие лингвокреативных способностей определяют

возможности человека работать с текстом (копировать или трансформировать его), наличие или отсутствие аналитических способностей определяют границы восприятия орфографического правила (адекватное восприятие или его игнорирование).

Таким образом, первые два основных подтипа языковых личностей способны воспринимать орфографическое правило, логичнее для них использовать методику преподавания языка через объяснение правил, систематическую работу с орфографическим материалом, орфографическим тестом.

Лингвоперсонологическая модель преподавания языка предполагает обучение языку не только через разъяснение орфографического правила, но и через стихийное восприятие нормативности текста. Выше мы уже выделили 4 основных подтипа языковых личностей. Рассмотрим следующие 2 подтипа – иррационал-копиист и иррационал-креативист.

Эти подтипы имеют следующие характеристики: они ограничены в восприятии орфографических правил. Таким образом, иррационалам эффективнее преподавать орфографию на примере текста, так как усвоение орфографических норм у них происходит на стихийном, неосознаваемом уровне.

Что такое орфографическая норма? Что такое русская орфография? Прежде всего, это свод правил о письме. Традиционно выделяются 5 сводов орфографии: 1) правило переноса; 2) правило написания строчных и прописных букв; 3) правило написания аббревиатур; 4) слитно-дефисно-раздельное написание слов; 5) правописание морфем. Что же такое, по сути, орфографическая норма? Это условно установленное и закрепленное правилом преобразование звуков в буквы. А из истории русской орфографии мы видим, что орфографические нормы устанавливались согласно траектории развития языка. Так, например, ЖИ / ШИ пишутся через И, потому что в истории языка звуки [Ж] / [Ш] были исконно мягкими, так же как и звук [Ц]. Звук [Ц] отвердел к 15 веку, поэтому слова, образованные после его отвердения, стали писаться через Ъ (цыпленок, цыц, цыган). Таким образом, правило по отношению к современному языковому сознанию носителя языка стало дистанцированным, чуждым, искусственным. В связи с этим методика преподавания русского языка через правило далеко не всегда срабатывает. Особенно если мы имеем дело с обучаемыми иррационального склада ума. Встает закономерный вопрос: вообще отказаться от правила и от учебника? Разумеется, нет. Правило является основой русской орфографии, от него отказаться невозможно, однако перенести акценты в преподавании языка под силу каждому обучающему.

Во-первых, необходимо усвоить: правило не несет в себе абсолютной ценности, его заучивание не всегда приводит к грамотному письму. Во-вторых, отработка определенного вида орфограмм без постоянной работы с текстом как носителем норм языка также не формирует стойких знаний у учащихся.

Таким образом, возможности взаимодействия человека с информацией носят определяющий характер в лингводидактике.

Литература

- Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
- Голев Н.Д. Лингвоперсонологические основания типологии языковой личности // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006.
- Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004.
- Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1994. Т. 53. № 2.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мухаммад Л.П., Мухаммад Х.И.А., Хетагурова Н.Н. К вопросу о методологии современных наук гуманитарного цикла // Вестник МАПРЯЛ. 2006. № 53.
- Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996.
- Лопатина И.А., Татаринцева Е.Н. Лингвоперсонологическая модель преподавания русской орфографии. Барнаул, 2010.

АКТИВНЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕДИАТЕКСТЕ

Т.Ю. Редькина

Ключевые слова: медиатекст, заимствование, калькирование, опредмечивание значения, событийноцентричная номинация.

Keywords: mass media text, literal borrowing, loan-word, meaning shift, «event-in-center» nomination.

Медиатекст фиксирует не только картину мира в ее непрерывном изменении, но и средства представления этой картины – номинативные единицы, которые, в соответствии со спецификой представляемого ими

объекта – перманентно обновляющейся действительности – обладают высокой степенью трансформативности. Экстенциональная направленность медиатекста и представленность в нем (в условиях новой коммуникативной ситуации) элементов речевой практики всех социальных групп демассифицированной аудитории позволяет рассматривать медиатекст как своего рода зеркало, отражающее общенародный язык, а доминирование медиатекста в современном речевом потоке приводит к тому, что данный тип текста становится мощнейшим инструментом воздействия на повседневную речевую практику общества.

Активные лексико-семантические процессы в медиатексте являются следствием воздействия факторов, которые можно объединить в следующие группы: экстралингвистические факторы, то есть сама окружающая человека реальность, включающая также социальную дифференциацию носителей языка; собственно лингвистические факторы (в частности, закон языковой экономии); семиотические факторы, отражающие взаимодействие различных семиотических систем в процессе медиакommunikации; дискурсивные факторы, которые обусловлены свойствами самого медиадискурса. При этом то или иное лексико-семантическое явление обычно порождается действием не одного, а нескольких факторов.

Одним из наиболее активных процессов в лексике наших дней является заимствование, включающее в себя также и калькирование (заимствование путем буквального перевода слова или оборота речи). Этот процесс обусловлен в первую очередь действием экстралингвистических факторов.

Глобализация приводит к тому, что вместе с новыми артефактами во многие языки мира приходят и их английские обозначения (англицизмы): «*Это **пилметр**, – менеджер TNS Россия Юлия Ежова показывает пластиковую коробочку, присоединенную к телевизору. Если перевести буквально, «**пилметр**» – это как «измеритель людей». Аппарат фиксирует, какой канал транслирует телевизор» (Комсомольская правда в Санкт-Петербурге, 2012, № 47; далее – КП в СПб).*

Активно заимствуется лексика сферы шоу-бизнеса и индустрии моды: «*В ее **райдере** (списке требований) – сплошные витамины и ни капли алкоголя. По общему мнению, **райдер Гаги** – один из самых скромных в мире» (КП в СПб, 10.12.2012); «*Тем, кому некогда думать о праздничном гардеробе, на выручку придет **шоппер** – специалист, помогающий подобрать одежду для вас и сориентироваться в модных**

тенденциях сезона» (КП в СПб, 11.12.2012). Отметим, что авторы-журналисты часто сопровождают заимствования-неологизмы русскими эквивалентами (как в приведенных выше примерах), с помощью чего реализуется просветительская функция медиатекста.

По мнению Л.П. Крысина, массовому и сравнительно легкому проникновению иноязычных неологизмов в русский язык способствуют, наряду с прочими, и социально-психологические причины – в частности, престижность заимствования по сравнению со словом родного языка [Крысин, 2008, с. 171]. Такую ситуацию можно наблюдать в следующем примере, представляющем собой подпись к фотографии, присланной на конкурс и опубликованной в газете: *«Анна – художник, изготавливает хэнд-мэйд украшения»* (КП в СПб, 10.12.2012). Значение англицизма *хэнд-мэйд* («hand made») соответствует значению русского атрибутивного словосочетания «ручной работы» («украшения ручной работы»), однако образу молодой, одетой по последней моде девушки, стремящейся преподнести себя публике в наиболее выгодном свете, соответствует и более новая, «престижная», интернациональная номинация. Заметим, кстати, что в представленном примере определение к слову «украшения» (как заимствованное «хэнд-мэйд», так и исконное «ручной работы») является вообще избыточным, так как обычно «художник изготавливает» предметы прикладного искусства именно вручную, без помощи машин.

Наряду с номинациями артефактов заимствуется и отвлеченная (абстрактная) лексика, что является следствием изменений в общественно-политической, экономической и социальной сфере. Социальные явления, которые прежде не были концептуализированы в русском языковом сознании (не имели понятийного соответствия), обозначаются заимствованными словами, при этом заимствуется и сам концепт: *«Удивительно агрессивное и жизнестойкое явление этот самый «гламур». Русскому гламуру от силы пятнадцать лет, а он уже намыл себе значительную территорию и покушается на все новые»* [Москвина, 2007]; *«Случаев харассмента в России – навалом, а термина своего не придумали. Sexual harassment чаще всего переводят как «одомогательство, приставания, запугивание». Но понятие это, скажет вам любой юрист, много шире»* (Итоги, 2011, № 10).

Заимствуются также слова и словосочетания, представляющие собой имена лиц, и соответствующие этим именам концепты, что отражает изменения в сфере национальной духовной культуры: *«Корреспондент: Бывает, что человек не хочет или не может делать деньги... Тиньков: Не хочет и не может – извините, это две разные*

вещи. Не хочет – это одно. Это лузер» (Петербург на Невском, 2010, № 12) – или в изменения в социальной структуре российского общества: *«Тогда нынешний «креативный класс»¹ был занят. Кто-то участвовал в приватизации. Торопился оказаться в нужное время в нужном месте. Не упустить»* (Итоги, 2012, № 21); *«Проблемы, которые волнуют так называемый креативный класс, хорошо известны. У молодых основной вопрос: уезжать или оставаться? У тех, кто постарше: работать с энтузиазмом на благо страны или, неважно где, зарабатывать себе на тихую старость в Швейцарии или Канаде? Вот повестка дня продвинутой части общества»* (Итоги, 2012, № 38).

Отношение российского общества к широкому потоку заимствований по-прежнему неоднозначно: *«Такие слова страшные... Я про язык краудсорсингов, фасилитации, маркетинга, таргетинга, вирусности и гейминга»* (из речи Дмитрия Медведева – Итоги, 2012, № 47). Выделенные курсивом слова-термины функционируют в определенных профессиональных сферах, являются интернационализмами и непонятны неспециалистам, однако отсутствие однословных русских соответствий и – как альтернатива заимствованию – передача их словосочетаниями большей или меньшей распространенности вступает в противоречие с законом языковой экономики, что и способствует их распространению и укоренению в русском языке.

Некоторые из новых заимствований могут рассматриваться как «ключевые слова текущего момента», представляющие собой фрагмент словаря, который заключает в себе «понятия, наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно» [Шмелева, 1993, с. 33], и способные обрести статус «слов-символов текущего момента», как, например, слово *тренд*, образующее устойчивое словосочетание – *быть в тренде*: *«Сегодня ходить в церковь – означает “быть в тренде”»* (Аргументы и факты, 2012, № 49; далее – АиФ). Достаточно велико и количество атрибутивных словосочетаний со словом «тренд»: *«А с морально-этической точки зрения все будет зависеть от социальных трендов»* (КП в СПб, 2012, № 47); *«По словам премьера, никакого «репрессивного тренда» и подавления инакомыслия в стране не наблюдается»* (АиФ, 2012, № 50); заметим, что в данных примерах слово «тренд», на наш взгляд, вполне могло бы быть заменено словом

---

¹ Словосочетание «креативный класс» является калькой английского словосочетания «creative class».

«тенденция». В словарях английского языка слово «trend» (постепенное изменение или развитие, которое дает определенный результат) подается как синоним одного из значений слова «tendency» (тенденция) [Macmillan English Dictionary, 2002, с. 1535], давно ассимилированного русским языком. Однако слово «тренд» в русском языке, в отличие от слова «тенденция», может иметь и предметное значение: «*Говорят, этой зимой сапоги из овчины – настоящий модный тренд*» (КП в СПб, 10.12.2012); в данном примере замена слова «тренд» на слово «тенденция» («сапоги из овчины – настоящая модная тенденция») вряд ли возможна.

Важные изменения происходят в лексике также в результате калькирования. Кальками являются такие слова и словосочетания, как *продвинутый, теневой, горячая точка, мыльная опера* и т.д. [Крысин, 2008, с. 181–182].

По мнению Г.Я. Солганика, «гораздо шире заимствование речевых оборотов происходит посредством калькирования, поскольку носителями языка они воспринимаются не как варваризмы, чуждые их языковому вкусу, а как обычные русские выражения» [Солганик, 2013, с. 191–192]. Однако калькирование может приводить к появлению неузуальных для русского языка словосочетаний: «*В начале октября в Вашингтоне я получал приз имени Вудро Вильсона. Эту награду дают за достижения в гуманном бизнесе и за служение обществу*» (М. Пиотровский. Столичная провинциальность. Санкт-Петербургские ведомости, 28.10.2009). «Гуманный бизнес» калька английского словосочетания «human business», то есть такой бизнес, в котором особое значение имеют человеческие взаимоотношения. Значение одного из слов в подобных калькированных словосочетаниях является новым, не зафиксированным словарями: так, в получившем распространение в научных кругах словосочетании «панельная дискуссия» («panel discussion») слову «панельный» соответствует такое значение английского слова «panel» (группа людей, которые дискутируют или выносят суждение о чем-либо, в частности группа широко известных людей, участвующих в радио- или телепрограмме) [Macmillan English Dictionary, 2002, с. 1025], которое отсутствует у русского слова «панель», в результате чего калька может варьироваться: «*Все семинары были поделены на так называемые “дискуссионные панели”*» (КП в СПб, 11.12.2012). В результате калькирования подобных словосочетаний у уже существующих в русском языке заимствованных слов (*гуманный, панельный*) появляются новые, ранее не свойственные им значения. Л. П. Крысин

называет подобные слова вторичными заимствованиями [Крысин, 2008, с. 178].

Вследствие затемненности внутренней формы в языке-реципиенте калькированное слово или словосочетание воспринимается носителями языка как метафорическое (в языке-доноре оно является уже стершейся метафорой), что увеличивает экспрессивный потенциал лексики: «*Протест сдулся* [англ. «to blow out»], *власть решила, что погорячилась*» (Итоги, 2012, № 50); «*Мол, информутечки в СМИ о мозговом штурме* [англ. «brainstorm»] *на предмет корректировки полпреформы – не что иное, как запуск пробного шара* [англ. «to start the ball rolling»] *как раз в столичный огород* (Итоги, 2012, №50).

Состав калькированного словосочетания может расширяться: «*Я думаю, что стратегия выбора мишеней продолжит обходить политические “горячие точки”* [англ. «hot point»]» (Московский комсомолец в Питере, 2012, № 50; далее – МК в П), а его формально-семантическая модель может становиться матрицей для новых, уже не калькированных словосочетаний: так, давно калькированное словосочетание «торговая война» (англ. «trade war») породило, в частности, такие варианты: «*Вот говорят: молочная война, газовая война, война компроматов. Какие же это войны, если военного насилия нет?*» (24 часа, 2012, № 50); «*Мясная война* *наверняка осложнит работу комиссии Медведева – Обамы* (КП в СПб, 10.12.2012).

Действием в первую очередь собственно лингвистических факторов (закона языковой экономии) объясняется широкое распространение слов-универбатов (имен существительных, образованных на базе составных наименований, представляющих собой атрибутивные словосочетания): «*А ведь совсем недавно обитатели тихого «спальника» [спального района] на северо-западе Москвы готовы были лезть на баррикады*» (Итоги, 2012, № 42); «*Изделия из верблюжски, овечки, собачки* [верблюжьей, овечьей, собачьей шерсти]. *Большой выбор*» (реклама магазина «Добрые вещи» в СПб, 2011); *Люди берут кредит, чтобы купить плазму* [телевизор с плазменным экраном] (НТВ, Сегодня. Итоговая программа. 09.12.2012).

Закон языковой экономии, наряду с экстралингвистическим фактором, может также приводить к заимствованию: «*Можно посвятить отпуск модному нынче виду отдыха – бердвотчингу (по-русски – наблюдению за птицами)*» (Труд – 7, 2012, № 126).

Влияет на современную лексическую систему, систему вербальных (символических) знаков, и процесс визуализации информации – все возрастающая роль иконических знаковых систем как средства передачи информации и, соответственно, увеличение объема иконических текстов в информационном потоке. У иконических знаков (телеизображения, фотографий, рисунков, чертежей, графиков, карт и т.п.) означаемое подобно означающему. Оперирование иконическими знаками не носит конвенционального характера, понимание таких знаков осуществляется по непосредственно составляющим. Перенос навыков работы с иконическими знаковыми комплексами на языковую систему приводит (на лексическом уровне) к появлению у слов несвойственных им ранее значений, получающих широкое распространение. Наиболее ярким примером можно считать появление у слова «нелицеприятный» (словарное значение – беспристрастный, справедливый), внутренняя форма которого – «не принимающий во внимание статус лица, объективный», значения «неприятный для какого-либо лица»: «*К отмене накрепко прикручен **нелицеприятный** довесок: санкции против российских чиновников*» (КП в СПб, 10.12.2012); «*Я говорила, что не буду этого делать, тогда меня вызвали в ТИК и вели очень **нелицеприятные** разговоры*» (АиФ, 2012, № 50). Подобная ситуация характерна для слов: «жизнедеятельность», в речевой практике уже развившего значение «жизнь и деятельность», «пресловутый» – «получивший известность» (элиминирован семантический компонент «отрицательную или сомнительную», поскольку в слове он не имеет формального выражения – не иконичен): «*О них писал еще Вяземский: «... мороз, лаская, щиплет нежный бархатец ланит». **Пресловутые** ланиты могут быть ущиплены морозом лишь на свежем воздухе*» (Новое время, 2011, № 1); «*А ведь это не что иное, как **пресловутая** “Батрахомиомахия”*» (Петербургский телезритель, 2006, № 46).

К семиотическому фактору, под воздействием которого изменяется лексическая система, можно отнести и влияние рекламного дискурса (в котором иконические знаки играют важную роль): «Задача рекламы – не пропаганда отдельных вещей, а интеграция человека в их систему. Это форма связи индивида и общества. Это ответ на загадку о том, что связывает атомизированных индивидов в общественное целое» [Марков, 1999]. Под воздействием культа вещей в гедонистически ориентированном обществе у некоторых слов развиваются предметные значения, ранее

им несвойственные или находившиеся на периферии их понятийной сферы; «эффект опредмечивания» проявляется в высокочастотном использовании этих слов в формах множественного числа. Наиболее ярким примером может служить слово «жизнь»: *«Кризис сказался отрицательно на_жизнях многих людей»* (Еuronews. 03.04.2010. 10:30). Заметим, что в четырехтомном толковом «Словаре русского языка» (МАСе), приводящем 8 значений слова «жизнь», нет ни одной иллюстрации (всего в словарной статье 19 иллюстраций-цитат), в которой это слово было бы употреблено в форме множественного числа. По-видимому, это еще одно подтверждение тому, что сам концепт «жизнь» подвергся значительной трансформации в современном русском языковом сознании.

Опредмечивание значения может проявляться и в изменении сочетаемости слова. Так, слово «стилистика» развило и активизировало значение, которое можно сформулировать как «совокупность характерных материальных деталей какого-либо предмета или явления», что позволило ему вырваться далеко за пределы научной речи: *«Одна из забот администрации – единая стилистика заборов»* (Новости. 5 канал. 28. 09. 2009. 7:30); *«Разнообразна и стилистика. На одном полюсе – ретро: я про высокие туфли совершенно в наше время бессмысленных фуражек»* (Коммерсантъ, 21.9.2011); *«Три корпуса, два этажа цехов, общежитие для рабочих на 300 мест с кухней и столовой, офисное здание, увитая зеленью панорамная терраса крыши и стриженные субтропические джунгли дворовой площадки умиляли. Как оказалось, подобная плантаторская стилистика была здесь достаточно распространена»* (Петербург на Невском, 2010, № 12); *«На полку положили рок-альбом Елены. Там была прямая конкуренция по стилистике с госпожой Рамазановой. Вот ей и не дали хода»* (Петербургский телезритель, 2011, № 5); *«Кстати, стилистика украшений удивительным образом совпала с видом того самого шлема Александра, за которым гонялся Доцент»* (КП в СПб, 2012, № 47).

Еще одним проявлением семиотического фактора можно считать влияние социально престижных семиотических систем на словоупотребление; одной из таких систем в наши дни является спорт, активизирующий в речи «спортивную» метафору: *«Путин понимает, что система перестала быть управляемой, но находится в состоянии цугцванга: куда ни ходи, получится еще хуже»* (МК в П, 2012, № 50); при этом спорт рассматривается как частный случай

игры (в приведенном выше примере метафора отсылает к шахматной игре). «Игра» одно из наиболее активных смысловых полей, являющихся источником метафоры: *«Ющенкоуцы не просто уходят из украинской политической песочницы под названием «антикризисная коалиция», но и отзывают своих министров из правительства»* (Итоги, 2006, № 41). Активно вовлекается в метафоризацию и религиозная сфера: *«Никто пока не тронет Сочи, хотя все видят, что это гигантский коррупционный рай»* (МК в П, 2012, № 50); *«Транспортный Армагеддон в отличие от конца света, предсказанного майя, в России уже наступил»* (Итоги, № 50, 2012). Разумеется, на престижность сфер метафоризации влияет экстралингвистический фактор (о взаимообусловленности факторов уже было сказано выше).

Переходя к характеристике дискурсивных факторов, влияющих на лексико-семантические процессы, отметим, что, по мнению Е.В. Какориной, узловыми точками дискурса СМИ являются событие и концепт [Какорина, 2008, с. 501]. Центральное место события в медиатексте, как кажется, приводит к тому, что широко распространяются номинации лица по временному признаку (их можно назвать «событийноцентричными»), обозначающие человека по одному из компонентов события: по типу события (стрелок, фигурант, отказник, протестант); по фамилии лидера – ньюсмейкера: *«Режим прекращения огня каддафисты не соблюдают»* (Euronews, 22.03.2011. 8:45); *«Ющенкоуцы не просто уходят <...>, но и отзывают своих министров из правительства»* (Итоги, 2006, № 41); по атрибуту (белоленточники) или месту события (болотные, болотниковцы).

Событийноцентричные номинации выражают также свойственную языку тенденцию к экономии. Так, согласно «Толковому словарю русского языка конца XX века» *отказник* – это человек, которому отказали в выезде из СССР; тот, кто отказывается повиноваться властям, администрации; призывник, отказывающийся от службы в армии; ребенок, оставленный на попечение государства в результате отказа от него родителей [Толковый словарь русского языка..., с 443]. В наши дни слово *отказник* (*отказница*) употребляется также для обозначения родителя, отказавшегося от ребенка: *«Бывает и так, что родные отказники папы – мамы в соседней деревне живут. И, узнав о судьбе своих детей, пытаются их разыскать»* (КП в СПб, 01.04.2013); человека, которому отказали в визе на въезд в страну: *«У нас самый главный отказник – это*

Кобзон» (КП, 21.01.2003), то есть любого, для кого отказ стал событием (независимо от актантной роли имени лица в пропозиции): тот, кто отказался, от кого отказались и кому отказали. Актантная энантиосемия, активизировавшаяся, по мнению О.П. Ермаковой [Ермакова, 2008, с. 61], в последние десятилетия XX века в разговорной речи и в прессе, и является, на наш взгляд, результатом того, что медиаречь (как и речь в других сферах) становится все более событийноцентричной.

Основная функция событийноцентричных номинаций в медиатексте – идентификация; это оперативные наименования «по горячим следам», в основу которых кладутся наиболее явные (наблюдаемые) и потому бесспорные признаки обозначаемого: так, одни и те же люди могут быть названы «протестантами» (они выражают свой протест на митингах), «болотниковцами» (митинги проходят на Болотной площади) и «белоленточниками» (участники митингов имеют при себе белые ленты). Внедрение концептуальной информации в лексические единицы данного типа происходит, как нам представляется, не в момент их создания, а позже, по мере осмысления обществом самого события и его вовлечения в широкий дискурс. Таким образом, можно говорить о событийноцентричных номинациях как о факторе, сдерживающем идеологизацию слова в СМИ.

Дальнейшее изучение комплексного воздействия экстралингвистических, собственно лингвистических, семиотических и дискурсивных факторов на лексико-семантические процессы в медиатексте должно, надеемся, способствовать увеличению числа «просвещенных и добросовестных речепользователей» как среди создателей, так и среди потребителей медиапродукции.

Литература

Ермакова О.П. Семантические процессы // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.

Какорина Е.В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.

Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.

Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. [Электронный ресурс]. URL: http://gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markov/09.php (дата обращения: 20.06. 2012).

Москвина Т. Фюрер красоты. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramotey.com> (дата обращения: 12.10. 2010).

Солганик Г.Я. О речевых неологизмах (на материале публицистики) // Славянская стилистика. Век XXI. СПб., 2013.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.

Шмелева Т.Н. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1.
Macmillan English Dictionary. Oxford, 2002.

ЖУРНАЛИСТИКА ДОСУГА И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ : ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ

В.А. Сидоров

Ключевые слова: журналистика, массмедиа, медиареальность, социальное время, досуг, свободное время, развлечения, социальные проблемы.

Keywords: journalism, mass media, media reality, social time, leisure, free time, entertainment, social problems.

Информация и коммуникация имеют каждая по две стороны, в большей или меньшей степени противоречащих друг другу, но неотделимых друг от друга. Нормативная сторона информации отсылает к идее истины, а нормативная сторона коммуникации – к стремлению поделиться. Другая сторона, функциональная, в большей степени призванная служить инструментом, связана с тем, что в современных обществах, в конечном итоге, весьма сложных, нельзя жить без информации, связей, взаимодействия... Проблема коммуникации, замечает Д. Вольтон, – это проблемы сосуществования и социальных связей в современном обществе [Вольтон, 2011, с. 8].

Коммуникативная форма социальных действий означает принципиальную возможность вновь утвердиться в известном – в том, что только общественная жизнь придает истинный смысл существованию массмедиа. Без общественного запроса любое содержание медиа – технический артефакт. Совокупность отражаемых социальных действий формирует медиареальность, которая ни в коем случае не означает нечто оторванное от мира сего или какое-то непреодолимое воспарение медийного духа над действительностью. Отнюдь, мы поддерживаем мнение философа, полагающего, что медиареальность образуется в процессе коммуникации, то есть коммуникативную реальность надо воспринимать как особое

измерение реальности социума [Назарчук, 2011, с. 157].

Анализ медиареальности и последствий ее воздействия на общество и человека в настоящее время усложнен особенностями функционирования медиасферы: она стала столь всеобъемлющей, что вобрала в себя все сколько бы то ни было значимые проявления политики, культуры, досуга. Недаром возникли гипотезы (скажем прямо, бесосновательные) о медиатизации политики или тотальном охвате культуры человечества медиакulturой.

Из теории структурно-функционального анализа Т. Парсонса о функциях и обеспечивающих эти функции социальных институтах вытекает понимание неоднозначности бытия журналистики, ее активного рассредоточения по всему пространству социальной системы. Отчего закономерен вопрос об особой значимости журналистики для социума. Для общества журналистика стала не просто атрибутом социальной действительности, она обрела статус постоянного присутствия в делах общества. Журналистика, являясь важнейшим звеном духовной жизни человека, выступает в качестве общественно значимой ценности.

Во второй половине XX века гуманитарная мысль обратила особое внимание на аксиосферу человеческого бытия. Были выделены детерминанты, предопределяющие выдвижение на авансцену истории тех или иных ценностей, их всякий раз особое содержание: социально-политические, этнокультурные, конфессиональные, техногенные. Внимательному рассмотрению подверглась и медиасфера, в которую органично включены средства массовой информации в качестве элемента этой структуры. Их взаимодействие с другими составляющими медиасферы оказалось столь значительным, что печатные и аудиовизуальные СМИ в значительной мере отразили в себе и в себя вобрали все векторы и полюса медийной реальности – от науки до политики, от искусства до «массовой культуры», от консалтинга до развлечения. XX век привнес в общественную практику и понятие журналистики досуга.

Естественно, и до минувшего столетия определенная часть изданий в странах Европы, в том числе в России, демонстрировала свою ориентацию на заполнение свободного времени человека развлекательным чтением. (Отсюда, кстати говоря, во многом и начала свое развитие так называемая «массовая культура»). Немало таких изданий увидело свет, и были они весьма разнообразны как по своему содержанию, так и по уровню предъявляемых к ним требований со стороны читателей. Но как бы значительная часть читательской

аудитории ни жаждала все новых и новых развлечений, развлекательность в прессе допускалась с постоянной оглядкой на общепринятую мораль: многое из того, что в наши дни без всякого стеснения наименовано сферой досуга, не освещалось даже в самых низкопробных изданиях.

Прошедшее столетие сделало публичными многие зоны, ранее табуированные для прессы, что повлекло за собой многогранные перемены в общественном сознании и поведении индивидов. В свою очередь, и журналистики коснулись определенные изменения – содержательные, лексические, ценностные. Так что к наступившему XXI веку система СМИ в целом претерпела качественные преобразования, характер которых наиболее зримо демонстрирует история взаимодействия СМИ со сферой досуга.

Еще до относительно недавнего времени печать и другие, более современные, средства массовой информации свое присутствие в досуговой сфере человека ограничивали относительно скромным участием в ней, если сравнивать с вкладом в сферу досуга других субъектов медиасферы (цирк, театр, карнавал, кино). Но уже в последнюю четверть прошлого столетия, как установили исследователи, для СМИ многое изменилось радикальным образом, и в этом плане особенно заметно возросла роль телевидения, которое отныне стало решающим звеном в организации досуга человека, приучая людей приспособлять свое свободное время к программам телепередач. Воздействуя на досуг, телевидение помогает человеку развлекаться, избежать скуки, забыть о каждодневных проблемах и заботах; быть в курсе событий, получать информацию и различные советы; узнавать о социальных проблемах, осуществляя тем самым опосредованные контакты, чувствовать свою сопричастность персонажам и ведущим телепередач; идентифицировать или сопоставлять себя с другими людьми. Кроме того, телевидение способствует возникновению благоприятного эмоционального состояния, чувства общительности, раскованности, хорошего расположения духа [Кисилева, Красильников, 1995, с. 88].

Аргументация этого мнения датируется серединой последнего десятилетия прошлого века. За прошедшее время еще раз изменилось наше представление о роли телевидения в жизни индивида и общества – сегодня за счет широкого вторжения в жизнь Интернета и новейших компьютерных технологий все чаще наблюдается освобождение человека от привязки к времени показа той или иной передачи в эфире. Да, необходимость приспособлять свободное время индивида к

программе телепередач уходит в прошлое, но не пропадает зависимость от самих передач, хотя факт просмотра той или иной телевизионной программы может быть передвинут на удобное конкретному телезрителю время. Так что со времен П. Лазарсфельда и Р. Мертон, которые еще в середине двадцатого столетия установили, что без ежевечернего включения телевизора не создать иллюзию присутствия гражданина в политической и культурной реальности, его участия в решении стоящих перед обществом проблем, ничто не изменилось.

Следует согласиться с культурологами в их анализе особой позиции СМИ в социально-культурной деятельности: массмедиа прямо или косвенно участвуют в формировании мнений, оценок, установок, ценностных ориентаций, влияют на трудовую и общественно-политическую активность человека, его участие в общественной жизни, организацию досуга. Журналистское влияние на личность становится непрерывным, интенсивным, универсальным. Социально-культурный потенциал СМИ определяется их социальной [разумеется, и политической. – В.С.] сущностью и спецификой [Кисилева, Красильников, 1995, с. 87]. Утверждение воздействия СМИ на ценностную структуру общественного сознания через сферу досуга уже не требует доказательств, но и не добавляет понимания сущности журналистики досуга. Думается, что такое понимание может быть доступным, прежде всего, через определение назначения сферы досуга в жизни человека и выделение ценностных оснований и ценностных ориентаций самой журналистики досуга.

Ценность – это специфически социальное определение объекта окружающего мира, выявляющее его положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро, зло, прекрасное и безобразное), заключенное в явлениях общественной жизни и природы.

В качестве философской категории ценность – это то, что чувства и разум людей диктуют признать особенно значимым в их жизни и во имя чего проживается эта жизнь. Критерий того, что является ценностью, и что не является, – в самом человеке. Часть ценностей человек приобретает по наследству от тех традиций, в которые он «чудесным образом попал в результате своего рождения». Сознание помогает человеку вырабатывать новые ценности, которые составляют смысловой центр его бытия. Ценность выступает как цель сама по себе, к ней стремятся ради нее самой, а не ради чисто материального интереса, выгоды или чувственного удовольствия. Направленность

установки субъекта и его деятельности на определенную ценность называется ценностной ориентацией.

Таким образом, ценности – это характеристики предметов (явлений), в которых человек заинтересован и которые он оценивает положительно или отрицательно, иными словами, в которых выражено нормативно-оценочное отношение человека к окружающей действительности. Под ценностью субъект подразумевает прежде всего обращенные к нему и нужные ему свойства объекта. В аксиологии встречается близкое к понятию «ценность» понятие «благо», в основе которого лежит польза. Благами являются те вещи, которые полезны для удовлетворения человеческих потребностей. Но в понятии блага особенно четко выступает объективное – то, что вещь полезна, удобна и т.д.; тогда как в понятии ценности раскрывается субъективное – то, что данное благо ценится человеком.

Ценности всегда социальны по своей природе, поскольку возникают и формируются в процессе взаимодействия людей.

Учитывая значение понятий «ценность» и «благо», установим, что искомым нами ценностное основание журналистики досуга не может не быть связанным с ценностью и благом досуга в жизни человека, которые выражаются в приоритетах использования индивидом его свободного времени (какова польза в его наличии, насколько мы ценим приносимое им благо). Заметим, что феномен свободного времени давно привлекает к себе внимание не только исследователей, но и практиков: чем сложнее задачи приходится решать обществу, тем большую значимость приобретает рациональное использование свободного времени – сочетание досуга (отдыха, развлечений) и более возвышенной деятельности (творчества, общественной работы) [Мискевич, 1989, с. 3]. Поэтому, обосновывая представление о журналистике досуга, особым образом выделим свободное время как объективную ценность общественного бытия и отражающей его журналистики.

Сегодня принято повседневное время человека (это понятие носит несколько неконкретный характер) представлять в строгой форме социального времени, которое, в свою очередь, делится на рабочее и вне рабочее. Последнее, в свою очередь, сложно составлено из временных отрезков на сон, на необходимые занятия по дому (приготовление пищи, уборка квартиры, уход за детьми и пр.); в том числе во вне рабочее время вычленяется свободное время индивида.

Многообразие видов деятельности в свободное время, их значимость и полезность для общества и личности сделали возможным

их классифицировать. Выделяются четыре группы, характеризующие использование свободного времени:

- 1) создание общественно значимых материальных и духовных ценностей;
- 2) восстановление и развитие физических возможностей человека;
- 3) потребление материальных и духовных ценностей;
- 4) пассивный отдых, развлечение [Мискевич, 1989, с. 7].

Итак, мы видим некую совокупность временных отрезков жизни индивида. С одной стороны, их совокупность образует социальное время, с другой – каким-либо способом упорядоченное расположение взаимодополняющих элементов создает временной фонд, которым располагает человек, иначе говоря, его личный бюджет времени. То же следует говорить о бюджете времени для общества в целом.

Бюджет времени представляет собой единство качественной и количественной сторон. Социологический подход к изучению качественной стороны предполагает рассмотрение содержательных характеристик деятельности, сущностных социальных сил личности или социальной группы: целей и результатов, потребностей и интересов, мотивов и предпочтительности, мнений и оценок, ориентаций и установок условий социальной среды, в которой осуществляется деятельность и т.д.

Качественная сторона бюджета времени характеризуется его функциями. Можно выделить следующие основные функции бюджета времени: создание материальных и духовных благ; развитие и оптимальное функционирование сущностных сил социальных субъектов – личности, социальной группы, класса; отдых и развлечения, связанные с рекреацией, то есть с восстановлением жизненных сил [Болгов, Гуцу, 1993, с. 20]. Но при этом следует подчеркнуть, что только труд, создающий материальные продукты и услуги, образует вечное естественное условие человеческой жизни, именно он выявляет общественную сущность человека [Золотов, 2001, с. 9].

Следовательно, бессмысленна любая попытка нарушить связь свободного времени человека с его трудом. Эта связь даже глубже, чем может показаться с первого взгляда. С одной стороны, свободное время приобретает свой смысл только в паре с временем труда – рабочим временем, иными словами, мы его понимаем как время свободное от занятости в труде. С другой стороны, свободное время создается трудом человека и в результате труда: чем интенсивней поработал человек и чем выше производительность его труда, тем больше материальных и духовных условий и предпосылок создается им как для увеличения

продолжительности свободного времени, так и его эффективного использования.

Последнее положение опирается на известное сформулированное еще К. Марксом материалистическое понимание сущности богатства человека, которое «представляет собой не распоряжение прибавочным рабочим временем, а такое время, которым можно свободно располагать за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство, свободное время для каждого индивида и всего общества» [Маркс, 1968, с. 215].

Так что смысл функционирования журналистики досуга теснейшим образом связан с содержанием свободного времени человека как части его социального времени. Потому научная трактовка журналистики досуга не совпадает с бытательскими представлениями о бессодержательном фоновом «медиа-заполнении» ничем не занятого временного пространства, якобы случайно образовавшегося у человека. Журналистика досуга опирается на общественно значимую ценность свободного времени и потому призвана постоянно наращивать свой идейно-художественный потенциал, совершенствуя формы и методы его донесения до аудитории, тем самым участвуя в создании условий полноценного использования досуга каждым индивидом.

В современной теории термин «досуг» употребляется в трех значениях:

- как синоним свободного времени;
- как синоним свободной (нерабочей) деятельности;
- как синоним состояния или психологического переживания человека на данный момент.

По мнению отечественных и зарубежных исследователей, рассматривать досуг можно лишь в контексте исторических и социальных наук. При этом выдвигается задача: поставить в центр изучения досуга условия, в которых осуществляется досуговая деятельность людей. В настоящее время большинство ученых не разделяет, а, наоборот, более полно идентифицирует понятия «досуг» и «свободной время». Практически они слились... [Кисилева, Красильников, 1995, с. 31–32].

На рубеже XX–XXI веков ощутимо изменился подход к анализу свободного времени в научной литературе и публицистике. На протяжении человеческой истории досуг воспринимался, во-первых, как некая безусловная ценность (в философском и бытовом смыслах понятия), доступная во всей своей полноте далеко не каждому члену общества, во-вторых, как физически мизерная величина («делу – время, потехе – час»). Такой досуг почти всегда заполнялся игрой, развлечением,

«ничего неделаньем». Но уже во второй половине прошлого столетия в силу разного рода социальных причин, останавливаться на которых в данном случае нет смысла, физическая величина свободного времени возросла, отчего все более явным и более острым становился вопрос об осмысленном содержании досуга, и безусловность ценности свободного времени уступила его относительности. Что привело в жизни к непредвиденным следствиям.

Так, по сообщениям зарубежной прессы, в Германии тысячи пенсионеров, считающих, что возраст совсем не помеха для осуществления мечты, идут учиться тому, на что всю жизнь не хватало времени. И не в какой-нибудь клуб для пожилых или на стариковские курсы, а прямоком в престижные вузы, чем буквально выводят из себя обычных молодых студентов. Те уверяют, что бабушки и дедушки мешают им учиться [Гольденцвайг, 2011, URL].

Аналогичные процессы и в медиареальности: интересы аудиторий различных социально-демографических групп все чаще пересекаются, хотя их структуризация по определенным зонам читательских и зрительских предпочтений по-прежнему доминирует. Эта непростая ситуация накладывает особый отпечаток на работу массмедиа, которых не без оснований относят к числу организаторов досуга. В связи с чем следует поддержать мнение культурологов, полагающих, что общественная, гражданская роль организатора досуга в нынешней ситуации неизмеримо возрастает. Он участвует:

- в решении жизненных проблем семьи;
- в решении региональных проблем в историко-культурной, экологической, социально-психологической, религиозной и других сферах, общих для различных социальных групп;
- в блокировании и нейтрализации возможных источников социальной и межнациональной напряженности;
- в создании благоприятной среды для социально-культурной активности и инициатив населения в сфере досуга [Кисилева, Красильников, 1995, с. 4].

Журналистику досуга отличают определенные политические, нравственные и культурные ориентации, которые вырастают из сложившейся в обществе идеологии свободного времени – целей, задач, способов их решения. Что еще раз позволяет утвердиться в мысли о высокой социальной значимости журналистики досуга и недопустимости видеть в ней синоним бездумного развлечения. Однако, далеко не редкость, когда определенная политическая целенаправленность идейно-художественного содержания маскируется под аполитичную

развлекательность, а на самом деле несложно обнаруживаются цели вполне конкретного политического свойства.

В начале 90-х годов прошлого столетия, после распада СССР, на прилавки газетных киосков поступил номер очередного глянцевого журнала, балансирующего на зыбкой грани эротики и порнографии. Понятное дело, на всех его страницах размещались фотографии обнаженных девушек. Надо сказать, что некоторые этюды были выполнены на высоком профессиональном уровне. Таких изданий в это время появилось немало. Но именно этот номер журнала обладал одной примечательной особенностью. Все размещенные на его страницах фотографии объединялись общим замыслом: каждая фотомодель снималась в головном уборе со звездочками Советской армии: то были пилотки, бескозырки, шапки-ушанки, солдатские каски, летные шлемы, офицерские и генеральские фуражки – довоенные, времен Великой Отечественной войны, современные...

Политическое значение этих журналистских текстов, по всей видимости, в дальнейших разъяснениях не нуждается. Зато закономерен вопрос, с чем мы имеем дело – с журналистикой досуга (пусть даже в ее далеких от нравственности проявлениях) или же с политической информационной акцией, которую несколько ранее могли справедливо назвать идеологической диверсией. Думается, от журналистики досуга приведенный пример очень далек, прежде всего по ценностно-нравственным и ценностно-культурным предпосылкам.

В то же время нельзя не отметить, что подобная мимикрия под журналистику досуга имеет объективные основания. Каждое общество вкладывает в сферу свободного времени и обслуживающую его журналистику досуга свое идейно-политическое содержание, потому как известно, что во время отдыха, когда сторожевые рецепторы нашего сознания на покое, индивидом наиболее эффективно усваивается идейно-политическое содержание текстов СМИ, несущих в себе нравственно-политические составляющие ценностной системы общества.

При внимательном рассмотрении на сферу досуга проецируются «три лика культуры» – ее духовная, техническая и социальная стороны [Кармин, 2000, с. 10]. Причем сфера досуга несет на себе неизгладимый отпечаток политической системы общества. Особое значение приобретает степень материально-технической обеспеченности социума в целом и его индивидов.

Так, в настоящее время углубляется социальное расслоение российского общества, в котором индекс различия в доходах самых богатых и самых обездоленных равняется или превышает, по некоторым

данным, соотношение 1 : 20, при этом многочисленная часть общества живет за чертой бедности. Соответственно различаются как возможности использования свободного времени, так и их идеологическая начинка. С одной стороны, для обладателей миллиардных состояний пресловутый Куршевель вкупе с элитарными глянцевыми журналами, рассказывающими о событиях светской жизни и рекламирующими очень дорогие товары. С другой – попытки сносно провести отпуск на шести сотках в садоводстве, скрашивая освободившееся время бесконечными мелодраматическими сериалами и передачами уровня «Прожекторперисхилтон». Вопрос о том, что по своим культурным достоинствам то и другое не сильно различаются, пока вынесем за скобки рассуждений.

В структурном плане сложной устроенности сферы досуга соответствует разветвленная система обеспечивающих эту сферу СМИ. Социологи выделяют группы занятий, которым человек может посвящать свободное время – с пользой для своего духовного и физического развития (см. таблицу 1, левую половину). При этом сделаем важную для нас ремарку: отдельные виды досуга (в таблице: посещение ресторанов, баров) поначалу кому-то могут показаться сомнительными, если их рассматривать с точки зрения духовного и физического совершенствования личности, но такое суждение не всегда справедливо, потому что в определенном контексте эти виды досуга способны сыграть позитивную роль, так как выполняют главную свою функцию – отвлекают человека от его повседневных забот на работе, помогают установить, упрочить взаимоотношения с друзьями и близкими.

Формы проведения досуга	Виды журналистики досуга
Занятия с детьми, встречи с друзьями и родственниками, работа по дому, на садовом участке	Газета «б соток», рекламные издания, тематические полосы в общественно-политических изданиях («Дачники», «Ближний круг» в «СПб. ведомостях»)
Чтение	Библиографические отделы газет и журналов, литературные передачи на радио и телевидении, телеканал «Россия-Культура»
Посещение театров, выставок, кино, концертных залов	Специализированные издания («Театральный Петербург»), журналы, ориентированные на молодежь и пропагандирующие различные виды популярной музыки

Просмотр видеофильмов ТВ,	Публикация телепрограмм и анонсов телепередач в газетах, издание специализированных массовых журналов («Телевик» и др.)
Занятия непрофессиональным творчеством, хобби	Пресса, теле- и радиопередачи по интересам
Игры	Игровые порталы в Интернете, газеты и журналы с кроссвордами, карточными играми и пр., игровые приставки к персональным компьютерам
Туризм, в том числе зарубежный	Научно-популярные журналы («Вокруг света»), тематические страницы в общественно-политических газетах («Путешествия» в «СПб. ведомостях»), специализированные телеканалы, отдельные телевизионные передачи о природе различных континентов и т.п., соответствующие разделы сервисных журналов авиаперевозчиков и железнодорожных компаний
Пассивный отдых, хождение в парки	Газеты, радио- и телепередачи о здоровом образе жизни, рассказы о достопримечательностях в ежедневных общественно-политических изданиях, муниципальной прессе
Занятия спортом	Газеты «Спорт», «Советский спорт», специализированные телеканалы, телевизионные трансляции Олимпийских игр и др. спортивных состязаний
Посещение ресторанов, баров	Издания, рекламирующие как сами заведения, так и их продукцию, соответствующие вклады в сервисных журналах авиаперевозчиков, железнодорожных компаний

*Таблица 1. Формы проведения досуга и виды журналистики досуга :
определение соответствий.*

Теперь перечисленным профилям досуга человека укажем их обеспечивающую журналистику (см. правую половину таблицы 1). Общий анализ содержания таблицы обнаруживает, что собственно журналистика досуга функционирует в весьма ограниченных параметрах, потому что смыкается то с рекламной индустрией, то с «большой журналистикой». Отчего говорить о каком-то развитом особом сегменте

журналистики, призванной обеспечивать сферу досуга человека, преждевременно – виды и формы проведения человеком его свободного времени обеспечиваются, прежде всего, журналистикой и СМИ в целом.

Скажем, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» регулярно выходят тематические полосы «Путешествия», «Дачники», еженедельно публикуется «Афиша» с телепрограммой, репертуаром театров и кинотеатров, анонсом наиболее заметных фильмов, спектаклей, концертов, обзором музыкальных SD-дисков, беседами с мастерами культуры и т.п. Но это не означает наличия в редакции особой журналистики досуга как выделенной из общего производства газеты деятельности. Перечисленные и аналогичные материалы готовят все те же корреспонденты, которые публикуются на других, так сказать, «серьезных» полосах.

Это значит, что журналистика досуга не представляет собой какое-то исключительное образование, а является органической частью всей журналистики. Той журналистики, которая призвана участвовать в разработке и решении стоящих перед обществом социальных проблем. Гармоничное использование индивидом свободного времени – необычайно важная социальная проблема. Так что логично сделать заключение – политические, нравственные и культурные ценности, присущие журналистике досуга, вытекают из ценностных ориентаций, которые присущи конкретным средствам массовой информации и обществу в целом.

Литература

- Болгов В.И., Гуцу В.Г. Социология времени. Кишинев, 1993.
Вольтон Д. Информация не значит коммуникация. М., 2011.
Гольденцвайг К. Бабушки и дедушки оккупировали немецкие вузы // Телеканал НТВ. 2011. 26 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/246227/>
Золотов А.В. Диалектика свободного развития работника. Нижний Новгород, 2001.
Кармин А.С. Культурология. СПб, 2000.
Кисилева Т.Г., Красильников Ю.Д. Основы социокультурной деятельности. М., 1995.
Маркс К. Экономические рукописи. Часть вторая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1968. Т. 46, Ч. II.
Мискевич А.Б. Человек в свободное время : Мнение социолога. Минск, 1989.
Назарчук А.В. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5.

ДОКУМЕНТ КАК РЕЧЕВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ : ЖАНРОВЫЙ КАНОН И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИНСТАНЦИИ)¹

А.В. Алексеева

Ключевые слова: документ, жанр, дискурс, официально-деловое коммуникативное событие.

Keywords: document, genre, discourse, official business communicative event.

Официально-деловые документы функционируют в сфере административно-управленческой коммуникации, их функционирование осуществляется преимущественно на местном уровне. Если говорить о таких документах, как обращения граждан (было проанализировано 1960 обращений граждан г. Омска и Омской области и 1720 ответов на обращения общим объемом 3680 единиц, относящихся к периоду 2000–2010 год), то они характеризуются узким масштабом своего действия, низким социальным статусом адресанта, более упрощенной процедурой создания и обработки, чем другие документы. Тем не менее обращения граждан (далее ОГ) подвергаются жесткому регулированию со стороны государства в виде законов, ГОСТов, инструкций, правил, рекомендаций.

Понятие «документ» становится одним из основных в письменном официально-деловом общении, наиболее приемлемым считаем определение Т.В. Кузнецовой: «документ – письменный текст, исходящий из инстанций от имени лиц, наделенных особыми полномочиями, выполняющий регулятивную функцию, содержащий общественно значимую информацию и оформленный в установленном порядке» [Кузнецова, 2004, с. 24]. Видим, что письменный текст делают документом два основополагающих качества: институциональная природа и внешние атрибуты, присутствующие в тексте. Указанные качества определяют официальный характер текста, что является основанием для признания синонимичности терминов «документ» и «официальный текст».

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №12-04-00219 «Речевая деятельность в официально-деловой сфере: порождение и восприятие современного русскоязычного документа».

Официально-деловой (далее ОД) текст, определяемый как языковая форма регулирования вопросов производственно-административного характера на уровне наделенных специальными полномочиями инстанций и должностных лиц, – это текст, оформленный и обработанный в соответствии с канонами официально-деловой коммуникации. Соглашаемся с точкой зрения О.П. Сологуб, что «при таком понимании термин «официально-деловой текст» имеет границы на полюсах своих качеств: на полюсе признака «деловой» располагаются тексты, «обслуживающие» широкий круг деловых отношений; на полюсе признака «официальный» размещаются «надделовые» тексты, к которым относятся законодательные акты. Таким образом, не всякий официальный текст является деловым, как и не всякий деловой текст может быть официальным» [Сологуб, 2009, с. 4]. Речевые жанры, входящие в состав ОГ в официальные инстанции, позволяют говорить о границах официального и неофициального.

ОД дискурс относится к значимым формам речевого общения, составляет жизненно важную для каждого общества потребность в эффективном управлении и регулировании сферы социальных отношений. Основная форма функционирования - письменная, это связано с необходимостью документировать информацию, придавая ей правовую значимость с помощью особого построения служебных документов. ОД общение – социокультурное и целеустремленное речевое действие, являющееся составляющей более широкой социальной системы и характеризующееся наличием определенных признаков. Перечислим данные признаки.

1. Как социальное действие оно институционально. Институциональность проявляется в коммуникации между несколькими организациями, организацией и гражданином.

Е.Ф. Тарасов, классифицируя социальные ситуации, разделил их по таким признакам: «а) по признаку определенности ролевой структуры – нормативные и ненормативные; б) по признаку соблюдения социальных норм – санкционируемые и несанкционируемые; в) по признаку типичности для данного общества – стандартные и нестандартные» [Тарасов, 1974, с. 255–273]. Опираясь на предложенную классификацию, можно охарактеризовать ОД общение в ситуативном плане следующим образом: осуществляется в нормативной ситуации; санкционируемо; протекает в стандартных ситуациях, свойственных управленческой среде.

2. ОД общение статусно маркировано.

К.Ф. Седов определяет статус как «формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида на социальной лестнице» [Седов, 1998, с. 18]. Общаются участники с разными статусными характеристиками: представитель учреждения (власти) – представитель гражданского общества. Роли участников достаточно четко ограничены: руководитель – сотрудник, должностное лицо – проситель, заявитель, жалобщик. В соответствии с федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», «должностное лицо – лицо постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления». В современном обществе статус представителя органа власти выше, чем у представителя общества.

3. ОД общение – это вид социального взаимодействия, основной характеристикой которого является направленность на другого, связанная с наличием ожидания. Участники в свою очередь характеризуются социально-ситуативными признаками (статус, возраст, пол, социальное положение, ситуация) или ролевыми признаками (жалобщик, проситель) [Формановская, 1998].

4. ОД общение имеет жесткую целевую установку: разрешение конкретной проблемы – выработка решения. Цель – это отражение индивидом в форме оценки отсутствующего блага, обязательно связанного в представлении субъекта с действиями, которые надлежит исполнить должностному лицу; это образ желаемого, которое придет, если будут выполнены определенные действия. Отсутствие целевой установки лишает коммуникацию статуса «деловой».

5. ОД общение сопряжено с исполнением жестко регламентированных действий, то есть ритуально. К элементам ритуального общения относим и использование типовых языковых средств, штампов-клише (*«удовлетворить просьбу не представляется возможным»*, *«документ находится на рассмотрении»*, *«прошу снять с контроля»*).

Жанр ОГ в официальные инстанции анализируется редко по причине труднодоступности таких документов, что связано с законом «О персональных данных». Но такие исследования необходимы как для лингвистики, так и для социологии, юриспруденции. В жанроведческих описаниях рассматриваемые виды документов представлены скупо: внимание в основном уделяется теоретическим аспектам.

Итак, под официально-деловой коммуникативной ситуацией понимаем набор основных параметров коммуникативного события: социально-ролевые отношения, степень ожидаемости, наличие практических действий, – помогающий ориентироваться в коммуникации, проходящей в ОД режиме. Официально-деловое коммуникативное событие – ограниченный в пространстве и времени целостный социально осмысленный и принявший определенную форму процесс письменного речевого взаимодействия коммуникантов, динамичное, со своим процессуальным количественным и качественным развитием, которое находит соответствующее стандартизированное речевое выражение в ограниченном наборе жанров.

Жанровый канон обращений граждан при соблюдении ритуала ОД общения предполагает: приветствие; изложение проблемы – причины делового общения; логическое обоснование проблемы (часто необходимо документальное подтверждение); обсуждение способов решения проблемы, обоснование и выработка решения; процедуру прощания.

В одних случаях автор сознательно ориентируется на деловые каноны и успешно следует им в речевой деятельности, однако ему не всегда удается последовательно реализовывать каноны делового языка в силу своей недостаточной подготовленности к актам деловой письменной коммуникации. Это приводит к взаимодействию противоположных начал, определяющих характер его речемыслительной деятельности, – стихийного и рационального, естественного и искусственного, регулируемого и нерегулируемого – такое речевое поведение как раз и реализуется в обращениях граждан. В случае если субъект ориентируется на каноны обыденной речи, его действия приобретают стихийный характер, результаты такой деятельности – тексты естественной письменной речи – становятся деловыми только потому, что они вовлечены в сферу деловой коммуникации.

Гражданин обращается с документом во властные структуры. Тип создаваемого им документа, по сравнению с документами других систем, наименее стандартизирован. Гражданин пишет текст в произвольной форме, излагая проблему, выстраивая аргументы по своему усмотрению, опираясь на личные представления о данной форме общения. В связи с тем что рассматриваемая коммуникация дистантна, ситуация общения выстраивается в двух направлениях: событие, изложенное внутри текста, и собственно коммуникация между

адресантом (созидает текст «по мотивам» произошедшего с ним события) и адресатом (восстанавливает событие, принимает меры).

Получая обращение от гражданина, должностное лицо для разрешения поставленной автором проблемы должно при анализе текста вычленив следующую необходимую информацию: суть проблемы (в деталях), желаемый для заявителя вариант ее разрешения и аргументы в его пользу, сведения об авторе (официальные: социальное положение, место жительства). Таким образом, от объема фоновых знаний в коммуникации «гражданин – должностное лицо» в большой степени зависит эффективность действий ее субъектов. Гражданин должен верно определить необходимое количество информации об излагаемой проблеме, которая, будучи изложенной в тексте, обеспечит максимальное понимание сути вопроса должностным лицом.

Т.В. Матвеева определяет текст как «целостное речевое произведение, коммуникативно обусловленную речевую реализацию авторского замысла, результат целенаправленного речевого творчества» [Матвеева, 2003, с. 352]. Документ включает в себя основные признаки текста и должен соответствовать следующим требованиям: объективность изложения информации; полнота информации; оптимальное количество информации по существу вопросу, поставленной проблеме; логичность, аргументированность; однозначность интерпретации; точность и лаконизм формулировок; проблемность.

К общим признакам документа как текста относим знаковый характер, единство содержания и формы (по форме - письменные, по виду – диалогические); документ, являясь результатом речевой деятельности, имеет определенную авторскую цель (интенцию). Важным свойством текста является его моделированный или немоделированный характер. «Моделированный текст строится в соответствии со стандартной формой, имеет заранее заданный формат» [ГОСТ ИСО 15489-1-2007]. Многие из таких текстов имеют разработанные бланки, содержащие набор постоянных реквизитов. В документоведении данное явление называется унификацией, то есть приведением типов документов к единому образцу. Большинство документов управленческой деятельности либо унифицированы по всем параметрам, либо тяготеют к этому, как ОГ. В данном случае моделируется объем текста и некоторые параметры его общей структуры, в то время как постоянные текстовые компоненты не предусматриваются, зато ответы должностных лиц всегда жестко унифицированы.

Создаются личные обращения с целью разрешения проблемной ситуации, конфликта. На переднем плане важный признак - проблемность. Возникающие при этом несогласия требуют привлечения дополнительной информации, приводят к интенсивности общения, активизируют обмен информацией, что обеспечивает понимание ситуации и способствует принятию решения.

Информация лишена эмоционально-оценочных элементов, но, реализованная в конкретных формах, она претерпевает модификации, и тогда эмоции выходят на первый план. В обращениях эмоции получают свое воплощение в выборе средств, нетипичных для жанра.

У авторов ОГ возникает проблема отбора информации, ее точного кодирования и распределения. В содержании документов отмечаем такие отклонения, как информационная избыточность или информационная недостаточность, которые затрудняют коммуникацию; отрицательная модальность, выражающаяся в виде угроз, высокая степень вариативности документа. Исходим из того, что тематическое развитие следует определенным коммуникативно ориентированным принципам, причем смысл допускает различные возможности развития, которые определяются видом отношений, оценкой партнера. Для жанрового канона ОГ характерно проведение одной темы и ее незапланированное изменение нежелательно. Характерная тематическая привязанность проявляется в том, что определенная тема должна прослеживаться от начала до конца, в крайнем случае, если тем несколько, должна быть их последовательная, а не скачкообразная смена. С помощью анализа структуры текста можно представить заложенную в жанре коммуникативную программу, помогающую осмыслению его основной идеи. Нарушение единства структуры текста документа ведет к неточности в понимании смысла.

Вслед за Т.Г. Винокур отмечаем, что в каждой из сфер речевого общения коммуникативная роль и языковое содержание проявлений индивидуальности различны. Для ОД речи характерны официальность, безэмоциональность и неличность изложения, проявляющиеся в отсутствии форм глаголов и местоимений 1 и 2 лица, форм 3 лица в неопределенно-личном значении, частотности отглагольных и собирательных существительных [Винокур, 1993]. ОГ, хотя и относится к ОД дискурсу, в отличие от других жанров документов, имеют противоречивые черты. С одной стороны, адресат наделен признаком институциональности, является должностным лицом, с другой стороны, автор выступает как частное лицо, содержание в большинстве случаев касается аспектов частной жизни. Для реализации целей автор должен

так строить текст, чтобы вызвать у адресата сочувствие, желание помочь, но документ должен обладать официальными свойствами. Отсюда возникает противоречие личного характера интенции с ролью получателя. Личностность задает использование экспрессивной лексики и синтаксиса, а образ адресата требует придерживаться формализованного языка. Доминирование любой из этих черт нарушает требования, которые диктуют ОД коммуникативная ситуация и статус адресата, преобладание личностного начала так же малоэффективно в ситуации социального неравенства, как и преобладание официально-делового начала. Неэффективность документа РЖ ОГ может быть связана с ориентацией на абстрактного адресата; с настроением и интенцией адресата; с несовпадением намерений субъектов общения, принадлежащих к различным коммуникативным коллективам; с реакцией адресата не на то, что у него просят, а на формальное соблюдение ритуала, статусности, вежливости; с отсутствием у адресанта знания ритуала ОД общения.

Отметим отклонения от норм ОД общения в речевых жанрах «обращения граждан»:

1) Авторы нарушают основной принцип коммуникации - принцип кооперации Г.П. Грайса: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 217–237]. Рассматривая ОГ, видим, что принципы, постулаты, правила, которым следуют общающиеся, часто деструктивны. В ОГ не единичны случаи типа: *«Значит, я не имею права грубить, хамить, ударить, на меня подадут в суд, а что с этими людьми делать, которые нас не считают ни во что. На них нет закона».*

Цель задается с самого начала или же выявляется в процессе общения; может не всегда четко определяться, но в любом случае на каждом шагу диалога некоторые реплики исключаются как коммуникативно неуместные, например: *«Да какая тут к черту демография такой холод! Вообще примите меры иначе будет хуже!»; «Очень круто сказано! Хотелось бы только «умного автора» этой идеи с радостью тихо обнять и «задушить в своих объятиях!».* Выражение отрицательной оценки приводит к стилистическому снижению тональности ОД общения и нарушает принцип кооперации, который необходим для того, чтобы достичь согласия между коммуникантами.

2) Авторы, не владея деталями ОД стиля, намеренно стараются сократить дистанцию с должностным лицом с помощью тональности «разговора по душам», доверительности, например: *«Дорогой наш*

губернатор, как вы живете, как ваше здоровье мы молимся за вас, чтобы Господь вас благословлял на ваш нелегкий труд!». Г.П. Грайс назвал такие отклонения «интимизация речевой среды», рассмотрев их в максиме качества информации. Преобладание эмотивного начала в таких жанрах, как просьба, жалоба, кажется автору единственно правильным в целевой установке – вызвать сочувствие. Это отклонение от жанрового канона приводит к стилистически неоднородному тексту документа, нарушению ОД тональности, но не влияет на принятое должностным лицом решение. Социальная дистанция сокращается адресантами по таким направлениям: неофициальное обращение, например: *«милые вы наши старшие братья, кто о нас позаботиться, если не вы»;* доверительное обращение к собеседнику на «ты»: *«Дорогой губернатор, помоги ради всего святого! Восстанови справедливость!»;* повторения слов-интенсификаторов: *«Очень, очень надеюсь на Ваше решение. Заранее спасибо за помощь, с уважением и надеждой ФИО»;* использование просторечных и жаргонных лексем: *«сказать, что у нас поехала крыша - значит, ничего не сказать; на общих собраниях народ встал на дыбы; налоговая инспекция поддает жару; надеемся, что земельные проблемы устанутся».*

3) Адресанты приносят в документ индивидуальный стиль. Из-за желания «красиво» сказать обычные ситуации описываются с помощью языковых штампов-клише, нарушающих точность: *«Несогласованное вмешательство в экстерьер двора не допустимо со стороны проживающих, а должно в обязательном порядке согласовываться с председателем кондоминиума».* Это приводит к низкому уровню стандартизации ОГ по сравнению с другими ОД документами. С точки зрения принципа кооперации Г.П. Грайса, отклонение связано с нарушением максимы манеры (способ передачи информации) и ее несколькими простыми правилами: «избегай непонятных выражений, избегай неоднозначности, будь краток».

4) Автор не добивается положительного результата, когда излагает в документе конкретные проблемы, не подтверждает слова фактами, создает такое описание действительности, что адресат воспринимает ее в искаженном виде – это нарушение информативной точности. «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным» - гласит максима качества информации Г.П. Грайса. Должностные лица, запуская ОГ в документооборот, прежде чем принять соответствующее законодательству решение, проверяют достоверность информации, делают запросы в соответствующие инстанции, поэтому для решения ОГ может оформляться несколько сопутствующих документов – ответов.

5) Авторы обращений неоправданно расширяют макротемный набор биографического, личного характера с целью воздействия на должностное лицо. Отсутствие связности между текстовыми уровнями проявляется в тематической неточности, которая приводит к неверному толкованию текста документа. Данное отклонение от жанрового канона связываем с нарушением постулата максимы полноты информации: «высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется».

Рассмотрим документ, который хорошо это иллюстрирует:

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уважаемый Леонид Константинович, вынужден обратиться к вам с просьбой о выделении мне в мое пользование трактора МТЗ-82, или продать недорого в пределах 20 тыс. руб.

С такой просьбой я обращаюсь в связи с тем, что у меня 6 малолетних детей, а растить их очень сложно в наше время. Я сам всю жизнь работаю в милиции (стаж 22 года), всегда на самых сложных участках, зарплата у меня небольшая (6 тыс. руб.), жена не работает. Своими силами я построил дом, сейчас держу хозяйство. Дети помогают мне, но очень сложно с заготовкой кормов (сена), дров.

Я обращался с этим вопросом к бывшему главе нашего района Рарову В.П., но он мне отказал, ссылаясь, что в районе нет таких средств. Отказал мне и ныне действующий глава МО Корчевой А.С. Хотел я приехать к Вам на прием, но меня даже не записали Ваши сотрудники.

Я понимаю, что это сложный вопрос, но не думаю, что бюджет Омской области не пострадает от того, что если мне выделят бесплатно трактор. Мои дети отработают за него перед областью, перед страной, отслужат в армии, так как у меня 5 сыновей.

Я не думаю, что у нас много в области многодетных семей, поэтому прошу Вас рассмотреть мое заявление, оказать мне помощь в приобретении трактора. Старший сын у меня учится в Большереченском, ПТУ, средний сын собирается поступать в кадетский корпус, но так же останется все наверное в мечтах.

С уважением семья Тимаковых.

Автор обращается к губернатору с заявлением, как того требует ОД ситуация: «Уважаемый ИЮ. Вынужден обратиться к Вам с просьбой о выделении мне в мое пользование трактора МТЗ – 82 или продать недорого в пределах 20 тыс. руб.» – но РЖ ОГ «заявление» предполагает наличие у гражданина определенных прав, которые, с помощью

заявления, автор хочет реализовать. В рассматриваемом случае автор не имеет прав на получение трактора или на его покупку за такую низкую цену. По типу интенции и типу событийного содержания мы можем отнести документ к РЖ «просьба».

Документ представляет собой обусловливаемое единой целью объединение ситуативных субстанциальных высказываний на основе общности темы. Макротема обращения – просьба о помощи в приобретении трактора гражданином, реализуемая автором через микротемы: сложная финансовая ситуация в многодетной семье: *«С такой, просьбой я обращаюсь в связи с тем, что у меня 6 малолетних детей, а растить их очень сложно в наше время»*; работа заявителя в милиции, безработность жены (*«Сам я всю жизнь работаю в милиции (стаж 22 года), всегда на самых тяжелых участках, зарплата у меня небольшая (6 тыс. руб), жена не работает»*); бытовые сложности (*«Своими силами я построил дом, сейчас держу хозяйство, дети помогают мне, но очень сложно с заготовкой кормов (сена), дров и т.д.»*); результаты предыдущих обращений заявителя в органы местного самоуправления (*«Я обращаюсь к Вам в связи с тем, что я надеюсь на Вашу доброту. Я обращался с этим вопросом к бывшему главе нашего района ИОФ, но он мне отказал, ссылаясь, что в районе нет таких средств. Ныне действующий глава МО ИОФ тоже не помог»*); рассмотрение возможности покупки трактора из бюджета области (*«Я понимаю, что это сложный вопрос, но не думаю, что бюджет Омской области пострадает от того, что если мне выделят бесплатно трактор»*); возможный, с точки зрения автора, расчет за покупку трактора (*«Мои дети отработают за него перед областью, перед страной, отслужат в Армии так как у меня 5 сыновей»*); информация о детях (*«Старший сын у меня учится в ПТУ, средний сын собирается поступать в кадетский корпус, но так же останется все наверное в мечтах»*). Анализ рассматриваемого документа позволяет сделать вывод о неуместности введения в него данных микротем, так как они не могут быть включены в макротему – «просьба о помощи в приобретении трактора гражданином», что позволяет квалифицировать текст как тематически неточный.

Должностное лицо не декодировало информацию ОГ, вопрос был рассмотрен не так, как хотелось бы автору, а ответ оформлен по типу, «чтобы не обидеть». Полученный ответ не соотносится с проблемой обращения, поскольку адресат не просил материальную помощь: *«Ваша семья с июля 2001 года состоит на учете в УСЗН (информация о помощи прилагается). Оказать материальную помощь в размере 20*

тыс. руб. для приобретения трактора из-за ограниченности местного бюджета не представляется возможным».

б) Отклоняющимися от нормы также считаем документы, в которых авторы произвольно сворачивают информацию, необходимую должностному лицу для однозначного толкования текста. Авторы излагают информацию в форме, предполагающей предварительное знание адресатом обстоятельств дела. Например, если обращение повторное, необходимо кратко изложить суть предыдущего документа и отражение решения вопроса по существу, потому что должностное лицо при большом потоке документов может не понять, о чем пишет гражданин на этот раз: *«Спасибо за то, что вмешались и дали указание разобраться. Однако ответ дали по принципу ворон ворона в глаз не клонет, хотя приезжал очень корректный товарищ...»*. Должностному лицу, чтобы разобраться в данной ОД коммуникативной ситуации, пришлось обратиться к информационно-справочной картотеке, по фамилии гражданина найти первый пришедший документ, сопоставить оба документа, чтобы ответить на ряд вопросов: *«Спасибо за то, что вмешались (во что?) и дали указание (какое?) разобраться (в чем?). Однако ответ (какой?) дали по принципу ворон ворона в глаз не клонет, хотя приезжал очень корректный товарищ... (кто? куда? зачем?)»* – и дать ответ гражданину.

В речевых произведениях ОД коммуникации можем наблюдать как отклонения от жанрового - и в результате – коммуникативную неудачу, так и его полную реализацию с учетом характера ОД общения – и в результате - достижение поставленной цели.

Итак, ОГ в органы власти и управления как жанр характеризуются следующими нормативными признаками:

1) Это произведение вторичного жанра, с жесткой структурой, с точки зрения нормативных актов, должно иметь простую композицию: вступительные формы вежливости, введение - повод для создания обращения (изложение проблемы, побудившей к написанию), развитие - изложение фактов, доводов, комментариев, то есть аргументов в пользу актуальности проблемы и правомерности обращения в данную структуру, заключение - главный логический элемент документа, в котором формулируется цель обращения (просьба, отказ, напоминание, предложение), заключительные формы вежливости.

2) Это произведение, требующее ответной реакции в виде текста и в виде определенных действий, прогнозируемых автором, то есть инициирующий текст.

3) Это произведение, темой которого является постановка конкретной проблемы, а целью - вариант ее разрешения. Тема произведения соответствует компетенции реципиента - должностного лица либо профилю организации, в которую направлено обращение.

4) Это аргументативный текст, поскольку проблемная ситуация предполагает подтверждение фактами, причем преобладают в нем логические аргументы, хотя в качестве дополнительных могут быть использованы и эмоциональные.

5) Это произведение официально-делового стиля, поэтому текст должен быть стилистически однородным.

Текстовое произведение создается автором, действующим в определенных коммуникативных условиях, которые предлагает ему коммуникативно-прагматическая ситуация создания текстов этого жанра. В процессе образования текста, если только он составлялся не профессионалом-делопроизводителем, возникают проблемы, которые автор пытается решить, сталкиваясь с определенными противоречиями, как-то: преобладание личного или официального начала в личном документе. Личная заинтересованность ведет к использованию экспрессивной лексики, тогда как отправитель знает, что необходимо придерживаться формализованных штампов ОД стиля. Автору понятно, что он создаст нечто, должное иметь статус «документа», но общежитейская тематика неосознанно выдвигается адресантом на первый план. В основе изложенной адресантом информации должны быть действующие законодательные акты, полнота представляемых сведений и логичность в их систематизации, тем не менее авторы расширяют набор сведений биографического и личного характера. Понимая все это, адресанты создают нелогичные тексты, приводят в качестве аргументов непроверенные или неточные сведения; интуитивно соглашаясь с канонами жанров, зная, что есть определенные жанровые рамки, авторы документов зачастую смешивают несколько жанров в одном документе, и тогда должностному лицу приходится готовить «выжимку» из документа, отделяя автобиографию от жалобы или просьбы.

Речевая деятельность адресанта должна быть направлена на разрешение перечисленных противоречий. Описывая прагматические коллизии, возникающие при создании ОГ, мы обращаем внимание на способы их разрешения, отмечаем высокую стандартизированность жанров ОД общения, что на уровне текстов проявляется в наличии значительного числа стереотипизированных штампов, оформляющих ОД коммуникацию. Считаем, что написание текстов ОД документов

разных жанров по сложившимся и закрепившимся моделям должно приводить к упрощению, облегчению процесса деловой коммуникации с помощью документа. В реальной речевой практике автор документа, актуализируя текстовое клише жанрового канона, организуя свою речевую деятельность интенцией писать в официальную инстанцию, прося или добиваясь чего-либо, при реализации этой интенции в текстовой форме распределяет смысловые «роли», выстраивает предикаты участников пропозиции, устанавливает отношения между ними, постоянно отклоняясь в семантическом, прагматическом, структурном отношении. Низкий уровень интенциональной рефлексии во взаимосвязи с плохим владением жанровым каноном и структурой приводит к отклонениям на тактическом, семантическом, структурном уровнях документальной коммуникации. Авторы документов используют совместно с традиционными стратегиями и тактиками, типичными для официально-делового дискурса, нетипичные, считая, что таким образом могут эффективно решать поставленные задачи.

Литература

- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий : Варианты речевого поведения. М., 1993.
- ГОСТ Р ИСО 15489-1- 2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Кузнецова Т.В. Делопроизводство. М, 2004.
- Кушнерук С.П. Современный документный текст : создание и исследование. М., 2009.
- Матвеева Т.В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.
- Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып. 27.
- Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст : функционально-генетический аспект : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2009.
- Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ.
- Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.

КОРПУСЫ ТЕКСТОВ В МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ : СТЕПЕНЬ НОВИЗНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ТРАДИЦИОННОГО ПОДХОДА

А.Ю. Мордовин

Ключевые слова: корпусы текстов, корпусная лингвистика, лингвистическое исследование, лингвистическая теория.

Keywords: text corpus, corpus linguistics, linguistic research, linguistic theory.

Данная статья представляет собой попытку автора обосновать мнение о недостаточных основаниях полагать, что корпусный метод исследования языка составляет собой некоторую методологическую противоположность традиционным методам лингвистического исследования, основанным на интроспективной составляющей.

На современном этапе корпусная лингвистика все еще находится на раннем этапе своего развития. Практическая деятельность по составлению корпусов сравнительно недавно была обобщена до уровня практических рекомендаций по составлению корпусов текстов (подбору текстов в корпус) (см.: [McEnergy, 2001; Wynne, URL; Апресян, 2005; Плунгян, 2005; Сичинава, 2002]); при этом уже существуют тщательно разработанные методологические рекомендации в области технической стороны корпусной лингвистики, основанные на многолетней практике составления корпусов с использованием машинных технологий обработки языка (см., например: [Сичинава, 2005]).

Тем не менее, несмотря на значительное количество уже полученных значимых результатов, интерес исследователей не могут не притягивать контрастные методологические исследования особенностей корпусного подхода относительно до-корпусных методов [Перцов, 2006; Плунгян, 2008].

Широко распространено мнение, согласно которому корпусный подход к лингвистическому исследованию воспринимается как новый, находящийся в некоторой оппозиции к старому, традиционному. Из числа недавно опубликованных методологических исследований такого рода, достаточно показательной является обзорная статья И.Ф. Ганиевой [Ганиева, 2007]. По ее мнению, под традиционным подходом подразумевается различного рода экспликация правил языкового устройства и речевого поведения, интуитивно известных

носителю языка. При этом, поскольку «зачастую авторы используют эмпирический материал лишь на фазе верификации гипотезы, а сами примеры носят случайный, иногда даже спорадический характер» [Ганиева, 2007, с. 104], то в целом традиционный метод исследования не может быть одобрен, так как ведет к нарушению логики познавательного процесса.

Эта логика представляется автору цитируемого исследования как следующая цепочка: материал – гипотеза – проверка – уточнение гипотезы – теория. Корпусный подход, представляя собой, по мнению И.Ф. Ганиевой «действительную теорию», является предпочтительным, что подкрепляется ссылкой на методологическую позицию М.К. Мамардашвили: «Действительная теория выявляет и затем описывает образования, имеющие собственную, естественную жизнь, продуктом которой являются наши мнения, и наблюдение которой позволяет формулировать законы как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» [Мамардашвили, 1997, с. 19] (цит. по: [Ганиева, 2007]).

Данная концепция действительно может представляться достаточно прочной, однако целью наших собственных исследований является попытка ответить на ряд «неудобных» вопросов, относящихся к характеру связи между двумя первыми элементами указанной логической цепочки познания: «материал – гипотеза». Как именно рождается гипотеза из материала? Какие познавательные процессы оказываются здесь задействованы? Представляет ли собой корпусный метод революционный метод исследования, свободный от внутренней языковой интуиции носителя, действительно ли его результаты объективны?

Превосходство ценности результатов, полученных корпусным методом, не оставляет у автора указанной статьи никаких сомнений: «Именно корпус позволяет получать данные, недоступные при традиционных методах лингвистического анализа (интроспекция, анкета, опрос информантов), а выводимые обобщения имеют статус не интроспективной догадки, как при традиционном подходе, но эмпирически наблюдаемого факта». Также, автор полагает, что «работа с электронными корпусами открывает новые возможности и безусловно повышает уровень объективности лингвистического исследования» [Ганиева, 2007, с. 106].

Есть основания полагать, что этот вывод является верным и логически обоснованным лишь отчасти. Фактически же, он зиждется на двух методологических «китах» корпусной лингвистики, каждый из

которых, при тщательном рассмотрении, оказывается не столь уж лишенным интроспективного начала. Обнаруженные свойства этих двух методологических допущений, при их последовательном признании, в существенной мере лишают результаты лингвистического исследования, полученные корпусным методом, их трансцендентального, вне-субъектного, или, попросту говоря, объективного статуса, и сводят все их превосходство перед результатами «традиционного» исследования к фактическому первенству по качеству, которое зиждется на применении цифровых технологий обработки речевого материала в виде корпуса. Очевидно, что любая машинно-опосредованная обработка по определению является более быстрой, представительной и убедительной за счет объема и скорости вычислений.

Итак, каковы же упомянутые выше два методологических «кита» корпусного подхода? Это – 1) понятие репрезентативности корпуса, и 2) представление о том, что результаты машинного анализа корпусного материала способны *непосредственно* генерировать новое знание, то есть как раз уверенность в существовании *непосредственной, объективной* связи «материал – гипотеза», ранее недоступной для появления машинных средств анализа языка.

Несмотря на понимание того, что появление корпусных технологий является неизбежным ходом развития прогресса, наше собственное мнение заключается в том, что корпусный метод не является подлинно революционным, и что две указанных методологических предпосылки к идее о революционности корпусного метода не являются бесспорными. Во-первых, репрезентативность корпуса не свободна от языковой картины мира авторского коллектива корпуса и не способна в полной мере отразить все богатство словоупотреблений любого данного языка (речь идет о т.н. «национальном корпусе»). Во-вторых, звено логической цепочки познания «материал – гипотеза» имеет *опосредованную* связь, выражающуюся в наличии пред-гипотезы, необходимой для формулировки ввода поискового запроса в корпус, причем любые поисковые работы в корпусе в принципе невозможны без некоторого *замысла* исследователя, то есть именно интроспективной гипотезы. Рассмотрим эти указанные два аспекта более подробно.

Для современной корпусной лингвистики характерно отсутствие интереса к исследованию и моделированию языковой личности составителя корпуса текстов. Первичной задачей составителя является обеспечить репрезентативность корпуса. Вступая в противоречие с

собственными конечными выводами, соглашается с неизбежностью персонального участия языковой личности составителя и автор рассматриваемой статьи: «репрезентативность – это не столько объем материала, сколько пропорциональность представления отображаемого фрагмента речевой действительности. Значительное увеличение объема исследуемого корпуса не обеспечивает увеличения его достоверности. Гораздо важнее более *тщательная выборка* текстов при планировании корпуса и его использовании» [Ганиева, 2007, с. 105] (выделение курсивом наше. – А.М.).

Деятельность составителя корпуса носит комплексный характер и в конечном итоге эта деятельность направлена на принятие положительного или отрицательного решения о достаточной репрезентативности текста для включения в корпус. Если составитель корпуса строго следует принципу отбора текстов по контексту ситуации, то такую механическую работу все равно сопровождает минимальная интерпретация текста с целью эксплицировать требуемые параметры контекста ситуации. Тем не менее, если в числе структурных параметров корпуса присутствует требование к тематической наполненности корпуса, необходима дополнительная интерпретация текста составителем, что в еще большей степени вовлекает личность составителя в процесс отбора текстов.

Качественные параметры обеспечения корпусной репрезентативности относятся непосредственно к языковой личности составителя корпуса. Им противопоставляются количественные параметры, описывающие зависимость репрезентативности корпуса от его объема.

Количественные параметры репрезентативности корпуса более осязаемы, чем качественные: во-первых, чем больше словоупотреблений включает в себя корпус, тем выше вероятность представленности в нем всех возможных употреблений для данного слова. Во-вторых, авторы корпусов текстов предпочитают выбирать тексты таким образом, чтобы соблюсти некоторую жанровую структуру текстов корпуса. При этом априори определяется предполагаемая жанровая структура корпуса, в зависимости от типа корпуса (национальный, специальный, тематический и т.д.) При этом авторы могут изначально указать необходимый удельный вес текстов того или иного жанра в корпусе, выраженный в процентах, при котором обеспечивается лучшая репрезентативность корпуса по отношению к языку.

В части корпусов, в которых тексты организованы описанным выше образом, на жанровую классификацию текстов может также налагаться семантическая, или, точнее, тематическая классификация текстов. Как правило, создатели текста делают оговорку, что высоко идиоматичные тексты, а также тексты, значительно отличающиеся от принятых норм языка, сознательно не включены в корпус.

Таким образом, даже в количественных параметрах, призванных наиболее достоверно подтвердить репрезентативность корпуса текста в отношении представляемого функционального или исторического сегмента языка, присутствует значительный элемент влияния языковой личности составителя. В первом случае, это объясняется тем, что для включения текста в корпус, текст должен быть отнесен к тому или иному жанру, что предполагает предварительное прочтение или прослушивание, интерпретацию текста и принятие решения о жанровой принадлежности, осложняемые различиями в представлениях о понятии жанра среди создателей корпуса – чаще лингвистов, а тем более несоответствием представлений о жанрах у создателей и пользователей корпуса.

Во втором случае, при определении тематической соотнесенности текста и некоторого концепта, феноменологическая природа процесса принятия решения представляется очевидной, поскольку составитель корпуса, выделяя набор ключевых для данного текста концептов, не может выполнить этого за пределами собственной картины мира, в т. ч. языковой. Это значит, что категоризация концептов данной языковой личности – одного из составителей корпуса оказывает влияние на наполненность корпуса «по концептам». Здесь становится легко предугадать возможность недостаточной представленности, или непредставленности вообще в таком корпусе текстов, сконцентрированных вокруг концептов, малозначимых или незначимых для личностей группы составителей. Один из наиболее популярных примеров из этой сферы – это сравнение коллокатов словосочетания *September 11* или *9/11* в английских и в американских корпусах текстов, когда набор коллокатов в последних оказывается значительно более «говорящим», чем в первых.

Тем не менее, при всей субъективности жанровой и тематической категоризации текстов при включении в корпус, нельзя отрицать, что данная методика является здоровым шагом в направлении обеспечения количественной основы, призванной подтвердить репрезентативность корпуса в глазах пользователя. Таким образом, из двух приведенных нами количественных критериев обеспечения репрезентативности

корпуса строго объективным следует признать только количество словоупотреблений, включенных в корпус. Жанровая и предметная сбалансированность корпуса, несомненно, увеличивает репрезентативную ценность корпуса для пользователя, однако ровно настолько, насколько параметры, способные охарактеризовать языковую личность (личности) создателей и пользователей корпуса, окажутся, во-первых, вообще совместимыми, а во-вторых, схожими с таковыми у пользователей корпуса. Данное положение справедливо в полной мере только по отношению к национальным корпусам текстов.

В случае с национальными корпусами текста, жанровая и предметная структура корпуса неизбежно начинает нести признаки языковой картины мира составителя или составителей, а именно ее индивидуальной и социально-обусловленной составляющих. Тем не менее, с теоретической точки зрения, даже увеличение размера корпуса не может служить методом, позволяющим снизить влияние субъективной картины мира составителей корпуса на состав корпуса. Практически же, более крупный корпус подразумевает работу большего числа составителей, поэтому корпус становится более репрезентативным для языка безотносительно к личности составителя, благодаря нарастанию гетерогенности текстов внутри жанра и благодаря различию языковых картин составителей. Постоянство «редколлегии» обрекает корпус на неизменность репрезентативности при практически бесконечном росте размера.

Итак, репрезентативность национального корпуса распространенного языка, призванного отражать язык в целом, испытывает значительное влияние со стороны языковой личности составителя корпуса. Данное влияние обусловлено: необходимостью априорного решения о балансе письменных, устных и электронных текстов в корпусе, необходимостью жанровой и концептуальной категоризации текста, потребностью в «ручном» отсеивании маркированных текстов и проверке соответствия текста некоторой языковой норме.

Следует четко понимать, что (национальный) корпус – это не что иное, как бесконечно большой перечень всех возможных речевых реализаций полной совокупности доступных для данного языка языковых средств. Не существует сколько-либо значимого методологического различия между корпусом текстов и любыми примерами, которые «традиционный» приверженец устаревшего «интроспективного» метода черпает из собственной языковой компетенции. В сравнении с корпусным методом поиска примеров, нет

ничего предосудительного в том, что автор, согласно приведенной И.Ф. Ганиевой цитате из Е.В. Падучевой, берет примеры оттуда, откуда это оказывается удобным для собственной теории, не указывает ссылок на лингвистический источник, или широко использует «искусственные» примеры. С формальной точки зрения, национальный корпус – это конструкция, обязанная стремиться к бесконечно великому размеру, и поэтому методологически, пример, фактически полученный из корпуса, ничем не «лучше», чем искусственный пример, созданный самим автором лингвистического исследования (опуская вопросы лингвистической разметки в корпусе и любых других возможных видов обработки текстов, содержащихся в корпусе).

По техническим причинам, конечно, невозможно, чтобы национальный корпус языка хотя бы приблизился к объему фактического словоупотребления на данном языке всеми его носителями. Тем не менее, это не означает, что примеры, полученные из корпуса, сами по себе несут какой-либо приоритет по сравнению с любыми другими. Сильной стороной корпуса является именно статистическая составляющая; и именно этим не могут похвастать «искусственные» примеры. Иначе говоря, корпус – это документальное подтверждение частотности, и, следовательно, предпочтительности тех или иных языковых конструкций. Следовательно, любые ссылки на частотность конструкций в корпусе обоснованы, с поправкой на описанный выше эффект языковой личности составителя корпуса. Одновременно, на уровне единичных примеров, существенного методологического преимущества у корпусных примеров быть не может.

Что касается второго методологического «кита» корпусного метода, то строго методологически, как раз вопреки мнению И. Ф. Ганиевой, в корпусном исследовании, так же как и в «традиционном», авторы «используют эмпирический материал лишь на фазе верификации гипотезы, а сами примеры несут случайный, иногда даже спорадический характер». Единственное фактическое различие заключается в том, в традиционном методе лингвистическая интроспективная гипотеза сначала пространно эксплицируется, а затем мотивируется нужными примерами. В корпусном варианте всегда должна присутствовать неэксплицируемая пред-гипотеза, которую также можно назвать догадкой или замыслом, на основании которого проводится выборка

материала, а уже затем рефреном пред-гипотезы следует собственно гипотеза, которая подтверждается корпусной выборкой.

Сильной стороной корпуса как машинного продукта является синтагматика, то есть линейность, которая не только пригодна для вычислений, но и является их обязательным условием. В парадигматике, в свою очередь, любая машина, в том числе и корпус, не может располагать ингерентными механизмами для обнаружения значимых связей без активного участия человека. В машину сначала закладываются необходимые ей парадигматические связи, которые машина не может вычислить самостоятельно, а затем машина убедительно просчитывает и подтверждает наличие парадигматических связей синтагматическими вычислениями. Первичную осмысленную пред-гипотезу для создания определенной корпусной выборки может создать только человек.

Говоря обобщенно, некий априорный интуитивный инсайт, оформленный в виде более или менее стройной, но не апробированной теории, всегда предшествует инструментальному анализу языка. Таким образом, связка «материал – гипотеза» как беспереходное гносеологическое звено не может быть считаться вполне корректной. В противном случае, мы получаем ситуацию, когда материал самостоятельно генерирует новое знание, будучи собранным определенным образом, что не соответствует действительности. Более правильным будет представить эту цепочку так: «инсайт – материал – гипотеза» и т.д., либо более радикально: «интроспекция – инсайт – материал – гипотеза» и т.д.

Таким образом, видим, что в рамках корпусного метода наиболее уместно говорить не о порождении некоторого объективного знания на основе организованного определенным образом корпусного материала, а скорее о «проверке корпусной реальностью» априорных интроспективных инсайтов, а впоследствии, – и гипотез исследователя. Механизм обоснования таких гипотез лингвиста перед остальным виртуальным и реальным лингвистическим сообществом во многом носит характер аргументации по схеме «argumentum ad verecundiam».

Такой способ лингвистического анализа является, несомненно, прогрессивным; он исключает возможность авторского произвола в притягивании языковых фактов под необходимую теорию, возводит на новую ступень убедительность языковых теорий. Одновременно, методологически данный метод не является революционным, не составляет собой новой исследовательской парадигмы, но является

лишь технологически обусловленным способом механизации и компьютеризации традиционных методов лингвистического анализа.

Помимо прочего, появление корпусных, и в целом, точных или математических методов анализа языка никоим образом не упраздняет потребности в качественной лингвистической априорной теории. По мнению М.И. Шапира, в силу особенностей языка как объекта исследования, в отличие от объектов исследования естественных наук, неточная или даже неверная лингвистическая теория не гарантирует ошибочности основанных на ней выводов, а с другой стороны, в гуманитарных науках четкость и адекватность априорных теоретических воззрений не является неперенным условием эффективности точных методов [Шапир, 2005, с. 58].

Литература

- Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Б.Л. и др. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка : современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. М., 2005.
- Ганиева И.Ф. Об использовании корпусов в лингвистических исследованиях // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4.
- Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М., 1997.
- Перцов Н.В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2006». СПб., 2006.
- Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. М., 2005.
- Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16(2).
- Сичинава Д.В. К проблеме создания корпусов русского языка // Научно-техническая информация. 2002. Сер. 2. № 11.
- Сичинава Д.В. Обработка текстов с грамматической разметкой: инструкция разметчика // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.
- Шапир М.И. «Тебе нет меры и числа» : О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- McEnery T., Wilson A. «Corpus Linguistics». Edinburgh University Press, 2001.
- Wynne M. Developing Linguistic Corpora : a Guide to Good Practice. [Электронный ресурс]. URL: <http://ahds.ac.uk/linguistic-corpora/>

**МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ «ДАНТОВСКИЙ» КОД
В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Е.Ю. Сафронова

Ключевые слова: метафизический код, иерархия преступлений, мотивы героев-преступников, Достоевский.

Keywords: a metaphysical code, the hierarchy of crimes, motives of heroes-criminals, F.M. Dostoevsky.

Творческим изысканиям Ф.М. Достоевского в области художественной криминографии суждено было получить, по словам В.А. Бачинина, «практическую проверку», когда писатель оказался «в роли без вины виноватого заключенного, смертника, каторжанина». С одной стороны, замечает исследователь, «прохождение через казематы Петропавловской крепости, неправый суд, инсценированную казнь и каторгу» явилось для Достоевского личной трагедией, с другой, – «жестокий поворот судьбы предоставил ему как писателю совершенно уникальный жизненный материал для осмысления и творчества», что позволило ему «стать столь глубоким и авторитетным аналитиком криминальной проблематики», сыграло важную роль для обретения «антигероя зрелого творчества». Ф.М. Достоевский вернулся в литературу «Записками из Мертвого дома» – произведением, полностью посвященным проблеме преступления и наказания [Бачинин, 2001, с. 46, 48, 54, 107].

Одной из актуальных проблем в изучении «Записок из Мертвого дома» остается определение жанра и принципов художественной целостности произведения. Содержанием «Записок» является полное, почти фактографическое описание каторжного быта: внешнего вида крепости, распорядка дня, труда и досуга арестантов, злоупотреблений начальства. При этом изображение сибирской каторги дается не отстраненно, а через личную судьбу, воспоминания и переживания героя-рассказчика, в котором очевидны автобиографические черты писателя. На этом основании одни исследователи в определении жанра акцентируют документальный характер «Записок»: Г.М. Фридендер и Б.О. Костелянец называют их «книгой очерков»; другие подчеркивают автобиографический план: Н. Чирков – «художественные мемуары»; третьи говорят о синтезе того и другого: Г. Чулков – «особый жанр, который граничит с художественным очерком и мемуарами» (цит. по: [Селезнев, 1974, с. 117]). Форма «записок арестанта» была ценна для

Ф.М. Достоевского своей безыскусственностью [Фридлиндер, 1964, с. 94], рождающей эффект свидетельства. Записки как разновидность промежуточного жанра воспринимались читателями «как подлинные, человеческие, документь» [Nagy, 1991, с. 230]. Е.А. Акелькина подчеркивает новаторскую природу «Записок из Мертвого дома», заключающейся в «синтетичности и полижанровой форме очерковой повести, приближающейся по организации целого к Книге (Библии)» [Акелькина, 2008, с. 74].

Исследователями справедливо ставится вопрос о художественном единстве книги. Ю.И. Селезнев, Е.П. Червинскене и Т.С. Карлова считают, что цельность художественного произведения «Записки» обретают благодаря центральной идее свободы. Ю.В. Лебедев полагает, что такое единство очеркового материала в «Записках» создает «целостный образ народного мира» через связи между отдельными героями. «Например, к рассказу об Аким Акимыче повествователь обращается около 25 раз. При этом дробность характеристики – не прихоть писателя, не механический повтор. Характер как бы расслаивается на отдельные мотивы, каждый из которых вступает в связи с мотивами других героев, входящих в мир каторги» [Лебедев, 1988, с. 241]. Кроме того, фактографический материал скрепляется и беллетризуется благодаря фигуре героя-рассказчика Александра Петровича Горянчикова, в которой отчуждается автобиографический повествователь: «Моя личность исчезнет», – писал Ф.М. Достоевский (письмо брату от 9 октября 1859 года) [Достоевский, 1985, т. 28, ч. 1, с. 349]. Вокруг этого персонажа организуется действие. Его сознание централизует все впечатления каторжной жизни. Действие «Записок» перенесено в прошлое, дано как воспоминания Горянчикова, чем мотивируется отбор самых сильных, значимых, ярких впечатлений духовного опыта, которые как бы всплывают в памяти рассказчика, исключая прямую фактографию, эмпиризм, давая простор для художественных обобщений. Герой-рассказчик собственной истории преступления и биографии не имеет. О нем известно только, что он – уголовный преступник, осужденный за убийство жены. Но ни мотивы, ни обстоятельства преступления не сообщаются. А.П. Горянчиков не исповедуется, не раскаивается, не рефлексирует по поводу содеянного. Тем не менее, в отборе фактов, в содержании впечатлений, в оценке окружающей действительности выражается его характер – мыслящего и гуманного человека, что как будто не вяжется с его преступлением и создает загадку, тайну образа.

Жанровая структура произведения Ф.М. Достоевского для нас имеет значение как особая целостность, моделирующая правовой концепт писателя. В этом смысле существенны собственные авторские жанровые установки, отмеченные в тексте. Нам представляется, что определение «Записки», обозначенное в названии произведения, в большей степени коррелирует не с документально-мемуарным, а с художественным литературным контекстом. «Записки» в художественной практике первой половины XIX века были, во-первых, знаком творческой свободы от твердых жанровых форм, во-вторых, обозначали демократический принцип простоты, безыскусственности новой прозы, в-третьих, служили знаком достоверности изображенного, утверждаемой прямой причастностью к нему героя-скриптора.

Предметно-познавательная универсальность жанра «записок» (от «Записок путешественника» до «Записок сумасшедшего») позволяет эксплицировать в произведении Достоевского метафизический – поэзный литературный жанровый код, организующий и концептуализирующий содержание произведения. Этот код восходит к поэме Гоголя «Мертвые души» и дантовской «Божественной комедии», – в свете которых мы и рассмотрим правовой дискурс «Записок из Мертвого дома».

Ставшая традиционной в литературе мотивация авторской маски писателя, представляющего свой текст как чужие записки, в данном случае – записки каторжника Александра Петровича Горяничкова, содержит некоторые жанровые корреляты текста. Первым из них является гоголевский код, ориентирующий читателя на «Записки сумасшедшего»: «Я несколько раз перечитывал эти отрывки и почти убедился, что они писаны в сумасшествии» [Достоевский, 1972, т. 3. с. 8]¹.

Далее, метафора «мертвого дома», данная в заглавии всего произведения и затем повторенная в названии первой главы и многократно в тексте, отсылает к «Мертвым душам» в качестве их интерпретации: мертвым душам помещиков у Н.В. Гоголя, то есть душам без воскресения и бессмертия, противостоят души покойных крестьян, «воскресающих» «в списках» Чичикова (каретник Михеев, плотник Степан Пробка, сапожник Максим Телятников и др.) [Манн,

---

¹ Здесь и далее текст «Записок из Мертвого дома» цитируется по изданию Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : В 30-ти тт. Л., 1972–1990. Т. 3. В квадратных скобках указаны страницы.

1988],– «Мертвый дом» у Ф.М. Достоевского не предполагает среди его обитателей «мертвых душ»¹. Во «Введении» писатель называет записки покойного Горяничкова «заметками о погибшем народе», но не о погибших душах. Смерть и воскресение души составляют внутренний сюжет «Записок» – историю каторжной жизни героя-повествователя и его рассуждения о грехе, страдании, раскаянии преступника – как важнейший элемент правового дискурса Достоевского. В связи с последним отсылка к гоголевской «поэме» через данное жанровое определение, в свою очередь, подразумевает его первоисточник – поэму Данте «Божественная комедия». Другим знаком этого источника является «театральный» код жанрового определения записок Горяничкова, также отмеченного автором во «Введении»: «но каторжные записки – *«сцены из мертвого дома»*, – как называет он их сам где-то в своей рукописи ...» [с. 8].

Дантовский код может быть ключом к пониманию композиционного принципа «Записок» как движения по кругам ада, раскрывающего иерархию «греха», вины преступников в нравственно-правовой концепции Достоевского².

Традиция сравнения творчества Достоевского и Данте в литературоведении достаточно обширна. Еще Д. Мережковский называл Достоевского «духовным близнецом Данте», его «перевоплощенной душой» [Мережковский, URL] . К дантовской традиции в русской литературе обращался А.А. Асоян [Асоян, 1989], «общность повествовательной структуры» поэмы Данте и очерковой повести Достоевского доказывала Е.А. Акелькина [Акелькина, 1983, 1988, 2008]. Сравнением поэтики символа Данте и Достоевского занимается А.В. Троечкина и др. Е.И. Волкова называет писателя русским Данте, «приносящим вести из Ада души». По ее мнению, Петербург Достоевского – это развернутая метафора первого круга Ада, символом второго круга является фаланга, а третий круг ада – сфера оправдания зла в разуме человека [Волкова, 2002]. На наш взгляд, это сравнение метафорической топографии Ф.М. Достоевского может быть углублено и дополнено, поскольку в «Записках из Мертвого дома» существует более глубинное концептуальное родство концепций преступления и наказания у русского и итальянского

---

¹ Иную интерпретацию семантики заглавия предлагает Т.С. Карлова: «В метафоре «мертвый дом» главным является социально-политический подтекст: свобода – неперенное условие жизни» [Карлова, 1975, с. 35].

² Мысль о сравнении «Записок из Мертвого дома» с «Божественной комедией» Данте высказывали еще современники писателя: И.А. Тургенев, А. Милоков и др.

классиков, усиленное биографическими параллелями и жанровыми особенностями произведений.

И.И. Гарин писал, что двух классиков объединяет «изгнание одного и мертвый дом другого, и еще – мотив абсолютной вины, столь характерный для русских колоссов» [Гарин, URL]. Добавим, что Данте в конце жизни воспринимали как пророка, спустившегося в ад, и при этом такие черты его внешности как очень смуглая, опаленная южным солнцем кожа, черные кудрявые волосы воспринимались современниками как «доказательства» загробного путешествия, как «знаки» его пребывания в Аду. Достоевского также воспринимали как духовного учителя. «Записки из Мертвого дома» стали «книгой века», «сенсационным литературно-общественным событием», закрепившим за Достоевским славу пророка, вернувшегося «из неведомого мира сибирской «военной каторги», «Данте Мертвого дома» [Акелькина, 2008, с. 70].

«Поэзный» вектор включает в ряд жанровых коррелятов «Записок» поэму Н.А. Некрасова о сибирской каторге «Несчастные», семантику названия которой Достоевский развивает в суждениях повествователя о том, что «не в русском духе попрекать преступника», которого в народе называют «несчастливым» [с. 13, 19].

«Поэзная» стратегия писателя находит выражение в эпическом времени (время действия изображается как абсолютное прошлое: «Я описываю, стало быть, старину, дела давно минувшие и прошедшие» [с. 11]); мифологических и театральных мотивах. Эпическая временная дистанция – не только «цензурный» ход, но и условие мифологизации: «Давно уж это было; все это снится мне теперь, как во сне» [с. 11].

Дантовский код, эксплицирующий мотив движения по кругам ада, позволяет выявить *иерархию преступлений* в системе «Мертвого дома», имеющей, как нам представляется, так же как у Данте, не линейную, а круговую перспективу в форме воронки. Ее верхний уровень объединяет каторжан со всем человечеством в первородном грехе. В первых главах «Записок», обозревая разряды арестантов в казарме («И какого народу тут не было!» [с. 10]), Ф.М. Достоевский показывает, что к преступлению причастны люди независимо от сословия, национальности, вероисповедания и возраста. «Свойства палача, – замечает повествователь, – в зародыше находятся почти в каждом современном человеке. Но не равно развиваются звериные свойства человека» [с. 155]. Первородный грех осмысливается Ф.М. Достоевским отчасти в свете позитивистской антропологии, но, говоря о неравном развитии животного начала в человеке, писатель

имеет в виду не действие внешней среды, а скорее – внутреннюю борьбу духовного и плотского: «Если же в ком-нибудь они пересиливают все другие его свойства, то такой человек, конечно, становится ужасным и безобразным» [с. 155]. И далее Достоевский приводит в пример «людей», «даже добрых, даже честных, даже уважаемых в обществе, и между тем они, например, не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричит под розгами...» [с. 155].

Второй намного меньший уровень составляют грешники, которых также не разделяет острожная стена: это поколения господ, повинных в нищете, страданиях и преступлениях народных. Большая часть их продолжает безнаказанно грешить, насилуя и притесняя «братьев по закону Христову», чему Ф.М. Достоевский приводит достаточно примеров. Самая малая часть их в острожных стенах искупает в страданиях общий «родовой грех».

Далее, замыкая область греха в зоне острога, то есть преступлениями по закону общества, Ф.М. Достоевский разделяет их на те, которые «с начала мира считаются бесспорными преступлениями и будут считаться такими до тех пор, покамест человек останется человеком» [с. 15], и те, которые не являются бесспорными и не могут быть осмысленны «с данных, готовых точек зрения, и философия» их «несколько потруднее, чем полагают» [с. 15]. Эти последние, не бесспорные преступления составляют большую часть упомянутых в «Записках» преступлений и, по принципу «воронки», располагаются на следующем за «родовым грехом» уровне. Это преступления против власти. По своему составу – убийство или покушение на убийство – они принадлежат к «бесспорным», но по мотивам, которые, по мнению повествователя, должны стать обязательным элементом правосудия, они содержат смягчающие обстоятельства. Рекрут Сироткин, убивший своего ротного командира, доведен до преступления его наказаниями; Петров убил полковника, который ударил его без причины на учении; калмык «Александра», убивший начальника, не вынес его издевательств и т.д.

Авторской реабилитацией такого рода преступников служит описание их характеров, в котором очевидно желание не только вызвать к ним симпатию и сочувствие читателя, но и привлечь внимание к «метафизике» подобных преступлений. Сироткин – «загадочное существо», «поразило его прекрасное лицо», «тихий и кроткий», «глядит на вас, как десятилетний ребенок», «...Ну, кого ты мог убить? – Так случилось. <...> Уж очень мне тяжело стало» [с. 39].

В Петрове – тоже «странной» фигуре – повествователя поражает необыкновенно развитое в простолюдине личное достоинство, которое осталось непоколебимым, несмотря на многие тысячи палок и условия каторги, где «...всякое проявление личности в арестанте считается преступлением» [с. 67]. В калмыке потрясает неиссякаемая воля к жизни жестоко битого с младенчества, но не утратившего доброты человека.

Таким образом, в преступлениях такого рода не было ни злого умысла, ни тайного намерения. Напротив, здесь чистый и невинный дух восстал против злой воли представителей власти.

К разряду «небесспорных преступлений» следует отнести те, которые совершены в состоянии невменяемости. В госпитальных главах Ф.М. Достоевский показывает несколько типов такого рода преступников, находившихся на обследовании в острожной больнице: симулянт, «буйный» и «тихий». Он замечает, что уловка прикинуться сумасшедшим как один из способов избежать наказания была редкой и малоэффективной в силу отсутствия у арестантов знаний психологии и всех симптомов болезни. «Настоящие сумасшедшие <...> составляли истинную кару Божию для всей палаты» [с. 159]. В противоположность простонародью, для которого такой больно́й – забава и развлечение, для повествователя сам факт сумасшествия неизменно вызывает сильное сострадание и мысль о причинах болезни. В примере буйнопомешанного, который приводит повествователь, акцентирован факт невероятной перемены, произошедшей с известным ему человеком, возможно, вследствие столкновения с порочностью судопроизводства, несовместимой с его душевным складом («по какому-то делу он находился под следствием» [с. 159]): «старик лет шестидесяти, высокий, сухощавый, чрезвычайно благообразной наружности» [с. 159], усердно читавший Библию и пользовавшийся уважением окружающих, впал в буйное помешательство, проявляющееся в постоянных ссорах, драках, визжании, плясках и пении песен.

В «Записках из Мертвого дома» есть еще одна, по-настоящему трагическая разновидность безумия – «странный сумасшедший» [с. 160], с виду «очень смиренный малый» [с. 160] с «унылой, огорченной и уродливой физиономией», не разговорчивый, погруженный в свою внутреннюю жизнь. Его тихое помешательство спровоцировано страхом перед жестоким телесным наказанием и проявляется в том, что он убежден в любви к нему дочери полковника, которая спасет его от двух тысяч палок. Повествователь указывает на невнимание окружающих, несовершенство медицинского освидетельствования «тихой» разновидности болезни и, как

следствие, нарушение правосудия: исполнение приговора над душевнобольным.

Все «беспорные», исключая рассмотренные небеспорные преступления, располагаются в той же последовательности меры греха, что и «Божественной комедии» Данте, кроме грехов, за которые в новом обществе каторжными работами не наказывают: чревоугодники, моты, сладострастники и т.д.

В «круге первом» – «Лимбе» – «добродетельные нехристиане» – прежде всего прекрасный Алей, нечаянно замешанный его родственниками-кавказцами в разбой с убийством.

В «круге шестом», по Данте – еретики, которым соответствует у Достоевского старовер, сжегший церковь, – «чрезвычайно важное преступление», с точки зрения повествователя.

В «круге седьмом», где у Данте «насильники над ближним и его достоянием» – у Ф.М. Достоевского могут быть фальшивомонетчики, Елкин-ветеринар, отцеубийца-дворянин, женоубийцы Шишков и Горянчиков, детоубийца Газин. «Были здесь убийцы невзначай и убийцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойников, <...> промышленники по находным деньгам» [с. 11]. В следующем поясе находятся у Достоевского убийства на основе превышения власти (Аким Акимыч) как сознательные и безмотивные с точки зрения естественного права: не из нужды, корысти, ревности, – а из казенной рачительности – Аким Акимыч убил князька, подозреваемого в поджоге крепости.

В последнем дантовском «круге девятом» («Коцит») – круге «обманувших доверившегося» и предателей, безусловно, у Ф.М. Достоевского находится самый отвратительный арестант, по характеристике повествователя, дворянин-клеветник и доносчик А-в. Схема «адской» воронки преступлений «Записок из Мертвого дома» представлена на рис. 1.

Однако дантовская *иерархия воздаяния* по мере греха в реальной системе «Мертвого дома» XIX века оказывается парадоксально перевернутой. «Художественная логика «Записок» не совпадала с логикой Уложения о наказаниях. В изображении Ф.М. Достоевского устрашение калечит, а не вылечивает; к «возрождению» ведет не «усекновение» в элементарных правах, а живая жизнь души человеческой, если только она не погибает под тяжестью юридических установлений» [Карлова, 1971, с. 35]. По ходу повествования выясняется, что самые тяжелые муки претерпевают преступники II главного уровня – дворяне-политические заключенные, которым, кроме физических страданий, невыносимыми представляются мучения нравственные: «Вот, например, человек

образованный, с развитой совестью, с сознанием, сердцем. Одна боль собственного его сердца, прежде всяких наказаний убьет его своими муками. Он сам себя осудит за свое преступление беспощаднее, безжалостнее самого грозного закона» [с. 43].

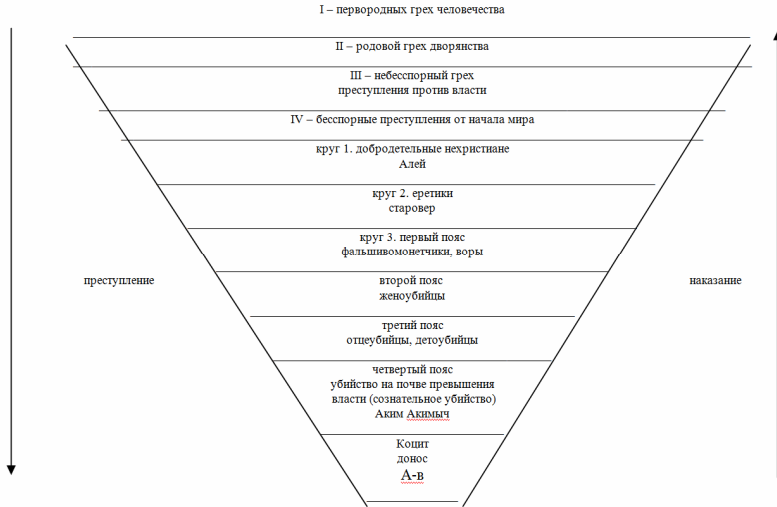

Рис. 1. Схема «адской» воронки преступлений «Записок из Мертвого дома»

По цензурным условиям Ф.М. Достоевский не мог выступить прямо с критикой правосудия по отношению к преступлениям против власти, но, как говорилось выше, средствами положительной характерологии раскрывает в этом случае крайнюю несправедливость высшей меры наказания: четыре тысячи палок и бессрочная каторга для такого рода преступников («особое отделение»). Бессмысленность подобного наказания заключается у Достоевского еще и в том, что эти преступники, защищавшие свое человеческое достоинство, считали себя правыми, то есть никакого «урока», кроме еще одного урока несправедливости, они извлечь из наказания не могли. Вопрос о раскаянии, об угрызениях совести для такого арестанта, как заявляет повествователь, «немыслим», так как он «всегда наклонен чувствовать себя правым в преступлениях против начальства» [с. 147]. При этом делается еще одно замечание, важное для презентации общей картины права, моделируемой писателем: «Преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей

родной среды, своего же простонародья, которое никогда, он опять-таки знает это, его окончательно не осудит, а большею частью и совсем оправдает, лишь бы грех его был не против своих, против братьев, против своего же родного простонародья. Совесть его спокойна, а совестью он и силен и не смущается нравственно, а это главное. Он как бы чувствует, что есть на что опереться» [с. 147]. Поэтому и тысячи палок, и бессрочную каторгу, и смерть под розгами арестанты этой категории принимают не как наказание, а как «неотвратимый факт», «неминуемое» зло, без ненависти и протеста, как солдаты на войне принимают страдание и смерть. Из чего следует, что модель юстиции Ф.М. Достоевского включает несколько институтов права: *государственная юрисдикция*; *народный суд*, защищающий права «своих», «братьев»; *суд совести*, опирающийся на народное правосудие; *Божий суд*, прощающий суд убийства на войне, с которой сравнивается вражда «простонародья» и «власти».

Следовательно, «небесспорные преступления» являются таковыми, так как не подлежат суду трех из четырех судебных инстанций: народа, совести и Бога. И с точки зрения этих высших инстанций по отношению к государственному суду, последний дискредитируется.

Таким образом, уникальность природы художественной целостности «Записок из Мертвого дома» создается и литературно-художественной формой записок, и образом героя-рассказчика А.П. Горячикова, и поэтным метафизическим дантовским кодом, позволяя Достоевскому вслед за итальянским классиком выделить иерархию преступлений в системе «Мертвого дома» и обнажить несправедливость и порочность системы наказаний, не учитывающей мотивов, психологии «небесспорных» преступлений. При внешнем сходстве композиционного приема движения по кругам Ада, топографии расположения его кругов концепции преступления и наказания у итальянского и русского классиков глубоко различны: в основе воздаяния за преступления у Данте лежит принцип изоморфизма, тогда как у Достоевского – принцип обратной пропорциональности, обнажающий ущербность российской пенитенциарной системы.

Литература

Акелькина Е.А. Данте и Достоевский (К вопросу о принципах организации повествования в «Божественной комедии» и в «Записках из Мертвого дома») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9.

Акелькина Е.А. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Примеры целостного анализа художественного произведения. Томск, 1988.

Акелькина Е.А. Записки из Мертвого дома Достоевского // Достоевский: сочинения, письма, документы. СПб, 2008.

Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского протомодерна). СПб., 2001.

Волкова Е.И. Русский Дант (Ад и Рай в художественном мире Достоевского) // Вестник Московского университета. Сер. 19. 2002. № 2.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : В 30-ти тт. Л., 1972–1990. Т. 28. Ч. 1.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : В 30-ти тт. Л., 1972–1990. Т. 3.

Карлова Т.С. О структурном значении образа «мертвого дома» // Достоевский : Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1.

Лебедев Ю.В. Народный мир в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Лебедев Ю.В. В середине века. Историко-литературные очерки. М., 1988.

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М., 1988.

Селезнев Ю.И. Идея свободы и вопросы художественного единства в «Записках из Мертвого дома» // Писатель и жизнь. М., 1974.

Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского. М.–Л., 1964.

Nagy I. Биография–Культура–Текст (О «сдвиге» в русской культурной парадигме) // Пушкин и Пастернак. Будапешт, 1991. Вып. 1.

Гарин И.И. Данте в России. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/garin_proroki_v/41.aspx#top

Мережковский Д. Данте. IX. Пестрая пантера. [Электронный ресурс]. URL: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/merezhkovskij-dante/ix-pestraya-pantera.htm>

Тоичкина А.В. Достоевский и Данте : поэтика символа. [Электронный ресурс]. URL: <http://dumkare.ru/video/pisateli/poetika-simvola-v-zapiskah-iz-mertvogo-doma.html>

«ЧУДНЫЕ ПО ЗВУЧАНИЮ СЛОВА» В.Г. РАСПУТИНА

Т.М. Григорьева

Ключевые слова: народные слова, художественная ценность, пушкинский принцип использования.

Keywords: the public words, artistic value, Pushkin's principle of the use.

В проекте «Кто есть кто в современной культуре» среди 200 выдающихся деятелей современности есть страница, посвященная В.Г. Распутину. Здесь отмечено, что язык его произведений «словно речка струится, изобилуя чудными по звучанию словами: «Что ни строчка – кладезь русской словесности, речевые кружева. Случись так, что до потомков в следующих веках дойдут только произведения Распутина, они будут восхищены богатством русского языка, его мощью и неповторимостью» [Кто есть кто..., URL].

«Мощь и неповторимость» языка В.Г. Распутина отметил при вручении премии своего имени 4 мая 2000 года А.И. Солженицын, сказав, что «органичайшие черты» творчества В. Распутина «существуют как бы не сами по себе, а в безраздельном слитии» и с русской природой, и с русским языком; что В. Распутин «не пользователь языка», а его «живая произвольная струя», потому что он «не ищет слов, не подбирает их, – он льется с ними в одном потоке». А.И. Солженицын отмечает редкую среди писателей-сверстников В.Г. Распутина «объемность его русского языка» и выражает сожаление, что в составленный им «Русский словарь языкового расширения» (М., 1990.) не смог включить из языка произведений В.Г. Распутина «и сороковой части его ярких, метких слов» [Солженицын, 2000, с. 188–189].

Что представляет собой «Русский словарь языкового расширения», в который включены слова и выражения из произведений В.Г. Распутина? Ответ на этот вопрос находим в предисловии к словарю самого автора-составителя:

«С 1947 года много лет (и все лагерные, так богатые терпением и лишь малыми клочками досуга) я почти ежедневно занимался обработкой далекого словаря – для своих литературных нужд и языковой гимнастики. Для этого я сперва читал подряд все четыре тома Даля, очень внимательно и выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашел эти выписки еще слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью. <...> Вся эта работа в целом помогла мне воссоздать в себе ощущение глубины и широты русского языка, которые я предчувствовал, но был лишен их по своему южному рождению, городской юности, – и которые, как я все острее понимал, мы все незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холостяцкому советскому обычаю». Это определило основную задачу «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему – особенно для тех молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка...; для всех, кто в нашу эпоху оттеснен от корней языка затертостью сегодняшней письменной речи» – то есть создать «Словарь языкового расширения», или «Живое в нашем языке». Что значит «живое в языке» автор объясняет так: «не в смысле «что живет сегодня», а – что еще может, имеет право жить»; то, чему «грозит отмирание», что может получить в языке «освеженное новое значение».

Работая над Словарем языкового расширения, автор не ставил задачи представить по возможности полный лексикон языка. Он ориентировался на давний опыт Франции, где в начале XIX века (Ш. Нодье и др.) была предпринята попытка восстановить старофранцузские слова, уже утерянные в XVIII веке. В «Словарь языкового расширения» включены слова, которые не заслуживают «преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение – а между тем почти целиком заброшенные, существующие близко рядом с границей нашего изношенного узкого употребления, – область желанного и осуществимого языкового расширения».

Основную часть Словаря составило то, что может расширить границы русского языка и взято из сокровищницы русского слова – словаря В.И. Даля. По словам автора-составителя, как напоминание, «с некоторой оговоркой “иногда можно сказать” – хотя бы для редких случаев, хотя бы в художественных произведениях». Кроме того – слова, составленные самим автором по существующим в русском языке моделям; исторические выражения, слова и словосочетания из произведений русских писателей XIX–XX веков от А. Пушкина и Л. Толстого до В. Шукшина и В. Астафьева. Среди 28 мастеров русского слова В.Г. Распутин занимает особенное место.

Во-первых, чуть более 30 народных речений, по выражению А.И. Солженицына, «метких слов», включены в словник словаря:

Сущ. – бестечье, возвысье, доброшив – качество шитья, замерзь, измольенье, истайна, мокрень, неробь, нескладень, протеча, прямосудие, родова, стынь.

Прилаг. – изморозный, износный, нагрузлый, неподатный, позадный,

Глагол – выторчиться, насмелиться, настывать, опоздниться, поопнуться, протемнить (видеться темным).

Наречие – жорко (от пожирая), вполвида, лихоматом, сыпом (ягоды).

Словосочетания – корка для занюха, разметное пламя, страдальная земля, ощутить общим чутьем в один перемог.

Во-вторых, в раздел ДОБАВЛЕНИЕ А.И. Солженицын включил, наряду с историческими выражениями и словами из произведений А. Мальшкينا, **55 слов и выражений В.Г. Распутина:**

Сущ. – безбрежье, взмыль, высветы, голоземье, в заблуде, кутерьга (о пурге), многоустройство, многосильность, непригляд, обиходь, одностворы, первознаванье, первослед, переможенье, плоскотина (о местности), поречане (живущие вдоль реки), пригас (от глаг. гасить),

простошив (грубое шитье), пустотечить, разночудье, речивость, рукоумелье, староречие, старобытность, стоя (ж.) – способность к стоянию, улово (ср.) – что уловлено, худьба (ж.), чуднозвучие.

Прилаг. – безгордый, безкрасый, безростный, велиткогневный, живородный, новобывший, ожигной, продышный, просквуженный, ухожестый.

Глагол и отглагольные формы – выгарблывать, выструниться, иззаплаченный, искательствовать, обшить (кого), ухульничать – клеветать.

Наречия – заводисто, издолно, насторожь, рисунчато, уладисто.

Словосочетания – во всю дюженьку, ожигом делать что-то, окид взгляда, первопосельные дни, угрузный звук и др.

Язык В.Г. Распутина предстает в 4-х ипостасях: 1) язык художественного творчества; 2) язык очерков; 3) эпистолярный и 4) устная речь. Наиболее доступной являются две первые. О них и пойдет речь.

Прежде всего – язык художественных текстов, щедро включивший в себя народное языковое богатство. В первую очередь – в богатой и неповторимой речи персонажей как речевая краска, что помогает отразить «суть вещей», «истину страстей» и «правдоподобие чувствований» [Пушкин, 1993, с. 740]. Яркие меткие слова чаще встречаются в речи персонажей, но если вспомнить слова Г. Флопера «госпожа Бовари – это я», то можно сказать, что каждое действующее лицо творений В.Г. Распутина – это какая-то грань личности самого писателя. В том числе – грань языка. Язык его художественных текстов включает разнообразные типы народных речений:

фонетические: *У меня их, старых-то, мильен – сообщил Вася...* («По-соседски»); *Ты хозяйка там, сариса* («Женский разговор»); *Твоя жисть тоже не сладкая будет* (Василий и Василиса);

лексические: *Спрашивают как доброго – ну почему прямо не ответить?! Нет, обязательно будет **выкобениваться!*** («По-соседски»); *<...>или какой-то корыстный мужичонка увез на **стайку**, чтоб не махать топором* («Под небом ночным») и многочисленные другие;

морфологические: *Твоя **корова** тоже **животная** и тоже кричит* («По-соседски») и многочисленные другие;

Помимо этого, народное слово звучит в речи автора-повествователя, которому близок писатель (это голос его родины), и в большинстве своем они включены в «Словарь русских народных говоров» (СРНГ):

• *А ведь привыкли уже к новым масштабам: вернись теперь старая Ангара – и покажется за малую речку, выпростайся из зарослей пашенные поля – и **лафтаками** будут смотреться рядом с полями*

лесосечными. («На Родине») (Лафтаки – заплаты, лоскуты [СРНГ, 1980, с. 295]).

• *Чуть справа от меня мелконько подрагивают корявыми тычками две мертвые, мертвыми же корнями вросшие в воду березы* («На Родине») [СРНГ, 1982, с. 100] и многочисленные другие.

Природа в произведениях В. Распутина «не цепь картин, не материал для метафор, – писатель натурально сжит с нею, пропитан ею как часть ее. Он – не описывает природу, а говорит ее голосом, передает ее внутренне, углубляясь в суть вещей. Тому множество примеров, здесь их не привести. Драгоценное качество, особенно для нас, все более теряющих живительную связь с природой». Эти слова А.И. Солженицына из той же речи при вручении премии можно отнести и к языку В.Г. Распутина: он говорит голосом народа, он сжит с ним; народное слово создает эффект абсолютного правдоподобия повествования, вносит интонацию живой речи, и это выразительное свидетельство глубокого знания родного слова и его умелое использование в художественном тексте.

Заслуживает внимания вопрос о разнообразных способах введения народной речи в текст. Они разные: 1) посредством метатекстовых вставок: «как тут принято говорить», «говоря по-местному», «говоря здешним языком»; 2) графическое выделение или 3) рядом дано толкование. Однако наиболее предпочтительным оказывается прием влечения народного слова в ткань повествования без каких-либо помет. И здесь В.Г. Распутин следует пушкинским принципам языкотворчества. Широко известны рекомендации А. Пушкина, изложенные им в статье «Опровержение на критики» (1830), прислушиваться к удивительно чистому и правильному языку «московских просвирен» [Пушкин, 1937, с. 148–149]. Отвечая критикам поэмы «Полтава», он отстаивал свое право на простонародную речь: «Слова *усы, визжать, вставай, рассветают, ого, пора* казались критикам *низкими, бурлацкими*; ... но никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.» [Пушкин, 1937, с. 159]. Он противопоставлял литературному «чванству» карамзинизма подлинных литераторов, которые... не находят «одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*» и не «гнушаются просторечием», заменяя его «простомыслием» [Пушкин, 1937, с. 410]. Именно в таких принципах художественного творчества Пушкин видел будущее русского языка, и его позиция явилась отражением формирующегося нового языкового сознания времени, продолжателем которого выступает В.Г. Распутин.

Язык деревни вызывает восхищение писателя:

«Баско баяли – метко, точно, с заглубом в язык, не растекаясь мыслью по древу. <...> По русскому языку, да позволено будет так выразиться, ходили пешком, по-рабочему, а не разъезжали на лимузинах» («Откуда есть пошли мои книги»).

В одном из интервью он заметил: «Деревенская проза – это мой язык, моя тема; в ней нельзя фальшивить», и объясняет художественную причастность к народному меткому слову так:

«...Было время, когда я, смущенный университетом, образованием, стал стыдиться своего деревенского языка, считать его несовременным. <...> Надо было соответствовать филологической выправке, не показывать себя лаптем. Вынесенный из деревни язык, конечно, нуждался в обогащении... Но в обогащении, а не замене. Я и не подозревал, каким владел богатством, заталкивая его поглубже и с удовольствием называя всякими «эквивалентами» и «экзистенциализмами». И даже когда начал писать – начал вычурно, неестественно. <...> Выручила опять бабушка, моя незабвенная Марья Герасимовна. Когда я задумал рассказ о ней, тот самый, где она Василиса, эта самая Василиса решительно отказалась говорить на чужом языке. Я и так, и эдак, подслащивая городским, давал для утешения погорчить во рту деревенским – ничего не выходило. Пришлось подчиниться. Мне с самого начала следовало догадаться, что их “в одну телегу впрячь не можно”. Получив свое слово, Василиса сразу заговорила легко и заставила освободиться от книжной оригинальности и автора» («Откуда есть пошли мои книги»).

Кроме того, что В.Г. Распутин внедряет в текст меткое народное слова, выражаясь пушкинским слогом, «с чувством соразмерности и сообразности», он использует творческий потенциал русского языка и вводит в ткань повествования авторские образования, выступающие значимым штрихом содержания, и этим погружает читателя «в суть вещей»:

- *После первой, натянутой из чащи, темноты под звездосеем развиднелось, поднявшуюся сразу после захода солнца холодную волну утянуло в землю, и стало мягче, теплей* («Под небом ночным»).

- *Надо выбираться из этого безответья, из этой глухоты, из беспродышного подпора, на дне которого много чего лежит* («На Родине»).

- *Один, в кроссовках на огромных ногах и в какой-то странной нахлобучке на голове типа армейской пилотки, с властным трубным голосом, особенно громогласил* («В больнице»).

- <...> а звезд выпало так много, что они не уместались на небесном пологe и подталкивали друг дружку; огненные полосы от зазевавшихся и сорвавшихся прочерчивались раз за разом, оставляя за собой тонкий **зыбистый** дымок («Под небом ночным»).

- <...> надежда была столь же **бесшаткая**, как наступление августа... («Под небом ночным»).

- <...> но зато в безлюдье и тишине <...> под тяжкий гул важно продирающегося в плотном воздухе жука и легковесную, плавающую, раскачивающуюся в этом воздухе, как на волне, печальную **скинь** листа («Под небом ночным»).

- Только-только после войны встали на ноги, только выправились с одежкой и **обужонкой**, досыта принялись стряпать хлебы... («Изба»).

Язык произведений В.Г. Распутина обнаруживает не только его всестороннюю причастность к родному слову, но и принципиальную позицию по отношению к русскому языку в целом и, в частности, к его «чужесловию», как говорили в XVIII веке, или, как называл это хорватский энциклопедист Ю. Крижанич, – «чужебесию». Об этом выразительно сказано в его очерках:

– «Меня упрекали за сибирский диалект, которым я пользуюсь якобы без меры. Но что такое диалект? Это местные прибавки к языку, заимствования от местных народов, подвернутые под нашу речь, обозначение областной предметности. <...> Но ведь за диалект зачастую принимают сам досельный русский язык, его заглубленную позднейшими наростами корневую породу. И ее предлагают зарыть еще глубже: свое зарыть, а чужое, валом повалившее из «красивых» стран, принять с великими почестями» («Откуда есть пошли мои книги»).

– «Как только народ теряет свои предания, а еще хуже – язык свой, он превращается в “запас” другого, более сильного народа; В чьи руки попал лесопромышленный комплекс, понять невозможно: все эти **холдинги, молдинги, болдинги** с мудреными названиями для того и существуют, чтобы скрывать истину» (выделено автором) («Моя и твоя Сибирь»).

Народное слово в художественном тексте можно и нужно использовать, считает писатель, как возможность обогащения родного языка: незнакомое диалектное слово заставит порыться и в своей памяти, и в словарях. Именно это обогатит «родным, удерживающим нас в отчих пределах», отвратит от чужого и позволит испытать «радость исцеляющегося человека» («Откуда есть пошли мои книги»).

Вступительное слово В.Г. Распутина к «Словарю говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой (по его

словам – «величественному труду» нашего времени, который «по мере трудничества, по объемам и размаху старательства на “золотоносных” сибирских землях» ни с чем не сравним) становится торжественной похвалой народному слову, могучему источнику русского литературного языка:

- «основное его русло полнится, оживляется и украшается многочисленными притоками местных говоров, “истечением” его огромных словообразующих площадей и устных поэтических оазисов»;

- «как для экологии природы вредны грязные производства, так и экологию языка загрязняют “фабрики” чужесловия, дурно- и тупословия, против которых с охранительными законами нужна постоянная расчистка родных истоков»;

- в XIX веке русский язык достиг «чудного, поистине волшебного звучания <...> благодаря «открывшимся вместе с фольклором народным речевым кладовым» [Распутин, 2007, с. 7].

Позиция В.Г. Распутина с его болью за родной язык, теряющий год от года и день ото дня свою первозданность, очень близка позиции, прежде всего – В.И. Даля, который, как известно, не ограничивал себя инвентаризацией «сокровищ родного слова», но стремился продемонстрировать его словообразовательные возможности, «развить наперед законы словопроизводства, разумно обняв дух языка» [Даль, 1955, с. VIII]. Он дополнял свой словарь словами, «не бывшими доселе в обиходе», им сочиненными, которые, на его взгляд, должны быть близки говорящим, годными к употреблению и заменить собой заимствования: «сглас» вм. «гармония», «ловкосилье» вм. «гимнастика» и др. Помимо этого, в своем стремлении сохранить народное слово и творить его соответственно духу самого языка В. Распутин выступает наследником А.И. Солженицына, который свое намерение расширить права русского слова направляет против иноязычного порабощения. Он не против таких слов, как *компьютер*, *лазер*, *ксерокс* и других названий технических устройств, но если, считает он, «беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как «уик-энд», «брифинг», «истеблишмент» <...> «имидж», – то надо вообще с родным языком распрощаться». И это более чем актуально для русского языка нашего времени и очень созвучно суждению М.И. Черемисиной, высказанному в почтовой дискуссии 1990 года: «...Как ойкумена, обитаемая, охраняемая, жилистая теплая земля, сжимается, подобно губке или шагреновой коже, и наступает на ее место непрорубаемая тайга..., вот так же, в моем ощущении, сжимается и УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИЙ

в русской РЕЧИ русский язык» (выделено автором) [Караулов, 1991, с. 62].

Современная лингвистика выделяет разные типы языковой личности: «русскую языковую личность» (Ю.Н. Караулов), «элитарную языковую личность» (О.Б. Сиротинина и др.), «региональную языковую личность» (Т.А. Голикова), «эмоциональную языковую личность» (В.И. Шаховский); «диалектную языковую личность» (Р.В. Пауфошима); «языковую личность западной и восточной культур» (Т.Н. Снитко); «историческую языковую личность» (Т.И. Вендина); «семиологическую личность» (А.Н. Баранов) и др. Если говорить о В.Г. Распутине как языковой личности, то здесь, вероятно, следует ввести новый тип – поликодовая языковая личность. Он владеет разными подсистемами национального языка, виртуозно творит по законам русского языка и «с чувством соразмерности и сообразности» вводит все это в текст, чтобы выразить, выражаясь по-пушкински, «истину страстей и правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах» [Пушкин, 1993, с. 740]. И это, как считает он сам, поможет «не потерять нить поколений, не забыть свои корни».

Языковая личность писателя с редкой полнотой может найти отражение в таком лексикографическом произведении, как словарь языка писателя, который, как известно, содержит описание слов, употребленных в его сочинениях на основе полной выборки из всех литературных произведений, писем, заметок и официальных бумаг. Русская лексикография к настоящему времени насчитывает около 40 словарей, представляющих лексическое богатство писателя, начиная от первого «Словаря к стихотворениям Державина. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота» (СПб., 1883. Т. 1) и заканчивая словарем XXI века: Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина: Около 1500 слов, 700 фразеологических единиц. М., 2001. Это первое комплексное описание творческого наследия В. Шукшина, включившее специфические шукшинские слова и выражения, многочисленные диалектизмы, историзмы, жаргонизмы из текстов писателя. По образу и подобию этого словаря можно подготовить Словарь языка В.Г. Распутина, который отразит языковую личность писателя, «кладезь русской словесности», уникального хранителя русского языка и вместе с тем его творца. И это станет данью великого уважения и знаком преклонения перед писателем, которого принято считать зеркалом духовности своего времени.

«Страна Сибирью приросла, / А слово русское Тобоею» – так определил В.Г. Распутина В. Костров в юбилейном стихотворении

[Костров, 2012]. Как писателя, представляющего «безбрежье нетронутого и самородного». Его «чудные по звучанию слова» – это «корневище» родного языка, которым он должен прирастать, но, вопреки этому, все активнее прирастает чужим и беспощадно вытесняет родное.

Литература

- Даль В.И. Напутное слово // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.
- Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.
- Костров В. Уроки русского. Валентину Распутину к 75-летию // Литературная газета. 2012. № 10.
- Кто есть кто в современной культуре. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biograph.ru/index.php/projects/politics>.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16-ти тт. Л., 1937. Т. XI.
- Пушкин А.С. О народной драме и о «Марфе Посаднице» М.П. Погодина // Сочинения А.С. Пушкина в одной книге. Золотой том. Полное собрание. М., 1993.
- Распутин В.Г. Русь сибирская, сторона байкальская // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. В 20-ти тт. СПб., 2007. Т. 1.
- Солженицын А.И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину // Новый мир. 2000. № 5.

Источники

- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1982. Вып. 18.

ТРАДИЦИЯ vs ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (К ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО- КОНСЕРВАТИВНОГО ЛАГЕРЯ В «ДОЛГИЕ 1970-Е»)

А.И. Разуvalова

Ключевые слова: национально-консервативный лагерь, интерпретация, классика.

Keywords: national-conservative camp, interpretation, classic.

Проблема интерпретации художественных текстов, ее границ и эвристичности – фокус литературной полемики «долгих 1970-х», в котором пересеклись интересы и устремления разных

интеллектуальных групп. В рамках проблемы интерпретации, с точки зрения Г.А. Белой, велись тогда многочисленные «дискуссии об отношениях традиции и современности» [Белая, 1985, с. 138], которые сейчас могут быть рассмотрены в качестве варианта скрытой, неотрефлексированной дискуссии о модернизации, ее сущности, темпе, масштабах (что, собственно, подразумевало внимание к проблеме традиционного и инновативного, эффективных принципов их согласования). Именно в пришедшихся на 1970-е годы дискуссиях об интерпретациях русской классики происходила кристаллизация консервативного и либерально-прогрессистского дискурса в их позднесоветской версии. В рамках статьи будут рассмотрены культурно-идеологические контексты, в которые представители национально-консервативного («неопочвеннического») лагеря¹ включали понятие «интерпретация». Реконструкция этих контекстов позволит точнее уяснить специфику позднесоветской консервативной самоидентификации, выявить ее «ре-активный», компенсаторный характер.

Классика vs авангард

Исходящие из национально-консервативной среды дефиниции «интерпретации» изначально были подчеркнута полемичны. Интерпретация интеллектуалами консервативного плана обычно истолковывалась в качестве антипода традиции — понятия, фундировавшего их культурно-идеологические построения. Порожденная современной культурой, интерпретация казалась выражением ее субъективизма, шаткости иерархических принципов и проницаемости границ, прихотливого интеллектуального произвола сосредоточенной лишь на себе самой нарциссической индивидуальности современного творца. Если символом традиции для

¹ В статье речь пойдет по преимуществу о наиболее последовательных и «политизированных» позднесоветских традиционалистах (при этом под традиционализмом понимается идеология защиты традиции в условиях ее эрозии) – представителях национально-консервативной среды, в основном, критиках, литературоведах (в меньшей степени писателях), внятно проартикулировавших антипрогрессистскую составляющую подобных убеждений, сделавших из них своего рода культурно-идеологическую программу, позволявшую трактовать в нужном ключе события прошлого и настоящего и тем самым использовать в своих интересах символические ресурсы, предоставляемые «традицией». Кроме того, персонажами статьи являются критики, с большей или меньшей степенью последовательности разделявшие традиционалистские установки, но взаимодействовавшие с национально-консервативным лагерем ситуативно (например, С. Ломинадзе).

«неопочвеннического» лагеря была русская литературная классика XIX века, выражавшая константные свойства национальной культуры, то интерпретация истолковывалась как порождение авангарда. Обличение амбициозных намерений авангарда вытеснить классику на периферию национальной культуры (в том числе посредством пародийно-игровых интерпретаций классического наследия) и тем самым подорвать «традицию» – общее место в критике и публицистике национально-консервативного крыла советской интеллигенции 1970-х. В атакующе-бескомпромиссной манере программное для традиционалистского лагеря представление о непримиримом антагонизме классического и авангардного искусств, нашедшем продолжение в современном остром конфликте «традиционалистов» и «интерпретаторов», было изложено П. Палиевским во время дискуссии «Классика и мы» (1977)¹. Литературовед, выражая дух «консервативного поворота» 1970-х – разочарование в утопическом проекте, критиковал эстетический, этический и политический радикализм рубежа 1910-х–1920-х годов, объясняя случившуюся тогда экспансию авангарда временным ослаблением высокой культуры (из-за эмиграции российской культурной элиты) и активными манипуляциями сознанием публики со стороны участников левых художественных группировок. Развивая аргументы, изложенные им в статье «К понятию гения» (1969), Палиевский актуализировал семантику творческого бессилия авангарда, доказывая, что последнему для самоутверждения – ввиду отсутствия собственной «положительной» основы – оказалась необходимой доброкачественная почва, на которой можно «паразитировать» – производить «интерпретации». Такой почвой оказалась классика: «Страшная сила всегда притягивала их (авангардистов. – *А.П.*) к подлинному. <...> Чем больше мы это (период 1920-х годов. – *А.П.*) изучаем, тем яснее видим, что Мейерхольд не нужен Булгакову, зато Булгаков очень нужен Мейерхольду» [Палиевский, 1990, с. 186–187]. Апеллируя к несообразности масштабов «глыбы» классики и «пигмея» авангарда, Палиевский критиковал этико-онтологическую позицию последнего: для авангарда святыня классики лишь «материал для переработки» [Палиевский, 1990, с. 186], в то время как воля и проекты самозваного интерпретатора – все. В «крайне сомнительном ... искусстве

---

¹ Критичность консерваторов-интеллектуалов П. Палиевского и В. Кожина по отношению к рожденным в недрах авангардизма идеям и методологическим установкам в полной мере проявилась уже в 1960-е годы во время полемики с наследующим формализму структурализмом (см.: [Палиевский, 1963, 1966; Кожин, 1965]).

интерпретации» он видел способ обеспечения и закрепления группой (в данном случае художниками авангардистской ориентации) доминирующего положения в литературном поле: «Как в результате известной формулировки Маркса о прибавочной стоимости: прибавочная стоимость успеха (от интерпретации классических произведений. – *А.Р.*) забиралась все-таки авангардистом себе...» [Палиевский, 1990, с. 186].

В дальнейшем в дискуссиях 1970-х годов анти-интерпретаторский пафос будет стимулироваться напоминанием о генезисе враждебного явления – «агрессивной теории интерпретации, порожденной эстетикой международного авангардизма» [Сахаров, 1980, с. 184]. «Недавно мне довелось присутствовать на праздновании юбилея Чехова, – делился соображениями Вс. Сахаров. – И в этом юбилейном собрании один из выступавших сказал, что Чехов настолько велик, что может быть прочитан по-разному. Это очень интересная идея, хотя ясно, что она не чеховская и не пушкинская и всецело принадлежит современному сознанию. К ней можно добавить еще одну мысль: Чехов настолько велик, что имеет право быть прочитанным и понятым п р а в и л ь н о . Ибо он никогда не писал и не думал по-разному, он был чрезвычайно цельной, твердой в своих принципах личностью... и потому думал и писал всегда одно» [Сахаров, 1990, с. 185] (разрядка автора. – *А.Р.*). Помимо подчеркнутого уважения к автору, контрастирующему с подразумеваемым «амикошонством» авангардистов по отношению к классическому наследию, помимо утверждения стабильности, объективности смысловых структур текста, в приведенном выше высказывании присутствует педалированная гомологичность цельности и стабильности «автора» (в психологическом смысле) и текста: в результате ретроспективно конструируемая цельность характера и психологии классика, писавшего «всегда одно», имплицитно противопоставлена раздробленности сознания современных интерпретаторов, проецирующих не-цельность на классический текст и в итоге «фальсифицирующих» традицию. Автор-классик здесь выступает авторитетной инстанцией, обеспечивающей нормативное («правильное») понимание произведения, задающей структуру коммуникативного акта, однонаправленную (от автора к реципиенту) и иерархизированную (читатель «внимает» транслируемому сообщению).

Конечно, сделанное Палиевским указание на связь, существующую между возрастанием значимости «интерпретаций» для

производителей и потребителей произведений искусства, с одной стороны, и экспансией авангарда, с другой, не лишено оснований. По наблюдению П. Бурдые, эволюция культурного поля логически приводит к возникновению связки «художник» – «интеллектуал». Последний «средствами рефлексивного дискурса» [Бурдые, 2005, с. 252] участвует в создании ценности произведения: он изобретает стратегии различия, обосновывающие оригинальность художника (или его произведения), его отличие от известных всем культурных форм и формул. Возникшее в итоге подобных процессов новое отношение между корпусом интерпретаторов и произведением искусства, иронизирует Бурдые, «можно сравнить только с отношением, сложившимся в больших эзотерических традициях» [Бурдые, 2005, с. 252]. Однако нас интересует не сама связь авангарда и творящих его ценность и смысл интерпретаций, а истолкование этой связи выразителями консервативного тренда.

В созданных авангардистами и их современными последователями полемических интерпретациях классического наследия П. Палиевский, В. Кожин, М. Лобанов, Ю. Селезнев увидели не только эффективную стратегию саморекламирования, но стремление разрушить мировоззренческие и эстетические основания национальной культуры. Если классика – корпус канонических произведений, транслирующих базовые для отечественной культуры значения, репрезентирующих систему символов, которые цементируют национально-культурную идентичность, то полемические интерпретации классического наследия авангардистами и их преемниками – это попытки, по мнению представителей национально-консервативного лагеря, подорвать культурные основания идентичности. В шквале «ревизионистских» прочтений классики (в литературоведении, театре, кинематографе) Палиевский и его единомышленники усматривают свидетельство активизации идейного противника, возобновления его претензий на лидерство¹. Отсюда

---

¹ Говорить о полном отвержении традиционалистами новаций было бы преувеличением. Они готовы были принять новацию, но в том ее варианте, о котором вспоминал П. Палиевский, когда ссылался на постановку В.И. Немировичем-Данченко в МХАТ романа Л. Толстого «Воскресение» (см.: [Палиевский, 1990, с. 187]). Адаптированная к классическому реалистическому типу образности, как бы пропущенная через фильтр традиции «органическая» новация даже приветствовалась, в отличие от новации «декларативной», сохраняющей явный след индивидуально-субъективного культурно- и социопсихологического опыта (см.: [Гудков, 2009, с. 136, 179.]). При этом с констатацией Палиевским быстрой рутинизации «остраняющих» новаторских приемов спорить трудно. Дело, однако, в том, что им игнорируется другая сторона проблемы, а

миссия традиционалистов – защита классического наследия от новоявленных «интерпретаторов» и борьба с ними (см.: [Палиевский, 1990, с. 188]).

Но какими должны быть формы противостояния «интерпретативному буйству», поощряемому современной культурой? Ответ интеллектуалов консервативного плана на вопрос о методах спора с оппонентами требовал предварительного разрешения одного логического противоречия. Ведь они наделили интерпретацию сугубо негативными коннотациями, прочно увязав ее с деятельностью нигилистически настроенных по отношению к традиционной культуре сил, они скомпрометировали интерпретацию как процедуру истолкования текста. Но любое истолкование текста в той или иной мере является интерпретацией, и в этом смысле они тоже – интерпретаторы (см. указание на это обстоятельство в ходе дискуссии «Классика и мь»: [Кузнецов, 1990, с. 198; Борщаговский, 1990, с. 170]). Тогда, заявляют традиционалисты, неприемлемым интерпретативным схемам нужно противопоставить иные, адекватно трактующие классическое наследие. Такой посыл содержало выступление Ю. Селезнева: «Можно ли и нужно ли интерпретировать сегодня классику? Безусловно, и можно, и нужно, и даже необходимо. <...> для того, чтобы мы сегодня забыли об этих временах («авангардистского погрома классики». – *А.Р.*), нужны были другие интерпретации и нужен был не мир с этими интерпретациями, а война, и война не на жизнь, а на смерть» [Селезнев, 1990, с. 191]. «Верная» интерпретация рождается, если в процессе анализа произведения код интерпретатора предположительно совпадает с кодом автора интерпретируемого текста, соответственно и само понятие «интерпретация» освобождается от унаследованных им от авангардизма негативных родовых черт (волонтаризма, рационалистичности, культивируемого субъективизма). Однако, замечает А. Компаньон, подобный подход, по сути, снимает вопрос об интерпретации: если мы знаем или можем узнать, что хотел сказать автор, если смысл текста приблизительно равен авторской интенции, то незачем и истолковывать текст [Компаньон, 2001, с. 59]. Кстати, в такой ситуации возникает вопрос о достоверности реконструкции авторского кода, и решается он традиционалистами в «интуитивистском» ключе предвосхищения,

---

именно неизбежное возникновение в процессах постоянной ретрансляции классических произведений стереотипов их восприятия (ответной реакцией на что и становятся эпатажные авангардистские акции) (см.: [Гройс, 1993, с. 17–18]).

предпонимания главных – «авторских» – смыслов текста, гарантируемых «органическим» нахождением автора и интерпретатора в одной культурной традиции.

Если брать во внимание преимущественно теоретический аспект характерной для «долгих 1970-х» «борьбы за классику», то перед нами предстанет развернувшийся в позднесоветском интеллектуальном пространстве универсальный для ситуации второй половины XX века конфликт, описанный А. Компаньоном как столкновение «сторонников литературной *экспликации*, то есть выяснения авторской интенции (в тексте следует искать то, что хотел сказать автор), и приверженцев литературной *интерпретации*, то есть описания значений произведения (в тексте следует искать то, что он говорит сам, независимо от намерений автора)» [Компаньон, 2001, с. 56–57] (курсив автора. – *А.Р.*). Несомненно, однако, что для интеллектуалов-консерваторов брежневской поры этот конфликт имел принципиальный характер и выходил далеко за рамки теоретических литературно-философских споров. Предлагая новые варианты истолкования классических произведений и участвуя таким образом в «войне интерпретаций», они осуществляли необходимую им инвентаризацию системы авторитетов и реконфигурацию некоторых содержательных элементов традиции русской литературной классики: под сомнение был поставлен безусловный авторитет революционеро-демократов, скомпрометировавших себя политическим радикализмом, главными выразителями национальной идентичности стали исторические персонажи с государственно-патриотическими настроениями и консервативными взглядами (на их популяризацию работала серия «ЖЗЛ»), читатель был ознакомлен с консервативным видением основных идеологических коллизий XIX века, была абсолютизирована «антибуржуазная» и «антилиберальная» настроенность русской классики (см., например: [Лощиц, 1977; Лобанов, 1979; Селезнев, 1981; Кожинов, 1988]).

Литература vs театр, кино

Как уже говорилось, органицизм и холизм, свойственные консервативному мышлению, не желали мириться со сциентизмом, рационалистичностью, операционализмом, другими словами, со всем тем, что для «непочвенников» выражало «расчеловечивающую» логику модернизации и ассоциировалось с редуccionистскими научными стратегиями, наподобие структурализма, и художественными практиками (нео-)авангардистского толка. Интерпретация связывалась традиционалистами и с более поздней,

постструктуралистской, фазой структурализма, правда, пока не опознанной в этом своем новом качестве. Структуралистско-постструктуралистской минимализации либо отрицанию авторской интенции традиционалисты противопоставляли «гуманистическую» сосредоточенность на фигуре автора (в социологическом и герменевтическом смыслах) и убежденность в том, что именно авторская интенция – главное мерило истолкования текстов (см., например: [Куняев, 1976, с. 6]).

Устранение «приверженцами литературной интерпретации» авторской интенции при анализе художественного произведения традиционалистов беспокоило небезосновательно. «Свято место пусто не бывает», и авторская интенция закономерно замещается какой-либо иной – интенцией читателя, интерпретатора, который может, как опасались традиционалисты, подменить собою автора. Посредническая функция интерпретатора, заново истолковывающего классическое произведение, адресуя его современной публике, со всей полнотой и наибольшей уязвимостью реализуется в кино- и театральные постановках, иначе говоря, в ситуации «межсемиотического перевода» (Р. Якобсон), когда режиссер трансформирует литературный первоисточник, адаптируя его к языку другого искусства и другой системе взаимоотношений «автор» – «реципиент». Оттого традиционалистская критическая мысль постоянно возвращалась к проблеме критериев «идеальной» сценической интерпретации (либо экранизации) классического наследия (см.: [Любомудров, 1978, 1983; Ломинадзе, 1976; Кожин, 1991]).

Концепция «режиссерского театра» и авторы полемических сценических трактовок классики предстают в консервативно ориентированной критике обычно в ироническом, а то и саркастическом освещении: интерпретатор, уверенный, что его «новаторское» прочтение извлечет классику из «хрестоматийного небытия» [Ломинадзе, 1990, с. 174], является пародией на подлинного творца. Закрепленные традиционалистами за интерпретаторской деятельностью значения вполне исчерпываются выражением «дьявол – обезьяна Бога», что порождает очевидные религиозные импликации. С. Ломинадзе упрекает Ю. Любимова в том, что того мучит «комплекс демиурга», обращая внимание на бунт режиссера, неоправданно притязующего на статус творца, против творца подлинного – автора пьесы [Ломинадзе, 1990, с. 175], режиссер-«соавтор», гротескная фигура, возникающая в придуманном М. Лобановым финальном сне его героя – А.Н. Островского, наделяется автором inferнальными характеристиками, свойственными в данном случае пошловатому мелкому бесу. Последний в

написанной Лобановым биографии русского драматурга предстает в перекликающихся друг с другом карикатурных образах буржуазного дельца и модного режиссера, за которым легко угадывается В.Э. Мейерхольд с его театральными экспериментами (см.: [Лобанов, 1979, с. 306–311]).

В общем, к вопросу о сохраняющей дух и букву оригинала стратегии в интерпретации классики, к какой должны стремиться художники (и исследователи), взявшие на себя ответственность трактовать канонические для русской культуры тексты, сводится подавляющее большинство журнально-газетных дискуссий 1970-х о современных истолкованиях классического наследия (см.: [Классика : границы и безграничность, 1976; Литература и НТР, 1976; Литературоведение: мера точности, 1977; Книги о русских писателях в «ЖЗЛ», 1980; Внимание – на экране классика, 1984]). Главной претензией традиционалистски ориентированной критики в адрес режиссеров, практиковавших полемическую интерпретацию классического наследия (как правило, перечислялся стандартный набор имен – А. Эфрос, Ю. Любимов, М. Захаров), было «превышение полномочий», то есть столь радикальное изменение авторской концепции (и часто средств поэтики, которыми она воплощалась в признанных классических постановках), что в итоге становилось возможным говорить о появлении нового произведения: режиссер-«посредник», «ставя классику, перешагивает через пьесу. В любом классическом произведении он видит, как мифологический нарцисс, только себя» [Велехова, 1976, с. 8]. По сути, режиссер-«нарцисс» игнорирует созданный предыдущими истолкованиями контекст, в котором живут материализованные воображением читателя литературные герои (ясно, что в пресуппозиции этого суждения будет признание безусловной привилегированности читательского опыта по отношению к опыту визуального восприятия). В таком случае субъективность режиссера, чья сценическая интерпретация текста подчас идет вразрез с устоявшимся представлением о герое, конфликте, сюжетном повороте, усложняет интеллектуальное задание пьесы, а эта усложненность в свою очередь блокирует непосредственный эмоциональный отклик (последний атрибутирован вкусам широкого зрителя). В итоге «зрителю ... не дано сопереживать: он должен угадывать, ловить намеки; его не поднимают до катарсиса, не восполняют затрат душевных и нервных сил, как это делает классика», – утверждала критик [Велехова, 1976, с. 8]. Так, «борясь» за автора и критикуя осуществленные режиссерами-«нарциссами» театральные постановки, сторонники традиционалистских эстетических взглядов вступают – на стороне демократических вкусов – в

конфронтацию с интеллектуализмом «эстетских» трактовок, чья «рационалистичность» противоречит «органике» классического текста.

Действительно, неприятие у противников «посредничества»-«соавторства» вызывала режиссерская установка, при которой постановщик не просто рефлексирует на драматическую первооснову и воспроизводит ее так, как «задумал автор», но активно работает с кодами последующих сценических прочтений, воспринимая какие-то из них как неверные или стереотипизировавшиеся, опровергая их, пародируя и т.д. Возникающая структура театрального действия в самом деле могла показаться прихотливо-субъективной, игровой. И тогда сторонники погружения в классику «как она есть» высказывают протест: «... мы хотим классику без посредников» [Ломинадзе, 1990, с. 174]. Ответная реакция со стороны «производителей интерпретаций» обычно сводится к упрекам в непонимании художественного языка иного (не-литературного) вида искусства (см.: [Эфрос, 1990, с. 196]).

Сходная проблема – перевод литературных образов на язык визуальности – вставала в дискуссиях по поводу экранизаций русской классики¹. Кино, изначально возникшее как искусство массовое, вообще ощутило меняло отношения внутри сложившейся иерархии искусств. Как следствие, классика, освоенная и «присвоенная» кинематографом, сводилась с высших этажей культуры, «омассовлялась» доселе невиданным способом (см.: [Дубин, 2010, с. 96–107]). Это обстоятельство, связанное со сдвигами внутри сложившейся в национальной культуре иерархии видов искусств, где ранее безусловно первенствовала литература, вызывало глубокую обеспокоенность у критиков и литературоведов традиционалистского толка.

Правда, спектр мнений относительно экранизации классики в традиционалистски ориентированной среде был довольно широк: от утверждения С. Ломинадзе принципиальной невозможности найти визуальный эквивалент литературным образам [Ломинадзе, 1990, с. 175] до призыва В. Шукшина создавать «кинолитературу», гарантирующую «неприкосновенность» классическому литературному первоисточнику и одновременно открывающую возможности развития для кинематографа (см.: [Шукшин, 1981, с. 143–144]). В. Кожин полагал, что качественные

¹ Примерно с середины 1960-х годов начинается волна экранизаций классической литературы: в СССР с 1968 по 1985 годы было создано около 300 экранизаций (см.: Хомякова, 2009, с. 74). Это обстоятельство доказывает, что, с одной стороны, оптика классики, ее сюжетика, предложенные ею поведенческие модели по-прежнему имели для современности образцовый характер, а с другой стороны, что «книжка» как модус существования классического наследия утратила прежнюю бесспорность.

экранизации классики должны стать визуальным аналогом «больших нарративов», сложившихся некогда в литературе. Возможность и необходимость подобного превращения обусловлены, с одной стороны, интегративными социальными смыслами классических произведений, ретранслируемыми кинематографом, а с другой, зрелищностью кинообраза, в идеале, по Кожинovu, всегда обращенного к «органической исторически сложившейся целостности» – «народу» (см.: [Кожинov, 1991, с. 405]).

В целом же традиционалистская критика экранизаций классики была весьма целенаправленна и по-своему точна в плане определения объекта – новейших тенденций, которые сопровождали переход от искусства артефакта к искусству процесса, интеракции, и при этом концептуализировались традиционалистами в негативных определениях «кризиса» и «угасания культуры». Дискредитации литературной классики, по мысли критиков-традиционалистов, способствовало и развитие современных технологий, предоставляющих возможность создавать визуальный аналог воплощенному в слове бытию. Это подрывало «сам принцип произведения» – единство формы и содержания, целостности и уникальности творения, обусловленных неповторимостью «творческой индивидуальности» автора. «Классическое произведение, веками представлявшееся *вещью* писательского труда, все очевиднее наделяется презумпцией *незавершенности*», – описывал ситуацию С. Ломинадзе [Ломинадзе, 1976, с. 62] (курсив автора. – *А.Р.*). Эта новая незавершенность, существенно повышающая риск деструктуризации и деиерархизации текста в процессах «межсемиотического перевода», влечет за собой превращение литературного произведения в «безрелигиозную мифологему», «набор тем и мотивов многократного использования: вчера в романе Лермонтова, сегодня в телефильме Эфроса и т.д.» [Ломинадзе, 1976, с. 62–63].

«Произведение» в размышлениях Ломинадзе символизирует столь ценимые консервативным мышлением «целостность», «органику», а его культивирование знаменует еще одну попытку традиционалистов если не остановить, то хотя бы замедлить процессы культурных трансформаций при вхождении в постмодернистскую ситуацию. Критик квалифицирует разнообразные и разномасштабные процессы, так или иначе соотносимые с «новыми прочтениями» классики (развитие масс-медиа, экспансия «массовой культуры», изменение состава и культурного уровня зрительно-читательской аудитории и т.п.), как «размыкание звена культурной традиции» [Ломинадзе, 1976, с. 63]. «Замкнуть» это звено посредством контролирования права на интерпретацию, стабилизировать

на уровне дискурса процессы дифференциации внутри культурной системы, в ходе которых отношения между ее уровнями приобретали все большую подвижность, и было целью усилий, предпринимаемых традиционалистами в ходе «войны интерпретаций».

Что же касается настойчивой дискредитации консерваторами понятия «интерпретация» и опытов «анти-традиционалистских» трактовок классики в литературоведении, театре и кино, то она осуществлялась в русле необходимой для самоопределения национально-консервативного лагеря критики «значимого Другого» – авангарда, превращенного в квинтэссенцию негативных социокультурных процессов модернизации. Так что дискуссии «долгих 1970-х» о новых прочтениях классики невозможно замкнуть в собственно эстетических границах: споры об Интерпретации, Авторе, Произведении и т. п. были формой идеологической полемики о ценностных парадигмах, определяющих жизнь социума, о стратегии его развития. В этом смысле редукция консерваторами модернизационных процессов, инновации к авангардистским практикам отрицания культурной преемственности сопровождалась утверждением ими альтернативной установки. В ее основе было положено неприятие базирующихся на рациональном целеполагании проектов обновления социума, убеждение в спасительности консервации-репродуцирования культурных образцов и связанной с этим архаизации социальных и культурных институтов.

Литература

- Белая Г.А. Категория художественной традиции в освещении современной критики // Современная литературная критика. Семидесятые годы. М., 1985.
- Борщоговский А. Классика и мы // Москва. 1990. № 2.
- Велехова Н. Золотой бамбер. Стоит ли «перекраивать» Чехова? // Литературная газета. 1976. 21 июля.
- Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45.
- Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
- Внимание – на экране классика // Литературная газета. 1984. № 44, 46, 47, 48, 50, 51, 52.
- Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993.
- Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб., 2009.
- Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010.
- Классика: границы и безграничность // Литературная газета. 1976. № 12, 16, 22, 23, 28, 30, 32, 34, 36, 37.
- Книги о русских писателях в «ЖЗЛ» // Вопросы литературы. 1980. № 9.
- Кожин В. Возможна ли структурная поэтика? // Вопросы литературы. 1965. № 6.
- Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М., 1991.
- Кожин В.В. Тютчев. М., 1988.

- Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001.
- Кузнецов Ф. Классика и мы // Москва. 1990. № 1.
- Куняев Ст., Красухин Г. С классикой на дружеской ноге // Литературная газета. 1976. 29 сентября.
- Литература и НТР // Вопросы литературы. 1976. № 11.
- Литературоведение: мера точности // Литературная газета. 1977. № 1, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 19.
- Лобанов М.П. Островский. М., 1979.
- Ломинадзе С. Литературная классика в эпоху НТР // Вопросы литературы. 1976. № 11.
- Ломинадзе С. Классика и мы // Москва. 1990. № 2.
- Лошци Ю. Гончаров. М., 1977.
- Любомудров М. На пути к классике (о критериях оценки спектакля по классической пьесе) // Методологические проблемы современного искусствознания. Л., 1978. Вып. 2.
- Любомудров М. Судьба традиций (Русский театр: классика и современность). М., 1983.
- Палиевский П. О структурализме в литературоведении // Знамя. 1963. № 12.
- Палиевский П. Мера научности // Знамя. 1966. № 4.
- Палиевский П. Классика и мы // Москва. 1990. № 1.
- Сахаров Вс. Логика культуры и судьба таланта // Вопросы литературы. 1980. № 9.
- Селезнев Ю. Достоевский. М., 1981.
- Селезнев Ю. Классика и мы // Москва. 1990. № 3.
- Хомякова Ю. Книжное кино. Экранизация литературных произведений (1968–1985) // После Оттепели: Кинематограф 1970-х. М., 2009.
- Шукшин В.М. Вопросы к самому себе. М., 1981.
- Эфрос А. Классика и мы // Москва. 1990. № 1.

ВОСПРИЯТИЕ «СЕНСАЦИОННЫХ» РОМАНОВ У. КОЛЛИНЗА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

И.А. Матвеевко

Ключевые слова: восприятие (рецепция), «сенсационный» роман, социально-криминальный роман, жанровая модификация.

Keywords: reception (perception), «sensational» novel, social-criminal novel, genre modification.

У. Коллинз – английский романист, прославившийся написанием так называемых «сенсационных» романов. Данная модификация жанра интересна для нас как переходная форма к жанру детективного романа, так как сам по себе «сенсационный» роман еще не является детективом в чистом виде. Однако очевиден уход от привычного социального ракурса рассмотрения явлений, свойственного криминальной

литературе. К «сенсационным» романам У. Коллинза относят такие популярные произведения писателя, как «Женщина в белом» (1860) и «Лунный камень» (1866), которые, на наш взгляд, отмечены, с одной стороны, опорой писателя на классическую традицию жанра социально-криминального романа, с другой – оформлением принципов популярного произведения.

Погони, убийства, отравления, пожары, подлоги – все эти повествовательные элементы стали отличительной чертой «сенсационного» романа, получившего распространение в Англии второй половины XIX века. Тем не менее, «сенсационный» роман явился очередным звеном в эволюции криминального жанра, ставшего в свою очередь основой для развития детективного жанра. Ньюгейтский и социально-криминальный романы, таким образом, предшествуют развитию «сенсационного» романа. Как отмечают исследователи, это еще не классический детектив, который сформировался под пером А. Конан-Дойла: «Рассматривая эту проблему, нельзя не убедиться, что коллинзовский детектив функционально, а значит и структурно отличен от классического, образцами которого считаются произведения Конан Дойла: исполнители, цели, результаты расследования чаще всего оказываются в них мнимыми. Детективное же начало романов Коллинза является новаторским разрешением проблемы “тайны”, как центра сюжетосложения, второго, развлекательного, или, по английской терминологии, “сенсационного” пласта художественной прозы, что имеет отношение не только к романам, но также к пьесам, повестям и рассказам писателя» [Антонова, 2003, с. 5].

Можно сказать, что предмет исследования в «сенсационных» романах Коллинза схож с ньюгейтским (преступник, преступление, расследование), и хотя меняется ракурс его рассмотрения, остается нацеленность на обширную читательскую аудиторию.

После публикации на родине роман «Женщина в белом» был довольно быстро переведен в России: в том же 1860-м году он печатался серийно в «Собрании иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык» без указания имени переводчика. Это был период становления жанра криминального романа на русской почве: формирование своеобразной жанровой модели проходило сложно и противоречиво. Реформы в российской судебной и сыскной системах в 1860-е годы сказались на восприятии этой жанровой модификации в русской литературе.

Нельзя сказать, что русская критика активно обсуждала сочинения английского писателя на страницах периодической печати. Критическому

осмыслению «сенсационных» произведений Коллинза в России положил начало А.В. Дружинин своей статьей в «Отечественных записках» [Дружинин, 1863]. Не называя конкретных произведений английского автора, русский критик довольно четко определяет художественные черты романа «сенсационной» школы: «Главное, чего требует английская публика от писателя, это – интересный сюжет. Новейшие романисты наперерыв стараются удовлетворить этому желанию, и создали так называемый *sensation novel*, то есть роман, в котором эффекту сцен и завлекательности сюжета приносится в жертву все остальное» [Дружинин, 1863, с. 99].

Симптоматично, что Дружинин, как представитель направления «чистого искусства», не приемлет в творчестве Коллинза именно черты массовой литературы, называя их при этом очень точно: «В этих романах не ищите художества или жизненной правды, не ищите хорошо выдержанных характеров или блистательных описаний. Нет, тут только завлекательная и неправдоподобная сказка, от которой читатель не может оторваться, не дочитав до конца» [Дружинин, 1863, с. 99]. Примечательна и сама реакция литературной критики, устремленной к созданию идеальных норм в литературе, на «упрощенный образ культуры» [Лотман, 1993, с. 382], который создается как отражение этих норм в массовом читательском сознании и в сознании пишущих для него авторов.

Критик перечисляет признаки «массовой литературы», включив в нее «сенсационный» роман: «Во-первых, необходима какая-то тайна, без которой подобный роман потерял бы всю свою завлекательность; потом тут всевозможные преступления, двумужничества, убийства, воровства, пожары, дуэли, суды и так далее. Чем запутаннее и страшнее, тем лучше» [Дружинин, 1863, с. 100]. Рецензент «Отечественных записок» ставит вопрос о горизонтах читательского ожидания и о законах жанра литературы «массового» содержания.

Однако Дружинин допускает присутствие таких произведений на современном читательском рынке: «Конечно, было бы совершенно излишне доказывать, что подобные произведения не выдерживают строгой художественной критики, но став на точку зрения авторов и читателей, которые – и те, и другие – только хлопочут о том, чтобы роман приятно читался и сумел бы завладеть вниманием читателей, мы должны согласиться, что некоторые из этих романов достигли замечательного совершенства в этой области литературы» [Дружинин, 1863, с. 100]. Ю.М. Лотман так описывает механизм подобного явления: «В зависимости от исторических условий, от момента, который переживает данная литература в своем развитии, та или иная тенденция может брать

верх. Однако уничтожить противоположную она не в силах: тогда остановилось бы литературное развитие, поскольку механизм его, в частности, состоит в напряжении между этими тенденциями» [Лотман, 1993, с. 383].

Характерно и то, что русская критика 1860-х годов, за исключением Дружинина, проигнорировала романы У. Коллинза, оставив их без какой-либо оценки. Русские литераторы, как отмечалось выше, считали сам жанр детектива (как в зарубежной, так и отечественной литературе) не достойным внимания. Отклики на творчество У. Коллинза появились лишь в 1870-х годы, и в них рецензенты делали акцент на особенности его произведений с точки зрения канонов массовой литературы. Так, в 1871 году в «Вестнике Европы», русском литературно-политическом ежемесячнике умеренно либеральной ориентации, появилась статья Н.А. Таля «Шотландский брак и английская молодежь» [Таль, 1871], которая начинается как раз с рассуждения по поводу целевой аудитории жанра «сенсационного» романа: «Романы читаются преимущественно в известном кругу и пишутся для известного круга. Высшие и средние классы являются исключительными их потребителями». И здесь же: «Романист очень хорошо и знает, что должен писать исключительно для высших и средних сословий и, разумеется, прилагает к этому все свои старания, чтобы приятно наполнить досуг своих читателей» [Таль, 1871, с. 257]. Известно, что определенная усредненность и ориентация на конкретный читательский спрос являются неотъемлемыми свойствами популярной литературы. В этом смысл концепции В.М. Марковича о беллетристике: «Беллетристика вводит содержание литературы в границы “усредненного” сознания тех или иных общественных слоев либо удерживает художественную мысль в этих границах» [Маркович, 1991, с. 65].

Критик «Вестника Европы» отмечает изменение читательского интереса на современном ему литературном рынке: «Автору, в настоящее время, уже трудно заинтересовать читателя описанием чувств, мыслей, разговоров и действий подобных героев и обстановкой их, взятой из будничной жизни. Эта слишком знакомая обстановка не удовлетворяет читателя и в особенности читательницу. Ей интересно прочесть о чем-нибудь таком, чего замкнутая жизнь ее не показала ей. <...> Она ищет чего-либо, выходящего из ряда обыденных событий и открывающего перед ней другие сферы, недоступные ей условиями света» [Таль, 1871, с. 257]. «Времяубийство», по определению Н.А. Таля, становятся главной целью чтения «сенсационных» романов: «Не обладающий высокой эстетической культурой представитель такой аудитории воспринимает

сюжет на уровне обыденного сознания, сводя произведение искусства к своему житейскому опыту, поэтому ему особенно оказываются близки такие произведения, где фабула стремится слиться с сюжетом, по крайней мере, зазор между ними минимален, и где новое всегда легко идентифицируется, опознается как свое» [Акимова, 1996, с. 14].

При этом Таль признает попытку Коллинза рассмотреть на основе «сенсационных» романов злободневные, социальные проблемы: «В каждом его романе оказывается непременно какая-нибудь серьезная мысль, какой-нибудь житейский крупный вопрос, и читатель, заинтересованный сначала талантом рассказчика, даже, быть может, злоупотреблением этого таланта, кончит, непременно, тем, что мало по малу и незаметно для себя перенесет свой интерес с фабулы романа на вопросы окружающей его жизни, и тогда перед читателем явятся, в популярной форме, те многочисленные процессы житейской борьбы, которые проходит каждый из нас с большею или меньшею полнотою и законченностью» [Таль, 1871, с. 257]. Постановка социальных проблем на развлекательном, доступном для читателя материале – это то, что Коллинз заимствовал из ньюгейтского романа. Это художественное свойство «сенсационных» романов импонировало и русскому читателю.

С рецензией Талья во многом перекликается и анонимная статья в журнале «Нива» за 1873 год [Нива, 1873]. С первых строк этой заметки устанавливается статус Коллинза как «основателя беллетристической школы так называемых сенсационистов» [Нива, 1873, с. 445] и отмечается «громдный талант этого романиста, в такой степени владеющего умением обнажать язвы современного общества и разьяснять психические загадки человеческой природы» [Нива, 1873, с. 445]. Действительно, в романах «Женщина в белом» и «Лунный камень» Коллинз пытается не только поставить насущные общественные проблемы, но и проникнуть в психологию своих героев, объяснить мотивацию их поступков на более сложном, ментальном уровне. Рецензент «Нивы» также выделяет те художественные особенности его «сенсационных» романов, которые позволяют отнести их к произведениям массовой литературы: «Никто, по крайней мере, до сих пор не оспаривал ловкости его в группировке бесчисленных извивов главного хода действия, в хитросплетениях нитей тайной интриги и недостижимого мастерства, с которым он постепенно доводит читателя до высшей степени тревожного интереса к событиям в его романах» [Нива, 1873, с. 445]. Автор заметки перечисляет как раз те элементы художественного повествования романов Коллинза, которые позже прочно войдут в структуру детектива – тайна, напряженность и запутанность действий, неожиданность развязки.

Таким образом, в 1870-е годы «сенсационные» романы Коллинза привлекали внимание русской критики и уже не вызывали у нее отторжения, которое наблюдалось в предыдущие годы, хотя эта рецепция происходила с учетом критериев массовой литературной традиции.

Новый виток интереса к творчеству Коллинза вообще и к его «сенсационным» романам в частности наблюдается в конце 80-х – начале 90-х годов, и связан он прежде всего со смертью английского писателя в 1889 году. В промежуток же между серединой 1870 и концом 1880-х годов в периодической печати появилась только одна критическая статья Н. Плисского в 1884 году. Это рецензия на новый роман «Сердце и наука» – незначительное произведение английского писателя, поднимающее вопрос о пределах научного познания, основанного исключительно на разуме и логике человека, лишенного нравственных принципов и религиозной морали [Плиссский, 1884]. В рецензии подробно рассматривается только что переведенный роман, однако этот анализ предварен краткой ремаркой о «сенсационных» романах Коллинза и их принадлежности к массовой литературе: «Между современными английскими романистами очень мало таких, которые обладали бы столь большой способностью увлекать и восхищать публику своими произведениями, как Уильки Коллинз: во дворцах и в хоромах, в салонах и в мансардах, повсюду, словом, он находит читателей и друзей» [Плиссский, 1884, с. 267]. Н. Плиссский подчеркивает ориентацию писателя на широкую читательскую аудиторию и, прежде всего, средний и высший субстраты общества.

В конце 1880-х появились некрологи на смерть английского писателя в таких журналах, как «Нива», «Север» и «Всемирная иллюстрация». Во всех трех статьях отмечалась его принадлежность к «сенсационной» школе: «С тех пор он стал любимцем публики, основав беллетристическую школу так называемых сенсационистов» [Быков, 1889а, с. 1027]; «Вскоре он сделался отцом английского сенсационного романа с преступлениями, судебными заседаниями, обязательно рассчитанного на слезы читателей» [Север, 1889, с. 780]; «Один из достойнейших продолжателей Диккенса, его учителя, с которым у него, по таланту, много общего, Вильки Коллинс считается основателем беллетристической школы так называемых сенсационистов и в области уголовного романа едва ли имеет соперников среди английских писателей этого направления» [Быков, 1889б, с. 220].

Оба рецензента (две статьи из трех написаны П.В. Быковым) подчеркивают талант романиста в области создания популярного, захватывающего читателя произведения, оставаясь при этом в рамках

заданного жанра: «Прекрасно поняв, что сила его таланта заключается в способности поддержать чисто внешний интерес, в изображении не героев повседневной жизни, а людей, выведенных из всегдашней житейской колеи сцеплением потрясающих событий, Коллинз, однако, не впал в кровавую мелодраму» [Быков, 1889а, с. 1027]. Во второй заметке Быков уточняет другие грани таланта Коллинза: «... Коллинз, при всем своем огромном таланте, был бы заурядным беллетристом, если бы его произведения имели один чисто внешний интерес, основанный на хитросплетениях тайной интриги; его психологический анализ чрезвычайно верен и напоминает приемы Диккенса» [Быков, 1889б, с. 220].

Примечательно, что критик не раз акцентирует внимание на преемственности творчества Коллинза и Диккенса, отмечая реалистические тенденции и глубокий психологизм, воспринятый автором «сенсационных» романов от своего учителя. На материале своих произведений Коллинз стремился рассмотреть социальные проблемы: «Задачи его серьезны и заслуживают полного сочувствия, Коллинз всегда ненавидел лицемерие, тщеславные предрассудки и страшно корыстолюбие, свойственные современной Англии, и безжалостно обнажал язвы общества, преследовал темные силы, тормозившие общественное развитие, убивавшее все чистое и прекрасное <...> он, подобно Диккенсу, чрезвычайно искусно умеет скрыть под увлекательным рассказом, под внешним интересом содержания, свои благородные стремления, свои социальные тенденции, свое прогрессивное направление» [Быков, 1889б, с. 220].

Примечательно, что в конце 1880-х годов критики стали обращать внимание на обличительные, социальные мотивы в «сенсационных» произведениях Коллинза, что было созвучно тенденциям русской литературы конца XIX века.

Заключительным этапом в рецепции творчества Коллинза в России XIX века явилась статья в журнале «Семья» за 1899 год, посвященная десятилетию со дня кончины английского романиста. Хотя заметка была подписана именем С.А. Торопова, большая часть ее содержания повторяла слова, написанные ранее в своих статьях П.В. Быковым. Например, повторялась мысль о преемственности художественной манеры Диккенса: «Один из достойнейших подражателей первого из них <Ч. Диккенса – ИМ.>, Коллинз считался основателем беллетристической школы так называемых сенсационистов, и в области уголовного романа едва ли имел соперников среди английских писателей этого направления» [Торопов, 1899, с. 9]. Критик не видит различия между «сенсационным» и

уголовным романом, такой подход к данному жанру можно порой наблюдать и по сей день.

Вторя Быкову, Торопов отдает должное и психологизму писателя, не позволяющему расценивать творчество писателя как тривиальное: «Однако, при всем своем огромном таланте, Коллинз сошел бы за самого заурядного беллетриста, если бы его произведения имели один чисто внешний интерес, но в том и заключается сила романиста, что он умеет еще подмечать душевные движения человека; его психологический анализ чрезвычайно верен; он напоминает приемы Диккенса» [Торопов, 1899, с. 9].

Итак, восприятие «сенсационных» романов У. Коллинза вполне в русле общей тенденции, сложившейся в России второй половины XIX века: с одной стороны высокая критика либо их игнорировала, либо относилась к ним весьма снисходительно; с другой стороны, признавала несомненные художественные достоинства этих произведений. В том и другом случае их однозначно причисляли к сочинениям массовой литературы, на их основе вырабатывались критерии оценки и каноны подобных отечественных произведений. Очевидно также, что «высокая» критика в лице А.В. Дружинина не принимала сочинения английского романиста именно в силу их беллетристической основы, не замечая в них социальных и злободневных идей, в то время как журналисты массовых изданий относились к ним более благосклонно, отдавая должное тонкому психологизму и актуальности проблематики его произведений.

Литература

- Акимова Н.Н. Булгарин и Гоголь : массовое и элитарное : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.
- Антонова З.В. Третий период творчества Уилки Коллинза : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2003.
- Быков П.В. Уилки Коллинз // Нива. 1889а. № 41.
- Быков П.В. Уильям Вильки Коллинз // Всемирная иллюстрация. 1889б Т. 42. № 14.
- Вильки Коллинз // Нива. 1873. № 35.
- Дружинин А.В. Иностранная литература // Отечественные записки. 1863. Т. 147.
- Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи : В 3-х тт. Таллинн, 1993. Т. 3.
- Маркович В.М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность. М., 1991.
- Некролог // Север. 1889. № 39.
- Плиссский Н. Уилки Коллинз // Колосья. 1884. № 7–8.
- Таль Н.А. Шотландский брак и английская молодежь // Вестник Европы. 1871. Т. 1.
- Торопов С.А. Вильям Уилки Коллинз // Семья. 1899. № 37.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК СРАВНИВАЮЩИЙ : СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СРАВНЕНИЙ

М.Н. Крылова

Ключевые слова: языковая личность, сравнительные конструкции, прецедентный феномен.

Keywords: language personality, comparative constructions, precedential phenomenon.

Антропоцентризм стал одним из ведущих направлений современной лингвистики, что отразило общую тенденцию интеграции различных областей знания, ведущую к гуманизации научных дисциплин. Отечественная и зарубежная лингвистика в последние десятилетия сменила парадигму развития, поставив в центр внимания человека, изменяющего язык и изменяющегося под воздействием языка. По мнению Е.С. Кубряковой, антропоцентризм знаменует «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [Кубрякова, 1995, с. 212].

Антропоцентрическая парадигма – это переключение интересов исследователя с объектов познания (языковых единиц) на субъекта; это анализ человека в языке и языка в человеке. При антропоцентрическом подходе на первое место ставится человек, а язык рассматривается как главная, определяющая характеристика человека, его важнейшая составляющая. Антропоцентрический подход позволяет рассматривать язык как особую семантическую систему, основные явления которой соотносятся с внутренним миром языковой личности, а используемые говорящим языковые средства выступают как полностью определяемые его личностью, духовностью, менталитетом, культурными потенциями. Антропоцентрический подход связан с явлением субъективности в языке, которое Ю.С. Степанов понимает как «способность говорящего

присваивать себе язык в процессе его применения, отражающуюся в самом языке в виде особой черты его устройства» [Степанов, 1975, с. 50].

Сравнительные конструкции – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете языковой личности, в них отражается история народа, особенности его существования на каждом этапе и тенденции развития. За каждой языковой единицей стоит культурный фон, благодаря чему мы имеем возможность соотносить поверхностные структуры языка (семантику и форму сравнительных конструкций) с глубинной сущностью народной культуры.

Как источники сравнительных конструкций нами были рассмотрены современные литературные произведения различных жанров и художественной ценности; устные и письменные средства массовой информации (СМИ); реклама различного типа; тексты популярных песен разных стилей; язык художественных фильмов и телесериалов; стихи местных поэтов города Зернограда Ростовской области; стихи детей и подростков и т. п. Методом сплошной выборки было отобрано более 6100 сравнительных конструкций.

В данной статье мы отметим особенности современной языковой личности, культурные и ментальные черты, которые становятся явными в контексте сравнений, используемых говорящим. Определенную сложность представляет дифференциация языковой личности по социальным, профессиональным, гендерным, возрастным и др. признакам. Представить в рамках одной статьи целостную модель современного сравнивающего человека во всех его видах и разновидностях невозможно. Мы анализируем лишь небольшой фрагмент этой модели, ограниченный рамками определенной сферы коммуникации и ее участниками. Данную разновидность мы обозначим как «языковую личность создателя текста для масс-культуры», имея в виду усредненный образ некоего автора, который говорит на русском языке как родном и действует как создатель разнообразных текстов в сфере масс-культуры – развлечений, музыки, СМИ, литературы, преобладающей среди широких слоев населения в современном российском обществе. По отношению к данному явлению мы будем использовать в тексте статьи термины «языковая личность», «носитель языка», «говорящий» и под.

Первое, что нужно отметить, – современная языковая личность любит сравнивать, активно использует сравнительные конструкции, предпочитая их в большинстве случаев другим средствам выразительности. Особенно часто встречаются сравнения в языке СМИ и в поэзии. В языке прозаических произведений художественной литературы и в устной речи частота обращения к сравнительным

конструкциям зависит от особенностей стиля автора текста / высказывания.

При этом современная языковая личность чаще использует сравнения, однотипные по структуре, в основном союзные (66,4% анализируемых примеров). Автор текста СМИ вообще тяготеет к конструкции более динамичной, поэтому многие виды сравнения (лексические средства, генитивные конструкции, сравнения в форме прилагательных, приложений, бессоюзные сложные предложения с параллелизмом и т.п.) вообще не используются; другие (полные придаточные предложения, сравнения с помощью глаголов, сочетания *похож на* и т.п.) встречаются редко. Для говорящего выбор оригинального образа гораздо важнее, чем работа над структурой сравнения; чаще всего, озабоченный подбором объекта сравнения, он не желает прилагать усилия для создания оригинального структурного типа. Действительно, семантическая составляющая сравнения более репрезентативна, с ее помощью можно напрямую воздействовать на реципиента. Создается впечатление, что у современной языковой личности просто нет необходимости создавать своеобразные авторские формы сравнения и она предпочитает воспользоваться такой динамичной, понятной, доступной союзной структурой, как сравнительный оборот или неполное придаточное. Смысл при этом превалирует над формой.

Кроме того, сравнения демонстрируют, что современная языковая личность стремится к краткости и сжатости при выражении мысли. Предложения, включающие сравнительные конструкции, чаще всего лаконичны. Например: *Видеосигнал не лошадь, он по проводам быстро не бегаёт* (телесериал «Папины дочки»); *Я как радиоточка* (много говорит. – М.К.) (телепередача «Давай поженимся!»). Именно стремлением к краткости может быть объяснено превалирование таких грамматических типов сравнения, как сравнительные обороты, неполные придаточные предложения, сравнения в форме сказуемых и небольшое количество полных придаточных предложений. Внимание языковой личности к полным придаточным как основной форме выражения сравнения – ядру ФСК – снижается. Особенно редко обращается к нему говорящий в языке СМИ. Возможно, неторопливость, плавность, основательность полных придаточных делает их слишком медлительными для стремительного современного языка.

При этом сравнительные конструкции обычно выбираются языковой личностью в ситуации, требующей выражения эмоций. С помощью экспрессивной сравнительной конструкции говорящий стремится

произвести впечатление на реципиента. Для этого могут использоваться различные средства:

– выстраивание цепочки образов, градация, например: *Он (Ленин. – М.К.) был как гром среди ясного неба, он был как молния в ночи* (док. фильм «Кремлевские жены»);

– выделение сравнения в особое высказывание, отдельную смысловую структуру, в письменном тексте представленную в виде абзаца, в устной речи – в виде реплики, интонационно отграниченной паузами. Например: *Жизнь как компьютерная игрушка: сюжет, конечно, дрянной, но графика обалденная* (телесериал «Возвращение Мухтара»);

– придание высказыванию образности, эмоциональности, романтичности посредством языковой игры, основанной на фонетической переключке: *Маленькая, худенькая Коста-Рика хрупкой косточкой соединяет...* (телепередача «Непутевые заметки») – переключка *Коста-Рика – косточка*;

– конкретизация отвлеченного понятия с помощью бытового образа: *Голова с негативными мыслями похожа на неубранную квартиру* (газета «Копилка»);

– истолкование сравнения, подробное изложение основания данного образа, например: *Любовь как вирус. Она должна изменяться, и только тогда она останется вечной, тогда против нее не будет противоядия* (А. Пушной, интервью);

– специфические образы, связанные, с физиологией, отношениями полов: *Поучая циклопов и Колбаса, я мчался по реакторной со скоростью лося, зачужившего в ближайшем ельнике запах текущей самки* (А. Зорич. На корабле утро).

С эмоциональностью, желанием произвести впечатление связано и то, что значительная часть сравнительных конструкций современного русского языка конструируется с явной и подчас единственной целью – придать высказыванию, образу юмористический оттенок. При этом языковая личность стремится к тому, чтобы шутка была оригинальной, удивляла, поражала читателя или слушателя. Например: *В вашем возрасте без соответствующего лечения это как в ванне с крокодилом: интересно, но по времени мало* (телесериал «Интерны»). Юмористическое сравнение часто создается для характеристики описываемого персонажа, например: *Гибкий, как политика Украины, и прыгучий, как курс доллара. Это Николай Цискаридзе!* (телепередача «Большая разница»).

Создаваемые языковой личностью сравнительные конструкции позволяют говорить об изменениях в системе ценностей современного человека. Много значат для современного носителя языка так называемые

западные ценности – связанные с европейской, а чаще американской культурой и по-прежнему манящие русского человека. Например: *Сергей Игнатьевич, что вы стоите, как будто вам «Оскара» вручили?* (телепередача «Концерт по заявкам»). Как особенно важные отражаются в менталитете материальные ценности, закрепляется понятие денег, обеспеченности как критерия значимости человека. Например: *«Дружба» Негмедьянова и Халигулина закончилась так же быстро, как деньги у Мишиной бабушки* (газета «Комсомольская правда»). Н.А. Колкова пишет о меняющемся отношении русских к деньгам и богатству: «Стремление к материальному благополучию и жизненный прагматизм изначально не присущи русским. Но под воздействием влияния западной психологии в русском национальном сознании происходят изменения» [Колкова, 2008, с. 90].

Изменение политической системы является причиной появления таких сравнений, в которых принижается ценность объектов, связанных с советской властью и даже Великой Отечественной войной. Число сравнений, связанных с объектами периода СССР, составляет около 1,3% анализируемого языкового материала. Многие образы, связанные с советской эпохой, в современном языке выступают как символы. Мавзолей – символ нерушимости, величия, постоянности чего-либо, например: *Ему как мавзолей земля – / На миллион веков, / И Млечные Пути пылят / Вокруг него с боков* (А. Яковлев. Омут памяти); время Великой Отечественной войны – символ неустроенности, разрухи, например: *А дороги в городе-герое Тула словно после немецкой бомбежки* (телепередача «Главная дорога»). Однако чаще всего (более чем в половине случаев) при использовании объектов сравнений, отсылающих к советскому времени, ярко проявляется такая особенность, как их деидеологизация: объекты, некогда наполненные политическим смыслом, сейчас воспринимаются как нейтральные, аполитичные. Поэтому в образах как основные часто выделяются не идейные, а внешние качества, например: *Такой молодой, а все волосы уже порастерял. На дедушку Ленина похож* (телепередача «Малахов+»). Часто при использовании образов данной группы обнаруживается насмешка над прошлым, ирония. Например: *Она вошла к нему и... разинула рот, как Родина-Мать на Мамаевом кургане* (Л. Соболева. Будет ночь – она вернется...); *Я уже тут как Зоя Космодемьянская: замерз совсем* (телесериал «Агент национальной безопасности»).

Еще одна особенность современной языковой личности, проявляющаяся при создании сравнительных конструкций, – свобода оперирования прецедентными феноменами. Современный носитель языка

апеллирует в первую очередь к художественным фильмам, чаще к классическим отечественным и зарубежным картинам, например: *Высыпаться за полчаса, как Штирлиц, я не научусь никогда* (телесериал «Саша и Маша»). Телевидение, реклама также часто становятся источником аллюзий для сравнений: *С половины восьмого утра и до половины второго дня все сходилось, как в рекламе банка «Империал», с точностью до минуты* (А. Маринина. Посмертный образ). Не остаются без внимания и мультфильмы: *Глаза у него были круглые, словно у мышонка Джерри, неожиданно узревшего в непосредственной близости своего вечного преследователя Тома* (С. Лукьяненко, В. Васильев. Дневной Дозор). А вот литературные тексты, упоминания о которых представляют собой значимые для языковой личности культурные ассоциации, выступают в качестве прецедентных текстов в сравнении гораздо реже: *Как чеховские три сестры, он очень рвется в Москву, в Москву...* (телепередача «Русские сенсации»). Частое обращение к прецедентным феноменам позволяет судить о включенности современной языковой личности в общую культурную ситуацию, при этом преимущественное обращение к текстам, именам и ситуациям из области кино и телевидения, меньшее количество апелляций к художественной литературе может быть связано со снижением интереса к чтению. Предполагая, что основная масса реципиентов не читает художественную литературу, автор текстов масс-медиа предпочитает апеллировать к более популярным интертекстам – художественным фильмам, телевидению, рекламе.

Демонстрируя устойчивость культурного фона, вписанность в него, языковая личность также достаточно часто использует устойчивые сравнения, в анализируемом нами языковом материале их количество составляет 22,5%. Интересно, что в современном языке постоянно появляются и закрепляются новые устойчивые сравнения, которые даже не сразу успевают фиксировать словари: *быстрый как электровеник, развели как лоха* и под. Устойчивые конструкции вводятся в текст как без изменения их внешней формы и семантики, например: *Да, я, действительно, влюбился в вас как мальчишка* (телесериал «Понять. Простить»), так и в измененном виде. Последнее наблюдается достаточно часто, примерно в 10% анализируемых нами устойчивых сравнений. При лексической трансформации мы наблюдаем и сокращение количества слов в единице, и обратный процесс – добавление слова, а также замену одного из компонентов оборота другим словом с целью выделения, указания на большую степень признака и т.д. Например, распространение устойчивого оборота «натянут как струна»: *Напряженный сюжет*

напоминает до предела натянутую струну, которой суждено лопнуть в самый неожиданный момент (каталог «Мир книги»). Наиболее интересным способом создания трансформации является обыгрывание оборота, образование на его базе каламбура. Способы создания каламбура могут быть различными: восприятие устойчивого оборота в буквальном смысле, распространение одного из его компонентов, замена слов и т.д. Например: *Вода в Москве-реке будет как парное молоко: жирная и с пенкой* (телепередача «КВН») – подменено основание устойчивого сравнения *вода теплая как парное молоко*. Желание переосмыслить устойчивый речевой оборот – ярчайшее проявление креативности языковой личности, а «креативность, рождающаяся в рамках моделирования и нарушения правил, вследствие этого устанавливающая новые правила в виде исключения из правил, представляется важным фактором в жизни языковой личности» [Тхорик, 2005, с. 45].

Нами уже упоминалось повышенное внимание языковой личности к объектам сравнения, связанным с половыми отношениями, как проявление стремления подобрать яркий образ и воздействовать с его помощью на реципиента, привлечь внимание. Приведем несколько шокирующих примеров: *Я смотрю, моя известность достигла и этого захолустья...* (А. Бушков. Дикарка); *Она... была... синяя, хи-хи!.. Как член девственника* (Ю. Никитин. Зачеловек). О.С. Веневцева говорит о том, что иногда «использование сниженной лексики можно считать своеобразным художественным приемом». В языке писателя «впечатление непосредственности, изустного диалога с читателем создается в значительной мере применением сниженных лексических элементов, которые служат и для речевой характеристики персонажей...» [Веневцева, 2006, с. 40]. Еще более демократичен Г.Ф. Ковалев: указывая на толерантное отношение к бранной лексике великих русских писателей, он отстаивает право художников слова на использование данной лексики в художественных произведениях в целях сохранения содержательности и образности текста [Ковалев, 2004]. Анализируя отобранный нами материал, мы не замечаем достижения авторами с помощью вульгаризмов особых художественных целей, не видим оперирования бранным словом как художественного приема. В лучшем случае, цель автора – речевая характеристика, придание речи живой диалогичности, а чаще всего – просто стремление изменить стилистическую тональность текста, грубое привлечение внимания читателя, приманивание его наиболее яркими и доступными средствами.

Посредством широкого введения в образную сферу современного русского сравнения элементов из субкультур – криминальной лексики, вульгаризмов, просторечия – выражаются социальные диффузии. Интенсивная демократизация языка в сочетании с отменой цензуры привела к тому, что «потoki сниженной, жаргонной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики вышли за пределы своей социальной среды и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: художественных текстов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов» [Скляревская, 2001, с. 180]. Речь с использованием арготизмов становится отличительной особенностью многих героев художественных фильмов и книг, даже не связанных с миром криминала. Например: *Я б этих законников давил, как гнид, волчар поганых* (телесериал «Егерь»); *Не, я лучше буду ночами щебенку на стройку возить, чем под Воркутой на шару вкальвать* (О. Таругин. Тайна седьмого уровня).

А вот иноязычные слова используются как образы сравнений нечасто. Введение заимствованного слова в сравнительную конструкцию – как правило, знак признания его своим в русском языке. Например: *Голограммами мечты / Ночь меня зовет* (песня Г. Лепса); *Это не квест, сказал он себе. Проиграешь – рестарта не будет* (Б. Акунин. Внеклассное чтение). Сравнение в данном случае выступает в качестве катализатора степени освоенности иноязычной лексической единицы, и полноценно справляется со своими обязанностями отсеивателя ненужного и закрепителя необходимого.

Итак, на современном этапе развития лингвистики сложились теоретические предпосылки к изучению средств выразительности русского языка и, в частности, сравнительных конструкций с антропоцентрических позиций.

Современная языковая личность активно использует сравнения, большинство из которых кратки и лаконичны; выбирает экспрессивный, яркий образ, часто стилистически сниженный или интертекстовый, а вот структура, в которую вписывается образ, нередко однообразна и невыразительна. Создаваемые конструкции часто носят юмористический характер, говорящий активно трансформирует, обыгрывает устойчивые сравнения, свободно оперирует прецедентными феноменами. Обращение к объектам, связанным с советской эпохой, показывает изменение системы ценностей современной языковой личности.

Речевое поведение носителя языка, проявляемое через машинальный и неосознанный выбор того или иного языкового средства, в том числе сравнительной конструкции, отражает культурные особенности личности.

Литература

- Веневцева О.С. Сниженная лексика в авторской речи А. Галича // Русская речь. 2006. № 4.
- Ковалев Г.Ф. Русские писатели о русском мате // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2004. Вып. 3.
- Колкова Н.А. Один из аспектов изменений в менталитете русского народа // Ефремовские чтения : Концепция современного мирозерцания. СПб., 2008.
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия : состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001.
- Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- Тхорик В.И., Фаян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М., 2005.

БЫТИЕ ТЕКСТА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ : ВЛИЯНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ НА ЛОГИКУ РАЗВИТИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА П.Д. УСПЕНСКОГО «ЧЕТВЕРТЫЙ ПУТЬ» (P.D. OUSPENSKY «THE FOURTH WAY»)

А.П. Джюра

Ключевые слова: тип текста, межкультурная коммуникация, философский текст.

Keywords: type of text, intercultural communication, philosophical text.

Бытие текста в межкультурной коммуникации имеет определенную специфику: при переходе текста из одной культуры в другую происходит процесс его актуализации в новой коммуникативной среде. При таком переходе могут возникнуть проблемы, порождаемые на разных этапах данного процесса. Перевод,

как любой текст, имеет коммуникативную природу, «со способом организации содержательной структуры текста связано определение онтологически присущего ему свойства – категории коммуникативности» [Основы теории текста, 2003, с. 65]. Текст перевода погружен в коммуникацию, и процесс его порождения, функционирования, существования в системе межтекстовых отношений представляет собой сложную модель, где присутствует множество детерминант.

На этапе формирования запроса может произойти ложное толкование интенции текста, и соответственно, к примеру, выпущенный в издательстве, чья сфера деятельности и компетенции не соответствует специфике текста, он может дойти до читателя со значительными искажениями. На этапе перевода текст также может быть значительно искажен (переводчиком) в сравнении с исходным текстом.

Далее, то или иное сообщество (или целевая группа) осваивает этот текст, вводя его в систему коммуникации. На этом этапе текст может быть расценен как актуальный для проблем данного сообщества или же неактуальный.

В процессе ознакомления с текстом (что может означать не только чтение, но и процесс опознавания текста с помощью внетекстовых факторов – таких, как оформление издания, отзывы о книге и пр.) неизменно происходит определение его типа. Под типом текста здесь понимается совокупность признаков, свидетельствующих о его принадлежности к некоторой дисциплинарной или функциональной текстовой совокупности, что указывает на то, что нами формируется некоторое представление о тексте и комплекс ожиданий по поводу него. Допущение состоит в том, что это происходит благодаря особым индикаторам, которые могут помочь выявить тип текста в соответствии с его «намерением» (по выражению У. Эко).

Мы полагаем, что именно неверное определение типа текста может привести к тому, что его потенциал (интерпретативный, культурный, познавательный и пр.) останется нереализованным, что само по себе может являться фактором затруднения процесса межкультурной коммуникации.

Художественный текст есть текст соответствующего типа, поскольку он принадлежит к совокупности художественных текстов, обладает соответствующими языковыми и концептуальными признаками, особой формой и исполняет

функции художественного текста в культуре и языке. Иной текст способен функционировать как эзотерический, встраиваясь в соответственное смысловое и культурное поле, в соответственную текстовую совокупность «эзотерических текстов». Аналогичным образом текст может быть научным или философским. Возможны случаи, когда текст, не являясь философским, функционирует как философский, или же являясь таковым, функционирует иначе, например как эзотерический. (Говоря о функции, мы имеем в виду ее исходное понимание – в качестве отношения.) Отношение предполагает принципиальную соотносимость элементов отношения, другими словами, функционирование текста как эзотерического может осуществляться лишь в том случае, если он может быть квалифицирован как эзотерический, то есть обладает признаками такового. Иначе говоря, текст встраивается в сложную текстовую совокупность, которая встраивается в еще более широкую совокупность – философских или эзотерических текстов. Текст представляет собой сложнейшее образование, является фокусом пересечений множества различных плоскостей действительности, и трактовать его однозначно может оказаться достаточно сложно, поэтому такие ситуации, когда текст одного типа воспринимается как текст другого типа, являются вполне предсказуемыми. Вместе с тем, круг проблемных ситуаций в контексте коммуникативных проблем становится еще шире.

подавляющее большинство текстов являются текстами сложной институциональной природы: их принадлежность к тому или иному типу неочевидна. Это свидетельствует о том, что явление, с которым мы имеем дело, широко распространено и содержит множество научных проблем, в том числе – проблем межкультурной коммуникации.

Обратимся к произведению «Четвертый путь», которое было создано на основе лекций русского эмигранта, мыслителя и философа П.Д. Успенского, чьи взгляды и многие из текстов создавались в России. Исходный текст исследуемого произведения существует на английском языке. Далее, текст «Четвертого пути» был переведен на русский язык и в России был принят как сугубо эзотерический.

Русская культура стала, таким образом, одновременно донором и реципиентом наследия мыслителя. Мы рассматриваем русскую культуру как принимающую, в процессе переводческой трансформации интегрировавшую в себя текст данного

произведения. При переходе из одной культуры в другую понимание того, к какому типу текстов относится текст П.Д. Успенского, существенно изменилось.

Ярким примером искажения служит аннотация к произведению П.Д. Успенского «Четвертый путь»: «Беседы П.Д. Успенского о доктрине, основанной на учении Г.И. Гурджиева, – яркая попытка отыскать способ изучения проявлений сверхъестественной психологии: передачи мыслей на расстояние, ясновидения, возможности предсказания будущего, путешествия в прошлое. <...> Для широкого круга читателей» [Успенский, 2001, с. 4]. Данная аннотация искажает содержание книги, в которой ничего не сказано ни о передаче мыслей на расстояние, ни о ясновидении, и т.д. Тем не менее, она формирует отношение к произведению, классифицирует его как «мистику», либо как «эзотерику», определяя целевую аудиторию и инструменты интерпретации данного произведения читателем. Так же значимым фактором может выступать оформление книги: в российском издании 2001 года обложка оформлена в стиле «популярно-эзотерических» произведений и, будучи воспринятой как сообщение, также способствует формированию представления о данном произведении как об ответе на социальный запрос определенной целевой группы – адресата издания серии книг, в рамках которой было выпущено и данное произведение. Мы считаем, что, не являясь всецело эзотерическим произведением, данное произведение ошибочно получило в принимающей культуре такой статус и интерпретируется, на основе множества дискурсивных, в том числе и экстралингвистических, факторов, ошибочно. Таким образом, потенциал данного текста в принимающей культуре оказывается сужен, поскольку текст не рассматривается как философский, хотя имеет, по нашему мнению, большой философский потенциал.

Произведем анализ того, как репрезентирована философская составляющая текста П.Д. Успенского «Четвертый путь» на русском языке [Успенский, 2001].

Всякий текст является совокупностью знаков (сложным знаком). Наше предположение состоит в том, что некоторые из знаков в структуре текста указывают на тип данного текста, - в нашем случае, на то, является ли этот текст философским. Основными вопросами на данном этапе, следовательно, будут

вопросы о том, какие это знаки и как указывают на нужные нам параметры текста.

Итак, текст, взятый в данном отношении, есть совокупность знаков. В семантической структуре некоторых из них содержится маркер «философский», «относимый к философскому». В этом плане важно, что «текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир, с которым он соотносится, будь то реальный или вымышленный мир, одно явление, событие или значительный фрагмент действительности. Процесс соотнесения и результат этого соотнесения языкового выражения в действительности называется референцией» [Теория текста, 2010, с. 110]. Иными словами, философский текст должен быть соотносим с неким внетекстовым сегментом, где возникает «фокус» восприятия данного текста как философского благодаря маркеру «относимый к философскому». Референция данного текста значима для философской коммуникации, для пространства, «чувствительного» для восприятия чего-либо философского. Актуализация философского потенциала текста возможна с помощью маркированных знаков, содержащихся в данном тексте, в философском сообщении.

Философский текст в качестве основного элемента, который организует понимание, имеет философское понятие. Данная категория, как мы считаем, является выражением рефлексии автора в свернутом виде. Например, понятие сознания является бесспорно философским, если задается соответствующим контекстом, который, как показывает специальная литература [Лахути, 1993], может значительно варьироваться. Тем не менее, понятие сознания, как знак, взятый в отношении его семантической структуры, может также задавать и тип текста, поскольку, как мы считаем, данное понятие в тексте П.Д. Успенского «Четвертый путь» является свернутой философской рефлексией, вписанной в общефилософский контекст, а следовательно, выражающей характер понятия в структуре данного текста («Четвертого пути»).

Подобным же образом, категориальный аппарат произведения может служить определению типа текста, в котором он используется. Говоря о категории как о наиболее общем, обладающем большой «мощностью» понятии, имеющем априорный характер, имеем в виду, что сама система координат (основанная на совокупности используемых категорий), в которой находится текст, может иметь глубинную связь с той системой категорий, в которой работает философия. Специфичным признаком для философского

текста является эксплицитность его категорий. К примеру, категория пространства (в связи с понятием масштаба и представлением о пространственной обусловленности человеческого познания) имеет в исследуемом тексте явно философский контекст, учитывая тот факт, что данная категория становится предметом обширного по объему и детального по содержанию анализа в более ранней работе П.Д. Успенского «Новая модель вселенной».

Наряду с отдельными знаками, в структуре значения которых может быть заложена информация о типе текста, в состав которого они входят, сам текст, взятый в целом, также является знаком. В таком случае данный текст может быть охарактеризован по отношению к другим текстам – как тем, в непосредственной близости к которым он находится, так и тем, которые составляют более широкий контекст его рассмотрения. В настоящий момент текст П.Д. Успенского входит в достаточно узкий круг текстов, с которыми он так или иначе связан (имеются в виду исследовательские работы, где творчество П.Д. Успенского стало бы предметом анализа, а также смежные по проблематике и идейному наполнению тексты), и определение его типа в этом масштабе является задачей далеко не выполненной; этот текст как бы «подвешен» в российской культуре, не имеет вполне определенного контекста понимания.

На наш взгляд, если мы интерпретируем исследуемый текст как знак, функционирующий среди других знаков, то правомерно предположить, что в отношении индикатора типа значимого текста, являющегося компонентом семантической структуры данного знака, симметричной референциальной структурой, внешней по отношению к данному знаку, будет являться философский характер идей П.Д. Успенского. Иначе говоря, знак как таковой представляет собой вещь, указывающую на некий объект действительности, который может обладать различными онтологическими статусами, но, тем не менее, должен существовать. В отношении исследуемой ситуации мы считаем, что компонент значения, являющийся индикатором типа значимого текста, отсылает к характеру идей, изложенных в тексте. Вопрос о том, являются ли идеи исследуемого автора философскими, не принадлежит сфере нашего исследовательского интереса, поскольку выходит за рамки филологического исследования.

Таким образом, во взаимодействие вступают знаки разного уровня и разного объема, и данная совокупность знаков, рассматриваемая динамически, находится в перманентном взаимодействии и процессе семиозиса, выражаясь в терминах семиологии. Под семиозисом здесь мы подразумеваем семиозис знаков, а не объектов природы и действительности; реконструкцию и создание новых знаков на основании уже существующих. Так, новая интерпретация типа текста П.Д. Успенского на основании нового понимания знаков – элементов текста наделяет само произведение, как знак, новыми качествами, или создает новый знак. Наш текст, с этой позиции, является «точкой активности» данного процесса. Мы полагаем, в духе идей «Открытого произведения» У. Эко [Эко, 2004], что процесс становления исследуемого текста в культуре продолжается, и само это произведение «творится» по настоящий момент.

Итак, мы произвели анализ некоторых аспектов межкультурной коммуникации, в частности, того, какую роль играет в процессе межкультурного перехода определение типа текста. Мы выяснили, что анализируемый философский текст – «Четвертый путь» П.Д. Успенского в российской культуре квалифицирован как эзотерический, что не позволяет раскрыть все его интерпретативные возможности. Такое обеднение потенциала текста препятствует оптимальной межкультурной коммуникации. Было проанализировано то, каким образом философская составляющая обнаруживается в тексте и как это влияет на определение его типа. В процессе анализа мы выяснили, что текст Успенского несет в себе большой философский потенциал, который представляется возможным актуализировать (другими словами, выявить тип текста с помощью индикаторов, содержащихся в нем) для его успешного функционирования в философской коммуникации.

Литература

Лахути Д.Г. О некоторых проблемах перевода англоязычной, философской, логической и историко-математической терминологии на русский язык // Вопросы философии. 1999. № 11.

Основы теории текста. Барнаул, 2003.

Теория текста. М., 2010.

Успенский П.Д. Четвертый путь. М., 2001.

Эко У. Открытое произведение. М., 2004.

**«СШИБКА» КАК ВОЗМОЖНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСНОЙ
МЕЖПЕРСОНАЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАССКАЗАХ
В.М. ШУКШИНА : АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Э.В. Малыгина

Ключевые слова: лингвистическая эвокация, «сшибка», лингвистический, лингво-коммуникативный и смысловой аспект.

Keywords: linguistic evocation, 'fisticuffs', linguistic, linguo-communicative and semantic aspect

Понятие «сшибка» было введено В.М. Шукшиным в связи с размышлениями об идее рассказов «Срезал» и «Верую!». Писатель определяет «сшибку» как «крайние ситуации», столкновение «совсем полярных каких-то вещей», «неких представлений о жизни, совсем разных» [Шукшин, 1979, с. 246]. В данной статье «сшибка» рассматривается в качестве возможного проявления кризисной межперсонажной коммуникации [Малыгина, 2012] и выдвигаются аспекты описания «сшибки». Главные из них – лингвистический, лингво-коммуникативный и смысловой

1. *Лингвистический аспект* связан с установлением композиционно-синтаксических и лексико-стилистических средств воспроизведения «сшибки» и позволяет читателю увидеть, «как сделана» межперсонажная «сшибка».

Во фрагменте рассказа «Обида» автор воспроизводит столкновение Сашки и *плаца*:

Он решил дожидаться этого, в плаце... Что за проклятое желание угодить хамоватому продавцу, чиновнику, просто хаму...

– Слушайте, - двинулся к нему Сашка, - хочу поговорить с вами...

Плац остановился, недобро уставился на Сашку.

– О чем нам говорить?

– Почему вы выступили заступаться за продавцов? Я, правда, не был вчера в магазине...

– *Иди, простишь сперва! Понял? Он будет еще останавливать... «Поговорить».* Я те поговорю! Поговоришь у меня в другом месте!

– Ты что, взбесился?

– *Это ты у меня взбесишься! Сейчас ты у меня взбесишься, сейчас... Я те поговорю, подворотня чертова!*

Во фрагменте текста рассказа «Обида» основным лексическим средством, которым передается столкновение героев, является номен *подворотня чертова*, включенный в речевую партию *плаща*. Указанная номинация создает стилистически сниженную характеристику коммуниканта как представителя маргинального социального слоя, ведущего общественно порицаемый образ жизни.

Субъектная неравнозначность героев воспроизводится автором посредством реализации формы обращения. Если в речевой партии Сашки представлена форма вежливого обращения (*Слушайте, – двинулся к нему Сашка, – хочу поговорить с вами*), то в императивных репликах *плаща* ты-обращение становится единственно возможным (*Иди, простишь сперва! Понял?*). В следующей партии *плаща* форма ты-обращение заменяется третьеличной местоименной формой номинации Сашки, это придает высказыванию *плаща* смысловый потенциал пренебрежительного отношения к адресанту (*Он будет еще останавливать*).

Повтором лексемы *поговорить* в тексте эксплицируется значение избирательности общения («*Поговорить*»), трансформирующееся в лишение индивида права на слово (*Я те поговорю!*).

Синтаксическим средством передачи неравноправия коммуникантов являются конструкция с прерванной речью (*Почему вы выступили заступаться за продавцов? Я, правда, не был вчера в магазине... / Иди, простишь сперва! Понял?*), так как прерывающая реплика занимает в структуре диалогического единства рематическую (семантически и коммуникативно сильную позицию). Прерывающей репликой, принадлежащей речевой партии *плаща*, передается его монополия на организацию взаимодействия вне учета фактора адресата (Сашки).

Лексическим маркером отступления Сашки от принципа диалогичности становится переход к ты-форме обращения и включение пропозиции качественной характеристики речевого поведения Другого (*Ты что взбесился?*). Вопросительная конструкция в речевой партии Сашки связана с некоторой трансформацией первоначального коммуникативного намерения установить фактическую структуру ситуации.

Императивные конструкции в репликах *плаща* преобразуются в изображаемой автором трансакции в жанр угрозы (*Это ты у меня взбесишься! Счас ты у меня взбесишься, счас... Я те поговорю...*).

Таким образом, ты-форма обращения, пренебрежительная номинация субъекта коммуникации, лишение Другого слова, передающееся посредством конструкции с прерванной речью, позволяют автору воспроизвести «сшибку» неравноправных в коммуникативном статусе героев. Это неравноправие достигается моделированием отступления от принципа диалогичности и монополии Другого на организацию коммуницирования.

2. *Лингво-коммуникативный аспект* обращает читателя к сигналам кризисогенности «сшибки», воспроизведенных с помощью языковых и неязыковых (коммуникативных) средств.

Во фрагменте рассказа «Вечно недовольный Яковлев» автором изображается трансакция героев, основанная на инициации «сшибки».

– Чего ты? – спросил он.

– Ты все такой же, – сказал Сергей, откровенно и нехорошо улыбаясь. Он терял терпение. – Сам воняешь, едешь по свету, а на других сваливаешь. Нигде не нравится, да?

– А тебе нравится?

– Мне нравится.

– Ну и радуйся... со своей пучеглазой. Сколько уже настрогали?

– Сколько настрогали – все наши. Но еслив ты еще раз, падали кусок, так скажешь, я...могу измять твой дорогой костюм. – Глаза Сергея смотрели зло и серьезно.

Яковлев не то что встревожился, а как-то встrepенулся; ему враз интересно сделалось...

– Дурачок... я же с тобой беседую. Чего ты осердился-то? Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни...

С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху – вскрылит вверх и оттуда спрашивает... спрашивает с каким-то особенным интересом именно то, что задело за большое собеседника.

Основу инициации Яковлевым «сшибки» в изображенной автором трансакционной модели составляет нарушение максимы позитивности, которое проявляется в установке героев «переходить на личности», «характеризуя напрямую особенности речевого поведения партнера» [Клюев, 1998, с. 117] (*Сколько настрогали уже? / Сам воняешь, едешь по свету, а на других сваливаешь.*).

Дисбаланс в коммуникативном сотрудничестве героев эксплицируется в тексте в связи с нарушением максимы неоппозициональности и максимы симпатии (благожелательности отношения к собеседнику).

Отступление от названных максим имеет дезоптимизирующий характер, что герой сознательно инициирует (*Яковлев не то что встревожился, а как-то встрепенулся; ему враз интересно сделалось*).

В речевой слой Сереги вводятся лексические единицы, позволяющие раскрыть смысловую доминанту системности неуважения к Другому, которое является следствием отступления Яковлева от максимы доброжелательности (*Ты все такой же... Сам воняешь едешь по свету, а на других сваливаешь*). Местоимение *такой же* семантизирует регулярность конфликтной манеры взаимодействия героя с окружающими.

Н.Д. Голев и Н.Б. Лебедева, разработавшие типы инвективных сценариев в малой прозе Шукшина, идентифицируют конфликтное поведение Яковлева как тип игрового конфликта, провоцируемого инвектором-«актером» (ИС «Глеб Капустин»). Особенность поведения инвектора определяется сознательным провоцированием конфликта, «от осуществления которого он получает психологическое или эстетическое удовлетворение» [Голев, Лебедева, 2009, с. 13].

Основной тактикой инвектора в рассказе «Вечно недовольный Яковлев», порождающей конфликт, становится желание «*задеть собеседника за живое*». Поэтому в схеме элементарного коммуникативного цикла речевые партии Яковлева сознательно лишены этапа коррекции собственной программы дальнейших речевых действий (*Чего ты? - спросил он. / Ты все такой же, – сказал Сергей, откровенно и нехорошо улыбаясь. Он терял терпение. / Сам воняешь едешь по свету, а на других сваливаешь. Нигде не нравится, да? / А тебе нравится? / Мне нравится. / Ну и радуйся... со своей пучеглазой. Сколько уже настрогали?*). Вопросительными репликами в речевом слое Яковлева автором создается стимуляция и продление конфликтного взаимодействия.

В высказываниях героя представлено агрессивно максималистское обобщение жизненных явлений (*Чего ты осердился-то? Бабу обидел? Их надо живьем закапывать, этих подруг жизни*). Крайняя радикальная оценка значимости человеческого фактора позволяет установить кризис миропонимания Яковлева, который порождает регулярные коммуникативные препятствия во взаимодействии с окружающими. Поэтому воспроизведение автором

такого типа «сшибки», в котором проявляется целенаправленное погашение субъектной значимости Другого (*как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху – вскрывает вверх и оттуда спрашивает... спрашивает с каким-то особенным интересом именно то, что задело за большое собеседника*), обнаруживает кризисогенный характер.

Таким образом, отступление от принципа Вежливости, которое воспроизводится автором в исследуемом фрагменте рассказа, определяет кризисогенный характер межперсонажной «сшибки». Признаками кризисной формы изображенной трансакции являются коммуникативное доминирование инвектора над Другим, установка на конфликтность взаимодействия («*клонуть собеседника*», «*задеть за живое*»), отсутствие коррекции собственных речевых действий.

3. *Смысловой аспект* описания «сшибки» направлен на обоснование ее кризисогенности с опорой на идейно-эстетические задачи В.М.Шукшина и предполагает выход на мировоззренческую установку писателя, позволяющую осуществить смысловое обоснование проблемы Homo Communicans.

По мысли О.Г. Левашовой, рассказ «Обида» раскрывает идейную проблематику комплекса «маленького человека». Реализация данной метафоры в рассказе В.М. Шукшина изображается посредством интенции «обидчика» лишить Сашку права на слово, подвергнуть сомнению его статус Человека. Это проявляется в особенности номинации героя (*подворотня чертова*), выступающей эксплицитным сигналом проявления неуважения к Другому.

Л.А. Кошей отмечает, что «выражение «Ты не Человек» является для Шукшина самым сильным оскорблением» [Кошей, 1999, с. 35–44]. В тексте рассказа «Обида» одним из способов социально-психологической реабилитации Сашки является установление контакта с очевидцами конфликта, одним из которых является человек в плаще. Прерывание мыли Сашки, лишение его возможности представить собственную версию произошедшего порождает процесс блокирования смыслов, показателем которого становится оскорбление Человека, трансформирующееся в обиду. Обида как социально-психологическое состояние персонажа сопровождается лишением его статуса субъекта коммуникации. Поэтому ситуация незащищенности человека, которого насильственно лишили права на слово, является показателем кризисной формы «сшибки».

Таким образом, исследование «сшибки» в лингвистическом, лингво-коммуникативном и смысловом аспектах позволяет выявить

следующие сигналы ее кризисогенности: антидиалогический способ коммуницирования героев; лишение персонажа права участвовать в коммуникации; лишение персонажа статуса субъекта коммуникации в условиях подавления его установки аргументировать собственную позицию.

Литература

- Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М., 1998.
Кощей Л.А. Мировоззрение // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999.
Левашова О.Г. Обида // Творчество В.М. Шукшина. Барнаул, 2007.
Малыгина Э.В. «Сшибка» как возможное проявление кризисной межперсонажной коммуникации: лингвоэвokedационное исследование (на материале рассказа В.М. Шукшина «Обида») // Речевая коммуникация в современной России (27-29 июня 2011 г.). Омск, 2011.
Малыгина Э.В. Принципы взаимодействия приемов воспроизведения кризисной межперсонажной коммуникации в рассказе В.М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала» // Филология и человек. 2012. № 2.
Шукшин В.М. Возражения по существу. М., 1979.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕСС-РЕЛИЗА И ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

Е.А. Носова

Ключевые слова: информационный повод, факт, новость, пресс-релиз, журналистский текст.

Keywords: newsworthy event, fact, a piece of news, press release, journalistic text.

Современный пресс-релиз, содержащий корпоративную информацию, выступает важнейшим источником публикаций для СМИ. По разным оценкам, 40–50% новостной информации появляется и циркулирует в обществе благодаря деятельности PR-служб [Кривоносов, 2002]. Подобную тенденцию можно проследить во всем мире: так, в Германии от 30.000 до 50.000 PR-сотрудников обеспечивают информацией около 48.000 профессиональных журналистов, а в США за десять лет количество PR-сотрудников

увеличилось со 162.000 до 200.000 – и это всего на 120.000 журналистов [Schnedler, 2010]. Вместо журналиста-профессионала с собственной активной позицией все чаще оказывается нужен «рерайтер, способный перевести пресс-релиз с корпоративного языка в формат конкретного СМИ» [Иваницкий, 2011]. В свете вышеизложенного важным представляется изучение информационных поводов, предлагаемых редакциям пресс- и PR-службами разных уровней. Именно на основе фактов из пресс-релизов формируется значительная часть информационной «повестки дня».

Целью данной статьи является анализ понятий «информационный повод», «факт», «тема», «событие» и «новость», которые зачастую используются работниками СМИ практически в качестве синонимов. Вероятно, такое наслоение понятий возникает из-за нового статуса информационного пространства, в котором «событие имеет смысл только тогда, когда о нем сообщили СМИ. Если же такого сообщения не было, то можно считать, что не было и самого события» [Почепцов, 2003, с. 8].

Для журналиста факты – это достоверные сведения, устанавливающие реальность существования каких-либо явлений в настоящем или прошлом. Сравним разные определения факта: «достоверное отражение фрагмента реальности, обладающее социальной репрезентативностью» [Поелуева, 1988, с. 5]; «форма человеческого знания, обладающего достоверностью» [Копнин, 1973, с. 126]. С помощью фактов создается модель многообразной действительности в СМИ. Для полного и адекватного отражения различных событий, явлений и процессов в информационных, аналитических и художественно-публицистических материалах используются самые разнородные факты: социальные, исторические, литературные, юридические, культурологические и др.

Однако не каждый факт, не каждое событие может представлять интерес для СМИ и читателей и стать новостью. Это зависит от актуальности факта – его общественного значения. Г.М. Соловьев выделяет медиа-факт как «понятие более избирательное, чем факт как таковой» [Соловьев, 2006, с. 44]. Факт действительности может стать медиа-фактом в следующих случаях:

1) если он определяется носителем сознания чем-то более или менее значительно меняющим его поведение либо в масштабе всей жизни, либо какой-то ее части;

2) если он подан автором-журналистом как событие.

Например, если «какой-либо удачливый исследователь сумел открыть эликсир бессмертия, но информацию об этом из осторожности не сделал достоянием других, то никакого события не произошло. То есть для лингвистики (описывающей ситуацию просто языковыми знаками) – это факт, для журналистики же – нет, так как о нем не может быть рассказано никем извне» [Соловьев, 2006, с. 44–45].

В случае если тот или иной факт действительности заинтересовал журналиста, он обращается к его творческому преобразованию, к созданию новости с расчетом на активное восприятие аудитории. «Новость в журналистском понимании – это информация, которой широкая публика не знала до ее публикации» [Григорян, 2007, с. 35]. «Ударный» факт, послуживший основой медиа-сообщения, назовем информационным поводом (ИП). Изначально в английском языке категория ИП обозначалась словом «inject», образованного от лат. «injūctio» – «вбрасываю»; «injūctio» – «вбрасывание». Получается, ИП – это то, что «вбрасывается» в медиа-среду, то есть факты, которые становятся поводом для новостного сообщения. В этом смысле ИП можно назвать предметом, или темой будущего произведения – тем главным, о чем в нем говорится, что составляет суть новости.

Журналист окружен не только событиями, но и ситуациями, процессами, являющимися фактами действительности и, следовательно, имеющими возможность получить словесную интерпретацию и быть реализованными в теме публикации. Предметом отображения в информационных жанрах чаще всего будет являться личность или событие (как точно фиксированный в пространстве и во времени шаг в общественном пространстве), в аналитических жанрах – процесс, содержащий в себе ряд событий, или ситуация, включающая как различные события, так и объединяющие их процессы во всем многообразии их взаимодействий [Тертычный, 2002].

Таким образом, в результате анализа понятий мы пришли к следующему выводу: некий факт действительности (в том числе то или иное событие) может стать информационным поводом (или темой) для новостного сообщения, если этот факт подан как нечто, еще не известное аудитории, и влечет за собой развертывание всей фактологической системы текста – разные варианты сочетания дескриптивной, прескриптивной, валлоативной и нормативной информации.

Так как пресс-релиз является оперативно-новостным жанром, чаще всего он оказывается посвящен тому или иному событию в жизни

организации. При выборе темы создатели пресс-релизов ориентируются на следующие критерии значимости событийного ИП [Карпушин, Чикирова, 2007, с. 14–15]:

– событие существенно влияет на жизнь населенного пункта, региона или государства;

– событие носит международный характер;

– событие не имеет мировых или региональных аналогов;

– событие носит характер ЧС или повлекло за собой человеческие жертвы;

– событие происходит периодически, но характеризуется ярко выраженной положительной динамикой – рост числа участников конференции, значительное увеличение прибыли предприятия за отчетный период и т.д.;

– событие предполагает значительный экономический или социальный эффект – создание новых рабочих мест, повышение заработной платы, вывод направления деятельности на уровень рентабельности;

– событие ожидалось давно;

– в событиях участвует VIP-персона федерального или регионального масштаба;

– событие само по себе незначительно, но в его рамках есть занимательные факты или заявлены нетипичные участники.

Следует учитывать, что пресс-релизы нацелены на предоставление тщательно отобранной, оптимизированной информации о базисном PR-субъекте, что несколько отличается от понятия «журналистская информация»¹. В этом мы видим одну из причин необходимости проработки журналистом ИП из полученного пресс-релиза.

Рассмотрим теперь, как изложенные выше теоретические изыскания воплощаются в конкретном эмпирическом материале. Для этого проанализируем пресс-релизы ОАО «УК «Кузбассразрезуголь» за 2006–2012 годы на предмет разнообразия ИП крупной производственной компании и оценим выбор журналистами тех или

---

¹ Основные признаки журналистской информации как разновидности социальной сформулировал Е.И.Пронин. Согласно его исследованиям, комплекс свойств журналистской информации вызывает определенные типы реакции на публикации: реакции вовлечения, реакции исполнения и реакции социальной гарантии. Корпоративная же информация прежде всего нацелена на формирование эффективной коммуникационной среды, иными словами – на создание положительного имиджа в глазах целевой общественности.

иных предложенных пресс-службой тем для освещения в собственных материалах.

В результате анализа мы выделили наиболее частотные типы ИП, актуализируемые в сообщениях компании «Кузбассразрезуголь»:

- новый продукт или объект (в том числе этапы его строительства, введение в эксплуатацию): *«Первый этап строительства Ново-Кузбасской ГРЭС»* – от 24.04.2006; *«Состоялась торжественная заливка фундамента «Серебряного Бора»* – от 05.06.2006; *«Новая программа в телевизоре у горняков «Кузбассразрезуголь»* – от 21.12.2006 и др.;

- итоги работы (выполнение и перевыполнение производственных планов за месяц, полугодие, год): *«Подведены итоги работы в ноябре 2007 года»* – от 11.12.2007; *«Подведены итоги работы в 2006 году»* – от 12.01.2007; *«Подведены итоги работы в первом полугодии»* – от 10.07.2008 и др.;

- производственные рекорды: *«Новый год встретили новым рекордом»* – от 09.01.2008; *«Рекорд за рекордом»* – от 23.07.2007; *«Рекорд кедровского «Harnischfeger'a»* – от 02.04.2007 и др.;

- сотрудничество с региональными властями: *«Подписано соглашение о социально-экономическом сотрудничестве между Администрацией Кемеровской области и ОАО «УК «Кузбассразрезуголь» на 2007 год»* – от 20.04.2007; *«Национальный проект «Доступное и комфортное жилье»* – от 29.09.2008; *«Соглашение с Алтаем – выполняется!»* – от 26.02.2007 и др.;

- сотрудничество с производственными компаниями (совместные разработки, сделки и др.): *«Сотрудничество двух компаний мирового уровня»* – от 18.05.2007; *«Две компании мирового уровня продолжают сотрудничество»* – от 13.10.2008; *«Визит мирового уровня»* – от 01.09.2006 и др.;

- совещания, семинары, советы директоров: *«Итоги годового собрания акционеров»* – от 29.06.2007; *«Конструктивный диалог»* – от 19.10.2007 о встрече руководства и профсоюзных организаций компании и др.;

- кадровые перестановки: *«Состоялось заседание Совета директоров компании Powerfuel, на котором Председателем Совета был избран гендиректор ЗАО «УК «Кузбассразрезуголь» Михаил Абызов»* – от 11.04.2006; *«Назначен первый заместитель»* – от 14.04.2006; *«Открытое акционерное общество «Угольная компания*

«Кузбассразрезуголь» успешно завершает свою реорганизацию» – от 08.04.2008 и др.;

- юбилейные и прочие торжественные мероприятия: «Международный день пожилых людей» – от 01.10.2008; «Кузбассразрезуголь» чествует ветеранов» – от 05.05.2006; «К дню рождения компании – КВН» – от 22.05.2006 и др.;

- культурные мероприятия в компании: «Первое мероприятие к знаменательному юбилею» – от 26.10.2006 о фотовыставке «Люди и уголь»; «В Кузбассе впервые пройдут «Дни Культуры УГМК» – от 18.04.2008; «Техношоу» – игры профессионалов» – от 14.08.2008 о конкурсе профмастерства и др.;

- спортивные мероприятия в компании: «Мяч в корзине, победа в кармане» – от 06.11.2008; «Наши горняки – шахматные короли» – от 18.07.2008; «Спортивные вести из «Кузбассразрезугля» – от 14.04.2008 и др.;

- достижения руководства и сотрудников компании (участие и победы в конкурсах): «Высокая оценка на международном форуме» – от 05.10.2007; «По охране труда – лучшие в области» – от 18.06.2007; «Кузбассразрезуголь» – организация высокой социальной эффективности» – от 08.02.2007 и др.;

- социальная ответственность бизнеса (спонсорская, социальная или благотворительная деятельность компании): «На встречу с морем» – от 19.06.2006 об отдыхе детей сотрудников; «Пусть праздник придет ко всем!» – от 21.12.2006 о подарках детям из малообеспеченных семей; «С благодарностью, уважением и заботой» – от 05.05.2008 о поддержке ветеранов и др.

Дальнейший анализ показал, что для разных СМИ значимыми (сильными) становятся разные же ИП указанной компании. Так, узкопрофильные издания (например, посвященные угольной промышленности) интересуются ежемесячными и годовыми показателями крупного производственного холдинга, массовые областные газеты и журналы – инфоповодами, связанными с социальными программами компании или с ее успехами на российском и мировом уровнях. Традиционно повышенное внимание журналистов вызывают ИП из раздела «новый продукт или объект», особенно если речь идет о беспрецедентном для региона горнодобывающем оборудовании или объекте (например, обогатительная фабрика, вскрышная установка и т.д.). Наименее значимыми (слабыми) являются ИП о проведении в компании спортивных и культурных мероприятий, а также внутренних совещаний и семинаров.

Выбирая ИП для публикации, каждое СМИ трансформирует его под свой формат (периодичность выхода, особенности аудитории, стиль изложения и др.), и этот процесс становится отправной точкой взаимодействия пресс-релиза и журналистского текста, созданного на его основе. Мы выяснили, что при работе с пресс-релизами ОАО «УК «Кузбассразрезуголь» журналисты совершают следующие характерные действия: видоизменение информационного повода и его актуализация; преобразование структуры и фактологической системы источника; работа с сильными позициями текста (заголовок, лид, концовка); выбор подходящей жанровой формы с учетом медиаформата издания (заметка, расширенная информация, корреспонденция), часто с использованием жанровой конвергенции (объединение с бэкграундером или другой справочной информацией). Кроме того, журналист преобразует и стилистический облик своего источника – это связано с тем, что пресс-релиз является синкретичным жанром, совмещающим признаки делового документа, а также рекламного и журналистского текстов [Носова, 2011].

Подведем итоги. Из большого числа фактов действительности для создания новости выбирается актуальная тема, или информационный повод (эти два понятия могут выступать синонимами). «Ударным» фактом может стать событие, личность, ситуация или процесс. Работа пресс-службы ОАО «УК «Кузбассразрезуголь» удовлетворяет потребности в информации целого спектра СМИ, отличающихся друг от друга типологическими особенностями. Разнообразие информационных поводов, предоставляемых компанией, активно внедряется в «повестку дня», и многие темы находят развитие в журналистских материалах, публикуемых впоследствии в региональных и федеральных СМИ.

Литература

- Григорян М.В. Пособие по журналистике. М., 2007.
Иваницкий В.Л. Изменение норм языка СМИ под воздействием фирмы масс-медиа // Медиаскоп. 2011. № 1.
Карпушин Д.И., Чикирова С.А. Пресс-релиз : правила составления. СПб., 2007.
Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. М., 1973.
Кривонос А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002.
Носова Е.А. Пресс-релиз как синкретичный жанр (к постановке проблемы) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия : История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 6.
Поелуева Л.А. Факт в публицистике : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1988.
Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз. М., 2003.
Соловьев Г.М. Оценочные интерпретации медиа-факта в новостных потоках СМИ : онтологический аспект. // Новое в массовой коммуникации. 2006. № 3–4.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2002.

Schnedler T. Getrennte Welten? Journalismus und PR in Deutschland. Wiesbaden, 2008. № 1.

МОДУС «ВОСПОМИНАНИЕ»: СТАТУС И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРУГИМИ МОДУСНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Е. ГРИШКОВЦА)

Т.И. Кораблина

Ключевые слова: модус «воспоминание», языковые средства, художественный текст.

Keywords: modus «recollection», language means, literary text.

В разные периоды своей жизни человек так или иначе обращается к своим воспоминаниям. Причем память совершенно непредсказуемо и беспричинно может воскрешать как значительные факты биографии, так и незначительные мелочи, например: 1) *Помню первую нашу зиму в новой квартире. Очень счастливую зиму. Весь дом гремел, но мы с Леной не обращали на это внимания. Помню зимние вечера, когда к одиннадцати часам замирали последние удары молотков и скрежет дрелей*¹ (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 2) *Я навсегда запомню, с какой грустью он это говорил, и как при этом улыбался* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами).

Обратимся к модусу «воспоминание», который и является предметом нашего исследования.

Термин **модус «воспоминание»** встречается в работе Е.В. Падучевой, где автор, анализируя художественный текст, отмечает, что данный модус связан с «отступом назад во времени» [Падучева, 1996, с. 397]. Е.В. Падучева соотносит модус «воспоминание» с модусом знания: модус «воспоминание» позволяет «оправдать “переключение внимания” своего воспринимателя на какой-то участок его области знаний» [Падучева, 1996, с. 399].

Первую попытку дать определение модусу «воспоминание» и составить репертуар его средств выражения на материале мемуарной литературы сделала Н.П. Перфильева. Размышляя о природе данного

---

¹ Здесь и далее текст произведений цитируется по изданию Гришковец Е. Следы на мне. М., 2007. В круглых скобках указывается название рассказа.

модуса, она обратила внимание на связь этой модусной категории с другими («персуазивностью» и «авторизацией») [Перфильева, 2012].

Модус «воспоминание» мы, вслед за Н.П. Перфильевой, рассматриваем как «необязательную модусную категорию, обозначающую, что автор обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти» [Перфильева, 2012].

Цель данной статьи – определить средства выражения модуса «воспоминание» в рассказах Е. Гришковца и выявить их специфику в сопоставлении с уже известными. Эмпирической базой данного исследования послужили 131 высказывание из сборника рассказов «Следы на мне» Е. Гришковца.

54% высказываний составляют текстовые фрагменты, в которых модус «воспоминание» выражен лексемой **помню**, например: 1) *Помню школьную теплицу, которая содержалась в идеальном порядке. Помню клумбу и цветы перед входом в школу* (Е. Гришковец. Дарвин); 2) *Я помню все лица и почти все имена жителей деревни Колбиха, хотя лично я там проводил не больше полутора месяцев в год* (Е. Гришковец. 80 километров от города); 3) *А помните это мерзкое стихотворение для лучшего запоминания названия падежей? Ну, это: Иван Родил Девчонку Велел Тащить Пеленку Гадость какая!* (Е. Гришковец. Дарвин); 4) *Эти ботинки издавали при каждом шаге даже не скрип, а визг. Причем, визг правого был выше визга левого. Этот визг знал и помнил каждый студент филфака, учившийся в мою бытность* (Е. Гришковец. Декан Данков). Таким образом, этот результат совпадает с наблюдениями Н.П. Перфильевой на материале мемуарной литературы, отмечающей, что исследуемый модус «соотносится с предикатами **вспомнить, припомнить** и др., называющими ментальную операцию» [Перфильева, 2012].

Проанализируем приведенные контексты под углом зрения взаимодействия модуса «воспоминание» и персонализации. В первых двух контекстах употребляется форма 1-го лица единственного числа *помню*. Следовательно, речь идет только о воспоминании говорящего. В третьем контексте употребляется форма 2 лица *помните*. В данном случае речь идет не только о воспоминании адресанта, но и побуждении адресата вспомнить. В последнем контексте употреблена форма прошедшего времени *помнил*, а значение лица выражено лексически *каждый студент филфака*.

Е. Гришковец саму операцию **воспоминания** иногда обозначает с помощью фразеологизмов, например: *Ну, живет же за таким вот типовым окном Гера, со всем земным шаром, который **застрял в его памяти** у него в голове, и никак **из этой головы и памяти не вылетит**. Как сам Гера из моей* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами). Эти фразеологические средства могут быть употреблены и как модусные. Ср.: *застряли в моей голове, из памяти не вылетит*.

Все средства выражения модуса «воспоминание», которые нам встретились, можно условно расположить на шкале между полюсами «хорошо, отчетливо помню» – «не помню». В качестве точки отсчета этом случае выступает **помню**, называющее только факт сохранения, удерживания в памяти, например: ***Помню**, мы показывали наш спектакль в Челябинске, на каком-то маленьком фестивале студенческих театров* (Е. Гришковец. Зависть).

В одних случаях воспоминания могут фотографически отражать события прошлого, являясь своеобразными воспоминаниями-фотографиями; но резкость снимка, то есть точность воспоминаний, бывает разной. Следовательно, можно говорить о разной степени припоминания. Неслучайно на этом регулярно акцентируют внимание персонажи рассказов Е. Гришкова, например: *Они были приятные люди, поэтому про их семью мне **трудно что-то вспомнить** и что-то рассказать* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами). Контекстов, иллюстрирующих разную степень припоминания, в сборнике рассказов Е. Гришкова – 36%.

Персонажи нечасто предъявляют свои воспоминания как точные, например: ***Помню точно**, что Михалыч, по его рассказам долго работал на пароме, где-то недалеко от Томска* (Е. Гришковец. Михалыч). Акцент делается на неточности воспоминаний (11% от общего количества контекстов), например: 1) *Но я **помню** родителей еще студентами. Это **смутные воспоминания** и, в основном, ночные* (Е. Гришковец. Дарвин); 2) *Людей, которые жили за лифтом, я **не очень помню*** (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами). Фраза «я всего не запомнил» тоже указывает на оттенки припоминания, например: *Он говорил еще полчаса, я **всего не запомнил***. Ср.: *Удивительное дело! **Я помню все** лица и почти **все** имена жителей деревни Колбиха, хотя лично я там проводил не больше полутора месяцев в год* (Е. Гришковец. 80 километров от города). Достаточно часто (10,6% от общего количества контекстов) персонажи упоминают о том, что не помнят. Например: 1) ***Не могу припомнить**, как его звали* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 2) *Как его звали, я **не помню*** (Е. Гришковец. Михалыч). В данном случае средствами

выражения являются, кроме ментальных предикатов *вспомнить*, *припомнить*, лексические средства *смутные воспоминания*, *не очень хорошо*, *не точно* и др. Следовательно, анализ материала позволяет согласиться с мыслью Н.П. Перфильевой о соотнесенности модусных категорий «воспоминание» и достоверности.

Показатели модуса «воспоминание», сообщающие о точности / неточности воспоминаний, пересекаются с такими элементами, как *не могу забыть*, *не забывается*, например: 1) *Я не смогу вспомнить всех, с кем мне доводилось много лет работать. А вот жители Колбихи не забываются* (Е. Гришковец. 80 километров от города); 2) *Видимо, поэтому и не могут забыть ни одного лица, ни одного дома* (Е. Гришковец. 80 километров от города). Конечно, данные показатели связаны не с параметром точности воспоминаний, а с параметром наличие / отсутствие в памяти. Однако, употребляя эти модусные показатели, говорящий акцентирует внимание на силе воспоминаний, ценности и эмоциональной значимости событий прошлого. Более того, *не могу забыть* – это то, о чем вроде бы нет необходимости вспоминать.

Таким образом, в рассказах Е. Гришкочца показатели модусной рамки «воспоминание» не только называют ментальную операцию, но и часто содержат оценку воспоминаний. Говорящим, связанную непосредственно со степенью припоминания информации.

Модусная рамка «воспоминание» в рассказах Е. Гришкочца выражается часто с помощью наречий с временной семантикой: *тогда*, *теперь*, *раньше*, *сейчас*, *никогда*, *навсегда*, – что позволяет говорить о взаимодействии модусных категорий «воспоминание» и темпоральности, например: 1) *Тогда я терпеть не мог бездельников и многих причислял к этой категории, не любил тех, кто пытался хвататься за все подряд, делать то одно, то другое, а в итоге не делал ничего* (Е. Гришковец. И было сказано); 2) *Жили мы тогда то в съемной маленькой квартире, то в общежитии* (Е. Гришковец. Дарвин); 3) *А особенно тогда, когда мы въехали в наш дом и в нашу квартиру, райончик был, ну, совсем не престижный* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 4) *Раньше подобные дома называли «китайскими стенами»* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами). Оформление модуса «воспоминание» с помощью наречий *тогда*, *раньше* неслучайно: их семантика отражает, выражаясь словами Е.В. Падучевой, «отступ назад во времени». Они указывают на события, имевшие место до «момента речи», таким образом задают вектор ретроспекции.

Примеров с *тогда* в нашей выборке – 19%. Контекстов с наречиями *сейчас*, *теперь* в выборке значительно меньше – всего 4%, но и они

намечают ретроспекцию, например: *Только **теперь** я догадываюсь, какой трудной и несчастной была его жизнь и работа* (Е. Гришковец. Михалыч). В данных контекстах для *сейчас* фоном являются *раньше, тогда*, даже если вербально не выражены, поскольку они выступают точкой отсчета: *тогда* – то есть *не сейчас*. Ср.: *Это **сейчас** бы я смог более-менее точно определить его возраст, а **тогда** даже сорокалетний человек мне казался бесконечно взрослым* (Е. Гришковец. Михалыч).

Относительно «момента речи» можно рассматривать и наречия *никогда* (*ни в какое время*) и *навсегда* (*отныне и до самого далекого будущего, на всю жизнь*). Эти контексты единичны, но неискусственны, например: 1) *Больше я с Михалычем не разговаривал **никогда**. Но тогда я еще об этом не знал* (Е. Гришковец. Михалыч); 2) *Я **навсегда** запомню, с какой грустью он это говорил и как при этом улыбался* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами). В данных контекстах с помощью наречий также намечен вектор проспекции, отличие состоит только в том, что вектор направлен не из настоящего в прошлое, а из прошлого в будущее. С наречиями *никогда* и *навсегда* связана также оценка с точки зрения силы воспоминаний, эмоциональной значимости для говорящего воспоминаемого события на фоне цепи последующих событий.

Показатели модуса «воспоминание» не только вводят информацию, связанную с событиями, имевшими место в прошлом. О чем еще, кроме фактов, может вспоминать Говорящий?

Предметом воспоминания могут быть ощущения или состояние, оценка значимости события, например: 1) *До сих пор, когда по телевизору показывают фильм, который мы впервые посмотрели в один из тех вечеров (ночей) мы с женой с удовольствием **вспоминаем те ощущения*** (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 2) *Недавно я **вспомнил** такое свое летнее **состояние** и сильно по нему поскучал* (Е. Гришковец. Начальник); 3) *Это был самый лучший **Новый год** в моей жизни* (Е. Гришковец. Зависть). Как видно из иллюстративного материала, судя по последнему контексту, модус «воспоминание» может быть оформлен не только лексемами но и фразами. Хотя этот способ оформления у Е. Гришкова встречается редко, но мы проанализируем контекст. Говорящий выделяет это событие-воспоминание из ряда подобных, но следующих за ним, и акцентирует внимание на нем. Эта оценка стала возможна только спустя время, на фоне событий такого же рода. Таким образом, повествователь не просто вспомнил событие, но соотнес с рядом подобных.

Модус «воспоминание» выражен здесь имплицитно: ментальный предикат частично заменяет аналитическая форма превосходной степени прилагательного.

В ряде случаев показатели модуса «воспоминание» сочетаются со словами, обозначающими эмоциональное отношение Говорящего к своим воспоминаниям, например: 1) *Германа **вспоминаю особо*** (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 2) *Песни все я вскоре знал, чуть ли не наизусть. Но одну **запомнил особенно**, ее пели хором и обычно несколько раз за заседание* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 3) *Я помню процесс выбора и помню все возможные варианты. **Весело об этом вспоминать**. Очень **весело*** (Е. Гришковец. Дарвин); 4) *Тот случай, ту историю **вспоминать страшно*** (Е. Гришковец. 80 километров от города). Таким образом, можно говорить о скрытом взаимодействии операций *воспоминание* и *оценка*.

Подведем итоги. В художественном тексте, так же как и в мемуарной литературе, в качестве показателей модуса «воспоминание» доминируют предикаты, называющие ментальную операцию. Такие показатели не только вводят информацию, связанную с событиями в прошлом, но и могут отражать воспоминания, являющиеся ситуативно-фоновыми для группы людей. Кроме того, в некоторых случаях вместо ментального предиката в качестве средства выражения модуса «воспоминание» может выступать аналитическая форма превосходной степени. Модусная рамка «воспоминание» регулярно несет информацию о точности / неточности припоминания событий, при этом степень точности воспоминания в ряде случаев может выступать как критерий оценки значимости события. Сочетания показателей модуса «воспоминание» со словами, обозначающими эмоциональное отношение Говорящего к своим воспоминаниям, в некоторых контекстах эксплицируют взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и оценочность. Средства выражения модуса «воспоминание» связаны с показателями категории темпоральности, которые позволяют проследить векторы проспекции и ретроспекции в тексте.

Литература

- Гришковец Е. Следы на мне. М., 2007.
Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
Перфильева Н.П. Модус воспоминания : между истиной и ложью // Дискурс лжи и ложь дискурса. Новосибирск, 2012.

ВНИМАНИЕ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ВАРИАТИВНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А.И. Фукс

Ключевые слова: валентность глагола, перепрофилирование внимания, фокус внимания, фрейм, синтаксическая структура.

Keywords: verb valency, focus and refocus of attention, frame, syntactic structure.

В последнее время все больше возрастает интерес ученых к тому, каким образом когнитивные процессы реализуются в формальной структуре высказывания. С этим вопросом связано не только выявление основных категорий как форм репрезентаций знаний в языке или базовых концептов, находящихся свое отражение в грамматическом строе языка, но и исследование влияния на синтаксическую структуру высказывания такого психического процесса, как внимание, которому раньше не придавали особого значения. В частности, в нашем исследовании мы рассматриваем перепрофилирование внимания как когнитивный фактор, обуславливающий вариативность валентностной структуры глагола, что, в свою очередь, может указывать на изменение семантики глагола и всего предложения.

Известно, что одну и ту же ситуацию действительности можно вербализовать по-разному, что говорит о способности сознания человека осуществлять категоризацию действительности разными способами [Slobin, 2003]. Категоризация – это «ведущая функция сознания, лежащая в основе речемыслительной деятельности и организации языка как системы» [Болдырев, 2005, с. 16]. Таким образом, происходит двустороннее взаимодействие работы сознания и языковой системы, в частности, грамматического строя, который оперирует средствами, способными репрезентировать когнитивные процессы. Различное восприятие реальной действительности находит свое отражение на языковом уровне. Принято считать, что событие описывается глаголом с сопровождающими его актантами, любые изменения не только в самой ситуации, но и в ее восприятии, влекут за собой изменение в валентной структуре глагола. Рассмотрим следующие предложения: 1) *A cat is running away from the dog*; 2) *A dog is running for the cat*. В основе этих двух предложений лежит одна

ситуация объективного мира, однако процесс категоризации в сознании говорящих происходит по-разному. Вследствие перефокусирования внимания с одного участника события на другого происходит изменение в семантике и структуре предложений. Первое предложение описывает ситуацию «побег» (*to flee*), тогда как во втором предложении речь идет о «погоне» (*to chase*). На различия в семантике указывает изменение валентности глагола *to run*, а именно *to run away from - to flee, to run for - to chase*. В том случае, если речь идет о побеге, а *cat* выступает в позиции подлежащего и именно ее действия находятся в фокусе внимания говорящего, и наоборот, если говорящий акцентирует внимание на собаке, речь в предложении идет о погоне и, соответственно, а *dog* является подлежащим. В качестве подтверждения того, что семантика этих двух предложений действительно различна, несмотря на то, что ситуация объективного мира одна, сопоставим их с переводом на русский язык: «Собака бежит за кошкой. Кошка убегает от собаки». В русском языке меняется сам глагол, тогда как в английском языке меняется только его валентность. Таким образом, синтаксическая структура, а в частности валентность глагола, реагирует на изменение фокуса внимания говорящего, что еще раз показывает теснейшую связь между когнитивными процессами и языковой системой.

В психологии феномен внимания трактуется по-разному и вызывает определенные трудности в определении. Во-первых, потому что внимание не является самостоятельным психологическим процессом, а может определяться скорее как избирательная направленность восприятия на тот или иной объект, а во-вторых, результатом внимания может считаться увеличение продуктивности другой психической деятельности, внимание в этом случае может трактоваться как характеристика познавательных процессов [Фаликман, 2006, с. 52]. Классик отечественной психологии П.Я. Гальперин определил внимание как функцию умственного контроля [Гальперин, URL]. Информация воспринимается человеком не в том объеме, в котором она поступает извне, что связано, прежде всего, с отношением человека к объекту, его интересами, потребностями, ожиданиями, целями, личностными предпочтениями и т.д. Таким образом, внимание избирательно, что выражается в возможности реагирования на ограниченный спектр внешних стимулов. Следовательно, внимание представляет собой не только сосредоточенность на каких-либо объектах, но и осуществление отбора

нужной информации, обеспечение избирательных программ действий и сохранение контроля над их протеканием.

С точки зрения нейрофизиологии внимание представляет собой возбуждение в коре головного мозга, которое происходит неравномерно, каждая деятельность может создавать очаги возбуждения, которые приобретают доминирующий характер. Этот очаг возбуждения можно назвать фокусом внимания человека, как описывает в своей работе Т.А. Духовской, речь идет «об обособленной части внимания, как бы его «острие», это самая концентрированная область внимания, та его часть, которая самая первая реагирует на все происходящее, позволяет человеку воспринимать ярче всего» [Духовской, URL]. Внимание является характеристикой когнитивных процессов (получение, переработка, хранение и мобилизация информации), в которых непосредственное участие принимает язык, из чего можно сделать вывод о том, что язык тесно взаимосвязан с фокусом внимания, что и находит свое естественное выражение в речи. Таким образом, наличие связи между вниманием и речью неоспоримо. С одной стороны, речь позволяет организовывать внимание, например, посредством речевой команды, а с другой стороны, форма речевого высказывания непосредственно зависит от того, что в данный момент находится в фокусе внимания человека [Фаликман, 2006, с. 12].

Известный американский когнитолог Расселл Томлин экспериментально показал, как когнитивные характеристики реализуются в формальной структуре высказывания. Для выяснения когнитивных оснований грамматических выборов ученый создал анимационный фильм, состоящий из серии эпизодов, в которых поочередно одна рыба съедает другую. Основной единицей анализа является некое событие, которое характеризуется, прежде всего, изменением состояния параметров, которые находятся в определенных отношениях друг с другом в общем поле какой-либо ситуации. Испытуемые, описывающие просмотренный фрагмент в реальном времени, строили свои высказывания таким образом, что та рыба, на которой было сфокусировано внимание аудитории, выступала в качестве подлежащего в предложении, залог при этом менялся от активного к пассивному в зависимости от того, была ли эта рыба агентом или пациенсом действия. Таким образом, когда темная рыба, специально отмеченная для привлечения внимания, была съедена светлой рыбой, предложение выглядело так: «*The dark fish was eaten by the light fish*». Тот же самый эпизод, но с перефокусировкой внимания на светлую рыбу, описывалась следующим образом: «*The light fish ate*

the dark fish». Следует отметить, что при проведении эксперимента для получения более точного результата учитывались темпоральные характеристики внимания таким образом, чтобы человек не успел переключить внимание на другого участника действия.

Человек воспринимает информацию неравномерно, какая-то информация является для него базовой, а другая часть информации представляется наиболее важной в данный момент. Стоит отметить, что важнейшим свойством языка является нежесткость: то, что было новым, легко становится старым и наоборот. Во всякой ситуации человек различает движущиеся (потенциально движущиеся) объекты – фигуры и неподвижные, так называемый фон, на котором движутся фигуры [Рахилина, 1998, с. 289]. Следовательно, фигура чаще всего занимает синтаксическую позицию подлежащего и является агенсом действия, однако, в некоторых предложениях фигура и фон могут менять синтаксические позиции в зависимости от того, что именно попадает в фокус внимания говорящего. В предложениях: *Central China city was wrapped in dense fog* [People's daily online, URL]. *The fog wrapped the city from 7am and only lifted four hours later* [Orange news, URL]. в фокус внимания попадают поочередно фигура и фон соответственно, что приводит к изменению валентностной структуры предложения и акцентированию внимания на разных объектах. В первом предложении в фокусе внимания оказывается город (*Central China city*), тогда как во втором предложении внимание говорящего акцентируется на тумане (*fog*). Стоит отметить, что смысл одинаков в обоих предложениях, меняется только фокус внимания, в одном случае информационный акцент делается на город, в другом случае - на погодные условия. Л. Талми в своих исследованиях подробно описывает когнитивные процессы, обуславливающие структуру высказывания, и отмечает, что существуют определенные ограничения на возможность таких синтаксических перестановок: 1. *The bike is near the house*. 2. **The house is near the bike*. Второе предложение является неприемлемым с точки зрения объективных причин – в данном случае фон и фигура не соотносимы друг с другом [Talmy, 2000, p. 314]. Однако в некоторых случаях со сменой синтаксических позиций фигуры и фона смещается и информационное содержание. Так, например, в предложениях: *Troops were swarming the streets in Washington* [The Berry Examiner, URL]. *All of a sudden, the battlefield area was swarming with troops* [Customer review, URL]. изменение синтаксической структуры указывает на то, что в фокус внимания говорящего попадают различные признаки происходящей ситуации.

Чувственный образ настолько сильно запечатлевается сознанием, что меняется форма выражения в языке. В первом предложении синтаксическим субъектом предложения выступает агенс, поскольку фокус внимания направлен на непосредственное действие, тогда как во втором предложении синтаксическую позицию подлежащего занимает локатив, поскольку в фокусе внимания оказывается признак. Второе предложение представляет очень сильный образ предельной насыщенности объекта (*street*), именно это свойство обращает на себя внимание и затемняет все остальное, что приводит к изменению формы предложения таким образом, что объект производит действие, характерное для субъекта. *Kaffa and its ships swarmed with rats* (Shepherd Stella. *Black justice*, 1988 [BYU-BNC, URL]). *The few oases teem with birds* (Girling Richard. *The best of Sunday Times travel*, 1988 [BYU-BNC, URL]). *The streets are quite narrow and thronged with people* (Cornwell Bernard. *Sharpe's Waterloo*, 1990 [BYU-BNC, URL]). Важно отметить, что в предложениях такого типа очень отчетливо прослеживается наблюдатель, описывающий происходящее события. С перемещением локатива в синтаксическую позицию подлежащего меняется угол зрения, происходит расширение панорамы, взор охватывает большее пространство. В связи с перепрофилированием внимания говорящего с одной характеристики на другую, меняется валентность глагола, с помощью которой говорящий передает самые тонкие и важные связи и детали, уловленные и познанные сознанием человека. Таким образом, вариативность валентностных характеристик глагола сигнализирует о том, что мысль меняет информационный фокус, что находит свое проявление на синтаксическом уровне.

В рамках когнитивного подхода валентность как основное свойство глагола рассматривается на ментальном уровне и соотносится с понятиями фрейм и когнитивная модель, которая строится с полной реконструкцией основных компонентов деятельности. Глагол представляет собой свернутую, компрессионную структуру, способную фиксировать один или несколько компонентов из общей схемы довольно жестко, а другую часть сведений только имплицировать [Кубрякова, 1992, с. 88]. Профилирование внимания, следствием которого является включение того или иного фрагмента эпизода в высказывание, приводит к модификации структуры предложения: одни слоты получают развернутую репрезентацию, другие – свернутую, а третьи только имплицированы. Так, в структуру фрейма входят как обязательные элементы, так и факультативные, при этом в высказывании факультативные компоненты часто несут

основную информационную нагрузку. Например, *Myeloski had insisted on buying a pizza*. Данное предложение, как с точки зрения семантики, так и с точки зрения синтаксиса является грамматически релевантным законченным высказыванием с пресуппозицией, выражающей значение *Myeloski was hungry*. В случае добавления к этой структуре факультативного компонента (recipient) информационный фокус сместится на этот самый компонент: *Myeloski had insisted on buying Duncan a pizza* (пресуппозиция *Duncan was hungry*). Продолжим эксперимент – добавим еще один сирконстант (place): *Myeloski had insisted on buying Duncan a pizza at the latest Pizza Hut* (Shah Eddy. Ring of red roses, 1992 [BYU-BNC, URL]), фокус внимания сместился на последний элемент, то есть важной информацией становится детализация места (*at the latest Pizza Hut*). Таким образом, с точки зрения семантики факультативные члены предложения являются обязательными, так как на них смещается фокус внимания говорящего, и они несут на себе основную информационную нагрузку. В некоторых случаях отсутствие некоторых сирконстантов ведет к тому, что предложение становится бессмысленным. *Thousands of research reports, for example, annually die a sad, but predictable death, because the authors mistakenly believe their efforts should end once the report has been delivered to management* (Leigh Andrew. Twenty ways to manage better, 1992 [BYU-BNC, URL]). В случае опущения синтаксически факультативных членов предложения *sad but predictable*, предложение становится семантически неполным.

Таким образом, когнитивная лингвистика вносит существенный вклад в теорию валентности, а именно возможность объяснить ментальными процессами, такими как профилирование и перепрофилирование внимания, случаи вариативности валентностных характеристик глагола.

Литература

- Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005.
- Гальперин П.Я. К проблеме внимания. [Электронный ресурс]. URL: http://logiston.ru/library/galperin_attention
- Духовской Т.А. «Фокус внимания». [Электронный ресурс]. URL: <http://psychotype.ru/article/fokus-vnimaniya.html>
- Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.

Фаликман М.В. Общая психология. В 7-ми тт. М., 2006. Т. 4.

Talmy L. Toward a cognitive semantics. The MIT Press, 2000. Vol. 1.

Tomlin R.S. Mapping conceptual representations into linguistic representations: the role of attention in grammar. Language and conceptualization. Cambridge University Press, 1997.

Источники

BYU-BNC – British National Corpus. [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu>

Orange news. 7 November 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://web.orange.co.uk/article/quirkies/fairy_tale_city

The Barrie Examiner. Daily newspaper. 1 november 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thebarrieexaminer.com/ArticleDisplay.aspx?e=3292998>

Customer review. John Matlock, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amazon.com/Swarming-On-The-Battlefield-Present/dp/0833027794>

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ ЖИТЕЛЕЙ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА КОНЦА XVIII ВЕКА»

М.Г. Рыгалина

Ключевые слова: русские фамилии, лексикография, лингвокультурная информация.

Keywords: Russian surnames, lexicography, lingvo-cultural information.

Начиная с 90-х годов XX века в отечественной ономастике ведется масштабная работа по созданию словарей русских фамилий отдельных регионов страны и различных исторических периодов. За последние двадцать лет в свет вышли более десятка лексикографических работ, в центре внимания которых оказались русские региональные фамилии и фамилиеобразующие основы [Королева, 2006; Короткевич, 2009; Кюршунова, 2010; Мосин, 2000; Парфенова, 2005; Полякова, 1997, 2005; Чайкина, 1995 и др.]. Особое внимание ученых к лексикографированию русских фамилий, распространенных на разных территориях страны в ту или иную эпоху, обусловлено тем, что их сбор и качественная обработка являются

зачастую единственной возможностью воссоздания по крупницам русского национального антропонимикона.

Учитывая предшествующий опыт создания словарей русских фамилий на материале антропонимов, извлеченных из региональных памятников письменности того или иного периода, а также насущную потребность современной лексикографии в привлечении новых аспектов и способов описания языковых единиц, нами предпринята попытка разработки принципов организации «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Кольвано-Воскресенского горного округа конца XVIII века».

В своих теоретико-методологических основах проектируемый словарь опирается на постулат антропоцентрической лингвистики о глубокой и многосторонней взаимообусловленности фактов языка и фактов внеязыковой реальности и представляет собой комплексное лексикографическое произведение, призванное осветить целый ряд различных вопросов.

Так, в связи с историко-региональным характером словаря, определяемым спецификой описываемого в нем материала, разносторонне отражающего прошлое региона, требуется:

– представить полный список фамилий жителей верхне-обских слобод Кольвано-Воскресенского горного округа последних десятилетий XVIII века как одного из важнейших компонентов антропонимической формулы русского человека в период ее активного становления;

– установить степень уникальности фамилий рассматриваемого региона в период его массового освоения русскими поселенцами на фоне фамилий других территорий Российского государства на стадии оформления данной антропонимической категории.

В связи с этимологическим аспектом словаря, включение которого обусловлено традиционным взглядом на семантику фамильных основ, устанавливаемую этимологически, необходимо:

– обобщив предшествующий опыт этимологизирования рассматриваемых фамилий, предложить этимологии для ранее не описанных фамильных основ;

– основываясь на совокупности языковых и внеязыковых критериев этимологического анализа русских фамилий, пересмотреть и откорректировать некоторые из предложенных в научной литературе этимологических гипотез.

Способностью русских фамилий запечатлевать и хранить в своих основах информацию о породившей их историко-культурной среде

обосновывается обращение к лингвокультурологическому подходу в лексикографировании данного вида антропонимов. В связи с этим возникает вопрос о принципах выявления лингвокультурной составляющей в структуре основ описываемых фамилий и способах ее представления в словаре.

В соответствии с основными задачами проектируемого словаря в структуру словарной статьи включаются следующие информационные блоки:

- заголовочная единица;
- блок историко-региональной информации;
- этимологический блок;
- лингвокультурологический блок.

Источником фактической базы словаря и иллюстративного материала для словарных статей являются рукописные памятники официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII века, хранящиеся в Центральном хранилище архивных фондов Алтайского края¹. В словарь вошли все фамилии, извлеченные путем сплошной выборки из данных документов. Принцип отбора фактического материала обусловлен задачей словаря максимально отразить фамильный антропонимикон рассматриваемого региона конца XVIII столетия. Этим же обоснован и общий принцип построения разрабатываемого словаря – полексемный: в нем объясняется каждая отдельная фамилия в алфавитном порядке с учетом требований современного алфавита. В качестве самостоятельных лексикографических единиц в словаре представлены, в том числе, антропонимы, квалифицируемые как фонетико-орфографические и словообразовательные варианты одной фамилии, ввиду вероятности их генетической автономности и юридической самостоятельности.

В качестве объекта словарного описания, заголовочной единицы проектируемого словаря, которая вводит словарную статью, выступает русская фамилия. Фамилии в словаре приводятся в форме мужского рода именительного падежа единственного числа. Отсутствие указания ударения в фамилиях, грамматических, лексических, стилистических и др. помет вызвано спецификой лексикографируемого материала.

¹ К исследованию привлекались именные списки населения Колывано-Воскресенского горного округа 1782–1796 гг. – ЦХАФ АК. Ф. 169, о. 1, дд. 184, 188, 221, 226, 231, 811, 818, 819, 822, 825, 832, 833, 834, 874.

Историко-региональный блок словарной статьи открывается иллюстративными примерами бытования фамилии в документе официально-деловой письменности Кольвано-Воскресенского горного округа конца XVIII века. В иллюстрирующий фрагмент текста включаются: полная антропонимическая формула носителя фамилии, его административно-территориальная прикреплённость в момент фиксации данных в памятнике письменности, время создания документа и ссылка на свидетельствующий источник. Другие сведения о носителе фамилии, такие как его профессия, социально-имущественное и семейное положение, в иллюстрациях словарных статей не отражены, поскольку данная информация является дополнительной, имеющей существенное значение лишь в случае постановки специальных генеалогических задач. Иллюстративный материал, как и фамилия, вынесенная в заголовок словарной статьи, представлены в аутентичной орфографии памятников официально-деловой письменности.

В исторический блок словарной статьи включаются также сведения о ранней фиксации фамилии и ее основы (некалендарного имени, прозвища) в других регионах Российского государства. Для установления факта распространения фамилии в тех или иных регионах Российского государства использовались словари-справочники Н.М. Тупикова (1903) и С.Б. Веселовского (1974), а также большинство изданных на сегодняшний день словарей русских фамилий и фамильных основ, содержащих документированную историко-региональную информацию. В этом фрагменте исторического блока словарной статьи указываются данные о месте (город, регион) проживания носителей фамилии и времени фиксации фамилии в документе без приведения полной антропонимической формулы именуемого и сведений о его социально-профессиональном статусе. Подобная информация позволяет судить о степени уникальности антропонимикона рассматриваемого региона в период его активного заселения русскими.

Этимологический блок информации словарной статьи включает гипотезу (одну или несколько) о характере основы фамилии и ее ближайшую семантическую реконструкцию. Для установления апеллятива, к которому восходит основа фамилии, главными источниками являлись исторический словарь – «Словарь русского языка XI–XVII веков» (СРЯ XI–XVII веков); сводный диалектный словарь – «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), а также «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (Даль).

Кроме того, при этимологизировании фамильных основ активно привлекались многие изданные антропонимические словари – словари русских фамилий, календарных и некалендарных личных имен, а также материалы к ним; помимо перечисленных выше, ср. также: [Ганжина, 2001; Житников, 1997; Никонов 1993; Петровский, 1984; Трубочев, 1968 и др.]. В отдельных случаях использовались данные «Словаря русского языка XVIII века» (СРЯ XVIII века), «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС).

Согласно современному определению этимологического анализа лексической единицы как восстановления на основе ее внутренней формы фрагмента духовной или материальной культуры, обуславливающего эту форму [Агиенко, 2002, с. 12], семантическая реконструкция фамильной основы глубоко связана и с процедурой экспликации лингвокультурной информации, описываемой в лингвокультурологическом блоке словарных статей.

По характеру лингвокультурной информации, транслируемой фамильными основами, русские фамилии не представляют собой целостного единства. В понимании специфики лингвокультурной составляющей фамильных основ мы обращаемся к различию «каналов», посредством которых происходит передача историко-культурной информации, – денотативного и коннотативного компонентов лексического значения языкового знака. Источниками для лингвокультурологического комментирования фамильных основ являются материалы словарей, энциклопедий и монографических трудов по истории России [Ключевский, 1987]; русского быта [Даль, 2002; Костомаров, 1992 и т.д.], славянской мифологии [Гура, 1997; СМ, 2002; Славянские древности, 1995–2009 и др.].

Итак, по характеру лингвокультурной информации, заключенной в основах фамилий, в создаваемом «Лингвокультурологическом словаре русских фамилий...» можно выделить два основных типа словарных статей.

1. Лингвокультурный компонент фамильных основ может представлять собой разноплановую информацию о материальной культуре русского общества рассматриваемого периода. Эти сведения транслируются через денотативный компонент лексического значения апеллятивов, к которым восходят основы анализируемых фамилий, употребление которых хронологически или территориально ограничено. В данном случае подача информации культурного плана заключается в объяснении того или иного историзма или архаизма,

содержащих необходимый минимум экстралингвистических сведений о понятии.

Образец словарной статьи

Пустовалов *Василей Трофимов Пустовалов, Бийский уезд, 1796 г.* [Д. 874, л. 10]. Фонетический вариант фамильной основы *Полстовалов* отмечен в 1545 году в Новгороде [Веселовский, 1974, с. 253], фамилии *Постовалов* – в 1748 году в Зауралье [Парфенова, 2005, с. 318–319].

Основа фамилии восходит к сохранившемуся в говорах *пустовал* – «шерстобит» (Перм., 1897 год, Дон.) [СРНГ, т. 33, с. 143], являющемуся фонетическим искажением от *полстовал* – «валяльщик шерстяных покрывал – полстей» (Дон.) [Федосюк, 2002, с. 164], ср. также *постовал* – «валяльщик» (с 1580 года) [СРЯ XI–XVII веков, т. 17, с. 247].

2. Высоким уровнем лингвокультурной информативности обладают фамильные основы, которые позволяют эксплицировать сведения о духовной культуре, некоторых ценностных ориентирах и установках, посредством коннотативного компонента значения апеллятива, к которому они восходят. Экспликация лингвокультурной информации в данном случае состоит в описании возможных мифопоэтических значений того или иного предмета или явления, положенного в основу антропонима, в русской традиционной культуре и образует этимологический и лингвокультурологический блоки словарных статей.

Образец словарной статьи

Космачев *Иван Дмитриев Космачев, д. Озерной Тальменской слободы, 1795 г.* [Д. 834, л. 69]. Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в 1470 году, 1610 году, в том числе в Кашине [Веселовский, 1974, с. 159].

Основа фамилии восходит к экспрессивному имени *космач* – «кто ходит раскосматясь, нечесанным, всклочив волосы»; *ходить космачем* – «простоволосым, без шапки» (Сиб.) [Даль, т. 1, с. 759], ср. также *космач* – «человек с непокрытой головой, без головного убора» (Яросл., 1918 год) [СРНГ, т. 15, с. 56]. Ономастический характер номинации отмечается и в исторических памятниках: *космач* – «о косматом, гривастом (как кличка)» (с 1666 года) [СРЯ XI–XVII веков, т. 7, с. 360–361]. При этом в именовании отражается ряд культурно обусловленных смыслов: с одной стороны, ввиду значимого в традиционном этикете противопоставления «обнаженная – покрытая голова» негативно расценивалось отсутствие головного убора [СМ, с. 491–492], с другой – наличие густых, длинных волос согласно

народным воззрениям считалось средоточием жизненных сил, показателем богатства, плодovitости, могущества, духовной силы, обусловленных связью с потусторонним миром [Славянские древности, 1995, т. 1, с. 420]. Ср. параллелизм понятий богатства, обеспеченности и «косматости» в фольклорных текстах: «*Пес космат, ему ж тепло, а мужик богат, ему ж добро*», «*Косматому теплота, голодному нагота*» [Даль, т. 1, с. 759].

В целом, разрабатываемый «Лингвокультурологический словарь русских фамилий...» призван отразить как сложившиеся в ономастике традиции лексикографического описания историко-регионального антропонимического материала, так и некоторые инновационные черты, связанные с поиском методов экспликации историко-культурной информации, заключенной в фамильных основах, и способов ее представления в словаре.

Литература

- Агиенко М.И. Внутренняя форма слова как элемент духовной культуры народа // Филологический сборник. Кемерово, 2002. Вып. 2.
- Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.
- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян. Челябинск, 1997.
- Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти тт. М., 1987. Т. 1.
- Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск, 2006.
- Короткевич М.А. Словарь фамильный образований владимирских и рязанских памятников письменности XV–XVII веков. Уфа, 2009.
- Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.
- Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII веков. СПб., 2010.
- Мосин А.Г. Словарь уральских фамилий. Екатеринбург, 2000.
- Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993.
- Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). М., 2005.
- Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1984.
- Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий : словарь. Пермь, 1997.
- Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь : В 5-ти тт. М., 1995–2009. Т. 1–4.
- Трубачев О.Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России // Ономастика 1966. М., 1968.
- Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Федосюк Ю.А. Русские фамилии. М., 2002.
- Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии : Этимологический словарь. Вологда, 1995.

Список сокращений

- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002. Т. 1–2.
МАС – Словарь русского языка : в 4-х тт. М., 1985–1988.
СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2008. Вып. 1–42.
СРЯ XI–XVII веков – Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1975–2008.
Вып. 1–28.
СРЯ XVIII века – Словарь русского языка XVIII века. М., 1984–2011. Вып. 1–19.

«КУЗНЕЦК ДОСТОЕВСКОГО» В МАТЕРИАЛАХ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ

И.А. Пушкарева

Ключевые слова: газетно-публицистический текст, городская газета, регулятивные средства, имя собственное, смысловая лексическая парадигма.

Keywords: newspaper and publicistic text, city newspaper, regulative means, proper name, sense lexical paradigm.

Состоявшееся в Одигитриевской церкви Кузнецка 6 февраля 1857 года венчание Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой, став частью истории города, определило важные черты культурного пространства современного Новокузнецка (о концепте «Кузнецк Достоевского» см.: [Басалаева, 2011, с. 99–104]). Образ «Кузнецка Достоевского» отражен в материалах старейшей городской газеты «Кузнецкий рабочий» (были рассмотрены материалы 2002–2012 годов, размещенные на официальном сайте <http://kuzrab.ru/>).

Предпринятый анализ основан на наблюдении за лексическими средствами, выполняющими важную семантико-стилистическую роль в воплощении образа города. Особое внимание уделено имени собственному (далее – ИС) как регулятивному средству. Согласно характеристике Н.С. Болотновой, с помощью регулятивных средств «выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [Болотнова, 2008, с. 167]. Важным регулятивным средством является оним. (В статье используется ономастическая терминология Н.В. Подольской [Подольская, 1988].) В ходе исследования были выявлены содержащие онимы смысловые

лексические парадигмы (далее – СЛП) – регулятивные структуры, основанные на актуализированных в тексте парадигматических связях лексических единиц (см. о них: [Болотнова, 2008, с. 191]).

Традиционно рассматривается роль ИС в художественном тексте (например: [Фонякова, 1990; Лукин, 1999; Васильева, 2005]). Оним стал объектом внимания и для коммуникативной стилистики текста. Так, И.И. Бабенко исследует коммуникативный потенциал некоторых ИС в лирике М. Цветаевой [Бабенко, 2001, с. 19–20]. Значимость ИС как регулятивного средства в газетной публицистике чрезвычайно велика. На этапе восприятия текста проявляются следующие особенности коммуникативного потенциала онимов: во-первых, ИС выделены в тексте уже благодаря орфографической норме – читателю легче заметить их среди слов, написанных со строчной буквы; во-вторых, ИС позволяют тексту найти своего читателя, которому важна обозначенная онимом отсылка к референту. В.А. Лукин отмечает, что в художественном произведении «в начале текста, при первом употреблении, ИС – индексальный знак, подобный неопределенному артиклю» [Лукин, 1999, с. 30]. При начальном восприятии газетно-публицистического текста возможны два случая: 1) ИС – индексальный знак, указывающий на референт, «который получатель воспринимает как некоторый X» [Лукин, 1999, с. 30], но, в отличие от X художественного текста, этот X мыслится как реально существующий объект (за исключением отдельных произведений художественной публицистики); 2) ИС «становится вербальным признаком описываемого объекта» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 51], в той или иной степени знакомого адресату. Соответственно, ИС привлечет к дальнейшему общению с текстом того адресата, который хочет получить информацию об обозначенном референте. На этапах понимания и интерпретации текста не только актуализируются определенные участки фоновых знаний читателя, связанных с ИС, но и вводится новая информация, ИС становится компонентом смысловой структуры текста. Безусловно, в газетной публицистике ИС «светит отраженным светом развернутого текста» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 53] далеко не в той степени, как в художественном тексте, однако употребление онимов также связано с авторской концепцией и характерными для нее акцентами.

В материалах о кузнецких днях писателя Новокузнецк, с одной стороны, предстает перед нами как один из городов, причастных к судьбе гения, с другой стороны, он по-своему уникален. Различные топонимы (ойконимы (астионимы), эргонимы, урбанонимы: хоронимы, агоронимы, годонимы, экклезионимы, ойкодомонимы) наряду с апеллятивами

участвуют в создании пространственно-временного образа города. Например: *Не случайно сегодня улица носит имя Достоевского* (М. Шамова, 29.03.2008); *Литературоведы считают, что наш город – единственный из всех сибирских городов, который был отмечен для писателя радостью* (А. Ночка, 13.11.2010). Благодаря образу, созданному на страницах городской газеты, город предстает перед нами в единстве прошлого, настоящего и будущего, как пространство не только физическое, но и духовное.

Новокузнецк сравнивается с другими городами, связанными с судьбой Достоевского, с помощью СЛП астионимов, соотносенных с гиперонимом *город Достоевского*: *В России это Петербург, Москва, Омск (кстати, готовящийся к своему 300-летию), Семипалатинск, Тверь, Старая Русса. За рубежом городами Достоевского являются Неаполь, Дрезден, Висбаден, Базель* (И. Басалаева, 01.12.2011). В материалах городской газеты чаще всего, наряду с Кузнецком – Новокузнецком, упоминаются Петербург, Семипалатинск и Омск. *Петербург* неоднократно характеризуется как город Достоевского, тесно с ним связанный и чтящий его память. Интересно, что возникает основанная на связи пересечения СЛП астионимов «Кузнецк – Петербург»: *Не забудем, правда, что в 1857 году мифические составляющие Кузнецка и Петербурга чудесным образом соединились: здесь, в церкви Божьей Матери Одитриш, венчался Федор Михайлович Достоевский с Марией Дмитриевной Исаевой. Возможно, это тоже можно отнести в область мифов, но свою большую, страдающую музу Достоевский привез в Петербург из Кузнецка* (В. Валиулин, 12.03.2009). *Семипалатинск* предстает перед читателем как место, где Достоевский отбывал бессрочную солдатскую службу (М. Шамова, 29.03.2008) *в гарнизоне в качестве рядового солдата* (Е. Казьмина, 01.03.2008), где произошло вхождение в круг семипалатинской интеллигенции (Е. Казьмина, 01.03.2008) и, конечно же, случилось настоящее чудо – встреча с Марией Дмитриевной (*Находясь в Семипалатинске, Ф.М. Достоевский в 1854 году познакомился с М.Д. Исаевой.* – В. Инов, 11.11.2010). *Омск*, по мнению авторов, не только связан с судьбой Достоевского, но и умеет дорожить этой связью. Так, воссоздать страшные реалии жизни осужденного Достоевского помогает ойкодомоним *Омский острог*: Е. Трухан пишет о том, что *наряду с графикой в новокузнецкий музей Достоевского “приехал” подлинный экспонат – ножные кандалы XIX века из Омского острога. В нем Достоевский, осужденный по делу петрашевцев, отбывал четыре года* (22.12.2011). В другом материале этого же автора – отзыве о театрализованном представлении в музее –

значима антонимическая СЛП, противопоставляющая *тяжелые испытания в Омском остроге и спасительную любовь, возродившую желание жить*. В газетных материалах также используются современные эргонимы Омска, эксплицирующие смысл памяти о Достоевском: чаще всего упоминается *Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского*, названы *Омское книжное издательство*, выпускающее произведения великого писателя, *Омский государственный педагогический университет* (из городской газеты мы узнаем, что работы профессора кафедры живописи *ОМГПУ* Георгия Кичигина представлены на выставке «Мир романа “Записки из Мертвого дома” в работах Леонида Ламма и сибирских художников». – Е. Трухан, 22.12.2011). СЛП астионимов *«Кузнецк (Новокузнецк) – Омск»* связана с выражением оценочной позиции авторов публикаций. С одной стороны, Кузнецк выигршно отличается от Омска как город, старший по возрасту (так, И. Басалаева (01.12.2011), говоря об Омске, использует парентезу: *кстати, готовящийся к своему 300-летию*), город, в котором есть *подлинный* дом, где жила Исаева (Т. Тюрина, 17.06.2003). С другой стороны, представленное сопоставление отражает лишь внешний слой оценочной позиции, глубокий же слой, напротив, подчеркивает несомненное преимущество Омска, умеющего хранить и чтить память о великом писателе: *В Омске, говорит Константин, литературный музей Достоевского еще дальше от автобусной остановки, чем наши. В нашем музее сам дом подлинный, именно тот, где жила Исаева. В Омске и этого нет. Но там потоком идут люди. У нас же городской туризм не развит* (Т. Тюрина, 07.06.2003). Таким образом, умение хранить память о Достоевском в Омске, согласно подходу авторов городской газеты, является образцом для новокузнецчан. Подобное оценочное сопоставление, где выражена критическая позиция авторов статей по отношению к тому, насколько новокузнецчане осознают принадлежность их города к *городам Достоевского*, передается также антонимическими СЛП астионимов, именующих не только далекие города (*Киев, Кишинев, Петрозаводск*), но и, например, близлежащий *Междуреченск*: *Междуреченск, заштатный городок Междуреченск, бережно собирает и хранит все, связанное с его короткой историей, и не стесняется гордиться ей. Мы, имея мирового значения раритет, сидим на нем так, как неразумные люди сидят на сундуке с сокровищами и делают вид, что в нем не драгоценные изделия, а давно девальвированные рубли и копейки* (В. Валиулин, 11.11.2010).

Безусловно, в организации информационного пространства текстов городской газеты значимы астионим *Кузнецк* и образованные от него имена прилагательные, которые определяют соответствующий период в

жизни Достоевского и связанные с ним события (*кузнецкий период, кузнецкие дни, кузнецкая страничка из жизни Достоевского, кузнецкая жизнь, кузнецкая история, кузнецкая коллизия, кузнецкие впечатления, кузнецкое письмо*), окружавших его людей (*кузнецкое окружение*), особенности города, уклада жизни в нем (*кузнецкая глушь, кузнецкие кумушки*). Отметим смысловую нагрузку отдельных лексических средств, включенных в контексты с астионимом *Кузнецк* и его производными. Важная роль сватовства к Марии Дмитриевне и венчания с ней в судьбе Достоевского отражается в употреблении имени существительного «*период*» («промежуток времени, в течение которого что-нибудь происходит (начинается, развивается и заканчивается)» [Ожегов, 1973, с. 470]), ведь речь идет о двадцати двух днях, которые неоднократно охарактеризованы с помощью эпитетов: «*стремительные и драматичные*» (Е. Трухан, 14.02.2012), «*короткий (период), но плотный, насыщенный*» (Н. Каменева, 23.11.2006). Напряженность, драматизм этого периода отражаются также в употреблении имени существительного «*коллизия*» – «столкновение каких-нибудь противоположных сил, интересов, стремлений» [Ожегов, 1973, с. 260]. Роль кузнецких событий подчеркнута включением слова «*судьба*»: *С Кузнецком оказалась связана его судьба* (М. Шамова, 29.03.2008). Оним *Кузнецк* неоднократно употребляется в газете в переносном значении. Например, как некий рубеж, поворотный этап Кузнецк представлен в заголовке отзыва В. Немирова «*Достоевский до и после Кузнецка*», рассказывающего об экспозиции в музее Достоевского «Человек есть тайна...» (12.03.2005). Здесь астионим передает значение, основанное на метонимии, – «кузнецкие события». Такого типа перенос характерен для осмысления важной роли какого-либо события в истории. Экспрессивно нагружен метонимический контекст из аналитической корреспонденции В. Валиулина «*Достойные есть*» (09.09.2010): *И только после Кузнецка, обвенчавшего его с музой, становится он великим писателем*. Журналист строит высказывание таким образом, что метонимическое по сути свертывание информации подается с эффектом олицетворения.

Дорожа прошлым, газета воссоздает особенности жизни в Кузнецке середины XIX века. Мы наблюдаем различные точки зрения на Кузнецк, что свидетельствует о разнообразии авторских взглядов в публицистическом дискурсе. Наряду с общей характеристикой «*уездный город*» (например, Е. Трухан, 14.06.2012) встречаются конкретизированные характеристики, градуирующие признак и представляющие его противоположные проявления: *В середине XIX века город был не захолустным местечком, это была русская провинция, здесь*

имелись своя интеллигенция, свое общество (Н. Каменева, 22.03.2007) – в заштатном уездном городке Кузнецке (В. Валиулин, 11.02.2010) – из затхлой сибирской глуши (В. Валиулин, 11.11. 2010). В пространстве Кузнецка выделяются *дом*, в котором жила М.Д. Исаева, *улица*, на которой этот дом стоял и стоит до нашего времени, и *церковь*, в которой происходило венчание. Оживление образа Кузнецка времен Достоевского происходит с помощью эмоционально-экспрессивных средств и введения деталей. Так, улица названа с помощью деминутива *улочка*, для воссоздания атмосферы уездного городка используется образ *кузнецких кумушек*.

Наибольшая конкретизация характерна для материалов, рассказывающих о венчании. Ключевую роль в таких контекстах играет экклезионим *Градо-Кузнецкая Одигитриевская церковь*. Событие венчания воссоздается с введением эмпирических ассоциаций (*студеным февральским днем*), воспоминаний современников: *Свидетели отметили, что жених был мужчина видный собой, а невеста – нарядна и красива* (В. Валиулин, 11.02.2010). Тема венчания представлена богатым фактическим материалом, в том числе включается информация о документе, название которого также приводится: *«Обыск брачный № 17»*. Эта информация позволяет, с одной стороны, погрузиться в подробности заключения брака в XIX веке, а с другой стороны, связана с «расследовательским» характером современной журналистики. В отзыве-анонсе Елена Трухан, дав терминологическое пояснение во вставке – (*предбрачное свидетельство, составлявшееся служителями церкви перед венчанием*), – рассказывает захватывающую историю об обретении этого ценного документа: *Так, метрическая запись о бракосочетании служащего Сибирского линейного батальона №7 прапорщика Ф.М. Достоевского и вдовы М.Д. Исаевой 6 февраля 1857 года в Одигитриевской церкви, несмотря на то, что впервые была опубликована еще в 1892 году в журнале “Русская старина” исследователем В.И. Семеновым, в историографии отмечалась как несохранившаяся. Но в XXI веке произошло настоящее чудо. В начале 2000-х годов специалистами Государственного архива Новосибирской области, куда были переданы и документы по Одигитриевской церкви Кузнецка, был проведен комплекс работ по научно-технической обработке фондов метрических книг. И как результат – обнаружился консисторский экземпляр метрической книги Одигитриевской церкви города Кузнецка. На ее листах 45об.–46 за 1857 год – метрическая запись о бракосочетании Достоевского!* Рядом с терминологической лексикой и разнообразными оными, создающими эффект точного,

основательного изложения, мы встречаем экспрессивные средства, выражающие трепетное отношение автора к находке (выражение *настоящее чудо*, восклицательное предложение с эллипсисом). «Кузнецкий рабочий» дает также информацию о священнике, венчавшем Достоевского и Исаеву, – *Е.И. Тюменцеве*. Антропоним включен в описательные контексты, например: *Венчал молодых священник Тюменцев. Судя по воспоминаниям современников, был он высокообразованным, высоконравственным человеком, творческой, интересной личностью...* (очерк Н. Каменевой «Далекое близкое», 22.03.2007). Образ церкви важен не только в фактическом плане. Ключевая роль экклезионима подчеркивается контекстами, в которых он осмысливается в символическом плане, причем неоднократно приводится этимологическое значение греческого по происхождению онима. Так, Е. Трухан связывает с названием церкви – *Богоматерь Одигитрия (Путеводительница)* – символический смысл, звучащий в строчках из письма Достоевского к М.Д. Исаевой и значимый в его судьбе: *«Одно то, что женищина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни»* (14.02.2012). В работах В. Валиулина мы встречаем следующие высказывания: *И это будет справедливо, поскольку Одигитрия с греческого – «путеводительница». Путь Достоевского в большую литературу и начался после его венчания со своей Музой* (03.12.2009); *<...> будущий великий русский писатель обрел свою музу, свою Одигитрию – путеводительницу, вдохновительницу и прототипа многих своих героинь; Одигитрия с греческого – «путеводительница»* (11.02.2010). Осознание ключевой роли антропонима *Достоевский* и экклезионима *Одигитриевская церковь* в культурном пространстве города проявляется и в контекстах, выражающих неодобрительную социальную оценку. В данном случае названные онимы служат знаками контрастного мелиоративного полюса: *Да простят мне столь чудовищное сравнение, но наркотики для Форштадта стали такой же визитной карточкой, как Достоевский и Одигитриевская церковь* (Т. Эмих, 08.04.2006).

Итак, журналисты «Кузнецкого рабочего» говорят о пребывании Достоевского в Кузнецке как о прикосновении города и горожан к высокому, о возможности обогащения духовного пространства города, которая, согласно позиции авторов городской газеты, основана на памяти. Стремиться к достойному будущему города для журналистов «Кузнецкого рабочего» – значит изучать

историю родного города, чтить память об особенно значимых ее страницах, к которым относится и история любви великого писателя и М.Д. Исаевой.

Литература

- Бабенко И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.
- Басалаева И.П. «Концепт “Кузнецк Достоевского”» // Творчество Ф.М. Достоевского : проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 2011.
- Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Томск, 2008.
- Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
- Лукин В.А. Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973.
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОТРАЖЕНИИ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ ВЦИК» 1920–1925 ГОДОВ

М.В. Сагалаева

Ключевые слова: «Известия ВЦИК», 1920-е годы, зарубежная литература.

Keywords: Izvestiya VZIK, 1920s, foreign literature.

Советская Россия в первые послереволюционные годы восстанавливала жизнь внутри страны и налаживала отношения, в том числе и культурные, с другими государствами. Составить правильное, с точки зрения официальной власти, впечатление у граждан о зарубежье могла массовая печать.

«Известия ВЦИК», как одна из основных центральных газет, помещала на своих страницах и материалы, связанные с литературой. Значительное место, отдаваемое под них, объяснялось той ролью, которую литературе отводило большевистское руководство. Эта область искусства становилась мощным средством агитации и пропаганды.

С начала исследуемого периода все чаще на страницах «Известий» появляются имена зарубежных авторов. По тому, как о них отзывались,

можно судить об отношении к ним партийного руководства. Изученные материалы за 1920–1925 годы позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, кто именно из зарубежных писателей мог претендовать на звание друга советского народа. Во-вторых, как влияли отношения с разными странами на популярность в России авторов-представителей этих стран и наоборот. В-третьих, каким должно быть произведение, его тема, герои, пафос.

Влияние на отношения России с остальным миром оказала и Первая мировая война, и Октябрьская революция, и события, происходившие в других странах. Чаще всего на страницах «Известий» упоминаются названия европейских государств. В начале исследуемого периода в газете появляется статья известного литератора и журналиста Михаила Левидова «Гипократово лицо», в которой он говорит о духовном умирании буржуазной Европы. По мнению автора, *«буржуазным странам Европы нечем обмениваться, ибо на рынке духовных ценностей царит полное бестоварье, ибо буржуазная Европа переживает идеологический крах, идеологический голод»*¹. Можно сказать, что статья Левидова определила градус и тональность газетных материалов, посвященных зарубежным странам: любое упоминание об этих странах сопряжено с понятиями «крах», «голод», «умирание».

В дальнейшем отношение к странам Европы и их культурному наследию изменится в лучшую сторону. Одним из первых шагов в этом направлении можно назвать Генуэзскую конференцию 1922 года. В беседе с корреспондентом «Известий» нарком просвещения А.В. Луначарский связывает с ней оживление международных отношений, которое *«с одной стороны, даст новый толчок за рубежом интересу к русскому искусству, с другой – известную опору ему за границей»* [1922. 23 апреля].

Налаживание литературных отношений с Западом можно и дальше наблюдать по материалам «Известий». В газете говорится о работе советского отдела на международной книжной выставке во Флоренции в июле 1922 года, об Обществе Друзей Новой России, цель которого – ознакомление *«широких масс Европы с истинным положением дел в России»* [1923. 28 августа]. Кульминацией становится проведение в 1924 году международного совещания пролетарских писателей. Оно объединило представителей Франции, Германии, Латвии, Литвы,

---

¹ Гипократово лицо // Известия ВЦИК. 1920. 21 июля. Далее ссылки на газету «Известия ВЦИК» даются в тексте статьи с указанием в квадратных скобках даты выхода.

Италии, Румынии, французских колоний, различных народностей СССР. Здесь обсуждались вопросы развития литературы, причем это была уже не литература отдельных стран, а литература общая – пролетарская; было принято решение о создании во всех странах таких же, как в СССР, ассоциаций пролетарских писателей. Своей задачей участники видели *«втягивание всех пролетариев, приобщающихся к поэтическому творчеству, и развитие этих низовых творческих сил»* [1924. 12 июля]. Озвученная на совещании поэтом Этьеном Лакостом мысль подтвердила основную цель литературы: *«...искусство вообще и художественная литература в частности являются сильнейшим орудием воздействия на массы; поэтому чрезвычайно важно использовать искусство возможно полнее для революционных целей»* [1924. 12 июля]. То есть убеждение советской власти о существовании пролетарской литературы, об идеологической составляющей литературы как таковой разделяли представители других стран.

Особое значение для России в изучаемый период имели отношения с Германией и Францией. Германия – первая страна, признавшая РСФСР де-юре как государство, с опытом строительства социалистической советской республики и попыткой захвата власти коммунистами. В 1923 году в России открывается выставка немецкой книги, а в Лейпциге на книжной выставке успешно работает павильон Госиздата, о чем сообщают «Известия». В материалах о первой из них приведено мнение наркома просвещения А.В. Луначарского, которое практически противоположно словам о духовном умирании Европы. Он придает очень большое значение культуре Запада и отмечает, *«что немецкая культура всегда была близка России. Теперь, когда мы завалены работой по строительству своей страны, Запад идет впереди нас в области культурной»* [1923. 4 сентября], а также что *«в области изящной литературы немецкий народ стоит к нашему сердцу ближе, чем какой-либо другой. Немецкая поэзия, немецкая беллетристика пронизана социальными тенденциями, известными философскими идеями»* [1923. 16 сентября].

О налаживании связей с Францией говорят заголовки материалов газеты, например, «Французские авиаторы в редакции “Известий ЦИК СССР и ВЦИК”», «Андрэ Марти в Москве», лозунг на первой полосе «Парижская Коммуна – первая попытка организовать правительство рабочего класса. Но осуществила заветы Парижской Коммуны только Советская власть».

В сфере литературы Францию и Россию объединяют общие традиции. Известный литературный критик и историк западной

литературы, постоянный автор «Известий» Борис Гимельфарб считал, что Россия и Франция – две страны, являющие *«собой пример исключительного развития социального романа и социальной поэзии, т.е. искусства, проникнутого так-называемой “гражданской скорбью”, протестом против существующего общественно уклада и сочувствием ко всем обездоленным и угнетенным»* [1924. 6 января].

По материалам «Известий» можно увидеть, какие требования предъявлялись к зарубежной литературе. Произведения должны были быть пропагандистскими, отражать пафос борьбы за победу революции, показывать сострадание к угнетенным, изображать быт; автору, как и герою, желательно быть пролетарием; слог должен быть понятным, язык – образным.

Быть пропагандистской здесь, с одной стороны, значит, что книга должна повлиять на зарубежного читателя, под правильным углом показать свершающееся в России, а с другой стороны, советский читатель должен видеть, что революция – явление всемирное, он должен понять, что это единственный верный путь. Этим требованиям вполне соответствует изданный в 1922 году сборник Генриетты Роланд-Гольст «Лирические драмы», где изображена Советская Россия, говорится о программе РКП и задачах Октябрьской революции, идеологии 1905 года. *«И несомненно, написанные с большой убежденностью, драмы Роланд Гольст сыграли свою значительную агитационно-пропагандистскую роль. Они познакомили западно-европейского читателя с ходом российской пролетарской революции, с ее задачами и великими целями»* [1922. 10 ноября].

В зарубежном произведении должна быть изображена борьба за свободу, против угнетателей и капиталистического строя. По ходу действия герой романа «В поисках правды» Самуэль Прескот *«окончательно убедился, что единственный путь борьбы за справедливость – путь социализма»* [1924. 9 мая].

От зарубежных писателей, в отличие от русских, не требуют научиться бытописанию, но изображение быта приветствуется и отмечается отдельно. Так, *«Синклер рисует картины потрясающей нищеты рабочей массы, которая, ведя отчаянную борьбу за существование, идет к медленной, но неизбежной гибели под гнетом полного бесправия и тяжелого, беспросветного труда»* [1923. 28 июня]. Можно предположить, что изображение непростого быта рабочих других стран должно было объединить их с трудящимися массами Советской России, вызвать сострадание, показать, что и они, и мы хотим достичь общих целей.

По мнению газеты, автор должен говорить ярко, образно, чтобы быть более убедительным, чтобы его слова находили отклик в душе читателя. Карло Гольдони, как характеризуется он в «Известиях», *«всем сердцем любил и понимал то широкое третье сословие Италии XVIII века, которое он выводил в своих комедиях. Он – “служитель черни”, “плебей” по своим вкусам и понятиям, сочно и ярко передающий самую толщу жизни и мастерски умеющий заключать каждую пьесу в стройные технические рамки»* [1923. 20 июля]. Поэтому его драматургия интересна современному читателю, она актуальна и злободневна, поэтому *«мы поднимаем “плебейское” знамя Карло Гольдони»* [1923. 20 июля].

Герой и автор произведений должны, если не быть пролетариями по происхождению, то, по крайней мере, должны сочувствовать мировой революции. Так, близким читателю становится роман Жюль Валлеса «Бакалавр», в котором автор *«набросал ряд потрясающих эпизодов из голодной и горькой жизни революционно-настроенного интеллигента, всем существом своим ненавидящего буржуазный строй»*, даже несмотря на то, что написан он *«слишком субъективно, слишком от сердца»* [1923. 16 ноября].

При изучении популярности зарубежных писателей показателем факт публикации откликов на смерть В.И. Ленина под заголовком «Политики и писатели Запада о В.И. Ленине». По этим материалам можно судить, кто имел право отзываться о вожде пролетариата, то есть чей авторитет был высок. О В.И. Ленине писали, например, Томас Манн и Генрих Манн, Эрнст Толлер, Ромэн Роллан, Бернард Шоу, Марсель Мартинэ, Мадлэн Маркс.

С этого времени в газете будут периодически публиковаться мнения писателей и политиков о разных событиях. Возможно, именно после этого меняется отношение к зарубежному писателю, он ставится на одну линию с политиком, его авторитет в области литературы переносится на жизнь в целом и на политику в частности.

Это предположение подтверждается примером Эмиля Золя. Несмотря на то, что в его мировоззрении были мелкобуржуазные настроения, о чем не раз говорится в «Литературной энциклопедии» 1929–1939 годов, революционность его произведений, «установка на индустриализм и антирелигиозные и антишовинистические тенденции» роднит его с современной советской литературой [Анисимов, Клеман, 1930, стлб. 356–374]. Несомненным достоинством, по мнению критика Б. Гимельфарба, стало то, что *«Золя, со своей склонностью к романтизму, со своим темпераментом бойца, стоя в самой гуще*

общественной жизни и порою принимая участие не только в литературных, но и политических боях, был моралистом, бичующим нравы буржуазного общества» [1922. 10 ноября].

Кроме Золя на страницах «Известий» появляются еще несколько имен: Анатоль Франс, Ромэн Роллан и Анри Барбюс.

В лице Анатоля Франса русская революция нашла *«своего горячего сторонника»*, он *«был другом этой революции»* [1924. 14 октября]. Противоречивым можно назвать отзыв о его сборнике «К лучшим временам». Его настроения отвечают задачам революции, но этот труд ценен только для *«историка французской буржуазной общественной мысли»* [1925. 16 апреля]. Не отрицая заслуг Франса, критик вменяет ему в вину, что он *«трактует вопросы с точки зрения притупления классовых противоречий»* [1925. 16 апреля].

Ромэн Роллан также был ценен в Советской России, в первую очередь, как общественный деятель. В материале о книге Стефана Цвейга «Ромэн Роллан. Его жизнь и творчество» автор отзыва С. Борисов отмечает более ответственную и серьезную, чем творчество, деятельность писателя – *«служение человечеству. И та, и другая создали Роллану заслуженную славу поэта и человека. <...> Эта последняя сторона жизни Роллана более известна читателям наших газет по статьям и выдержкам из его воззваний по поводу версальского мира, русской революции (Октябрьской), выступлений против похода на Советскую Россию и т.д.»* [1923. 14 июня].

Несмотря на все хвалебные отклики ни Франса, ни Роллана нельзя назвать «нашими» писателями. Об этом говорит А.В. Луначарский в материале «Попутчики в Европе». По его мнению, *«одно из первейших мест»* среди наиболее близко примкнувших к *«коммунистически настроенному пролетариату»* [1925. 18 января] занимает Анри Барбюс.

Позиция Барбюса, выражаемая им на страницах «Известий», была очень близка взглядам пролетариата. В газете есть материал «Привет из Франции от Анри Барбюса», где писатель утверждает, что *«русская революция обойдет весь мир»* [1922. 11 ноября]. Сочувствие делу революции Барбюс выражает и в приветствии для сборника «Навстречу»; по его словам, он чувствует себя *«и сердцем, и разумом»* связанным с борцами, счастливым и гордым возможностью установить связь с ними [1923. 22 марта].

Заслуги Анри Барбюса были признаны не только А.В. Луначарским, но и Б. Гимельфарбом в его отзыве на «Речи борца». *«Пролетариат СССР ценит в нем не только большого художника, изобразившего в своих романах ужасы грабительской войны и*

эксплуататорскую роль ее инициатора – буржуазии, но и того человека, который среди всеобщего безмолвия или клеветы был одним из немногих, сказавших рабочему классу Запада правду о пролетариате России и призывавших его защищать этот очаг всемирной революции» [1925. 4 января]. Эти слова можно назвать высочайшей оценкой от официальной критики, наряду с положительными отзывами, появившимися в течение следующих нескольких десятилетий¹.

С 1925 года ситуация в отечественной литературе меняется. В июне появилось Постановление «О политике партии в области художественной литературы». Оно изменило расстановку сил на литературном фронте и утвердило право партии и государства вмешиваться в эту сферу.

В редакции «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» также происходят изменения. В мае 1925 года вместо Ю.М. Стеклова редактором становится известный государственный и партийный деятель, историк, экономист И.И. Скворцов-Степанов, на страницах газеты появляются материалы РАППовцев Г. Лелевича, Л. Авербаха.

Изменения, произошедшие в области литературы и в редакционной политике «Известий», не могли не отразиться на содержании газеты. Значит, в дальнейшем можно будет проследить, как фактически повлияла смена курса в области культуры на материалы, связанные с отечественной и зарубежной литературой.

Литература

- Анисимов И. Барбюс // Литературная энциклопедия: В 11-ти тт. М., 1930. Т. 1.
 Анисимов И. Всемирная литература и социалистическая революция // Вопросы литературы. 1957. № 8.
 Анисимов И., Клеман М. Золя // Литературная энциклопедия: В 11-ти тт. М., 1930. Т. 4.
 Балашова Т., Егоров О., Николокин А., Филиппчикова Р. Октябрь и зарубежная литература // Иностранная литература. 1958. № 5.
 Гальперина Е. Роллан // Литературная энциклопедия: В 11-ти тт. М., 1935. Т. 9.
 Гиппократово лицо // Известия ВЦИК. 1920. 21 июля.
 Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецензии советской литературы. СПб., 1997.
 Елина Е.Г. Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994.

¹ См., например: [Анисимов, 1930, стлб. 342–345]; [Анисимов, 1957, с. 100–125]; [Балашова, Егоров, Николокин и др., 1958, с. 180–192].

**ПРОСВЕЩЕНИЕ И РАЗВЛЕЧЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЕ
КОМПОНЕНТЫ ПУБЛИКАЦИЙ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
НА СТРАНИЦАХ «НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЫ»
1997–1999 ГОДОВ.**

Р.И. Павленко.

Ключевые слова: литературоведение, журналистика, интерактивность, читатель, литературная жизнь.

Keywords: literary studies, journalism, interactivity, reader, literature life.

Публикации о литературной жизни в общественно-политических изданиях второй половины 1990-х годов носят ярко выраженный просветительский характер, при этом они обладают и чертами развлекательной журналистики. Их авторами выступают известные издатели, писатели-беллетристы, культурологи и поэты. В жанрах эссе, заметки или очерка они публикуют работы, основывающиеся на литературных фактах, но ход рассуждения в публикации выходит за рамки простой их констатации или описания того или иного литературного события. Сочетание просветительского и развлекательного имеет принципиальное значение в системе взаимоотношений читателя, журналиста и издания. Так, в № 183 от 30.09.1997 писатель-беллетрист и издатель Светлана Магидсон публикует статью «Приключения «Опасного соседа». Как обрусевший немец дал жизнь поэме Василия Пушкина». Материал представляет собой многоплановое беллетристическое произведение, с одной стороны посвященное персоне издателя, академика, военного Павла Шилинга фон Конштадта, с другой – описывающее важную часть литературной жизни конца XVII – первой половины XIX века в России – кружки, литературные салоны, их борьбу и противостояние: *«Но в аристократическом доме, о котором мы говорим, выковывались и гуманные идеи нового века, а иногда слышались и литературные отзвуки далеких, но лучших эпох. Когда сходились вместе “староверы”, объединенные в “Беседе любителей российской словесности”, и “новое племя”, друзей смелых муз “Арзамас”, или настоящие словесные баталии. <...> Как они умопомрачительно спорили, когда сходились в доме братьев Тургеневых в Петербурге или в Москве, на Маросейке... Ах, как весело высмеивали арзамасцы президента академии»* [Магидсон, 1997, с. 8].

Облачение историко-литературного факта в форму самостоятельного литературного произведения, в данном случае, исторического очерка, переводит саму суть высказывания на принципиально иной уровень.

Рассматриваемая нами публикация представляет собой небольшую часть литературного исследования, ограниченного историческими рамками первой половины XIX века. Автор виртуозно воссоздает контекст, обладая серьезными документальными материалами, подчеркивающими достоверность объекта повествования. Публикация Светланы Магидсон является успешным соединением читательского настроения и авторского волеизъявления. Читатель будто бы ждет от автора легкого, незамысловатого по форме, но серьезного по содержанию высказывания, а автор при этом с большим удовольствием его создает.

Еще одним приемом привлечения внимания, реализующимся, в первую очередь, в публикациях о литературе и литературной жизни, является постановка риторического вопроса, на который ни журналисту, ни читателю нет нужды и возможности ответить, но его наличие уравнивает двоих по обе стороны газеты в праве на рассуждение, анализ ситуации: *«Но Василий Львович Пушкин всего в двух десятках строк показал такой яркий колорит этой литературно-общественной борьбы да и все ее перипетии. Кажется, это актуально и сегодня?»* [Магидсон, 1997, с. 8]. Функция данных журналистских приемов реализуется на нескольких уровнях общения читателя и журналиста. Риторические фигуры, выстраивающие прозрачную схему общения между автором и собеседником (читателем), очень важны на начальном этапе знакомства аудитории и журналиста. Здесь они снимают некоторое напряжение, присущее человеку в процессе первого схождения на почве общих интересов, в данном случае, литературы.

Далее, после обретения журналистом читателя, а читателем своего автора, начинается долгая история взаимоотношений журналиста, издания и читателя. Знакомый с авторским стилем читатель, обладая теми или иными интересами, определенными потребностями, которым отвечает формат, выбранного издания, с большим удовольствием погружается в материал, построенный в виде диалога.

Очень важным и интересным приемом, которым пользуется редакция «Независимой газеты» является публикация частей незаконченных исследований литературоведов, имеющих важное значение для читателя. Так, в череде публикаций, посвященных празднованию 200-летнего юбилея А.С. Пушкина, в газете выходит публикация «Поэт и война на Кавказе» с пояснением: *«Валентин*

Осипович Осипов – писатель, издатель. Публикуемые заметки – извлечение из его завершаемой документальной книги “Зима, весна, лето и Болдинская осень” [Осипов, 1999, с. 7]. Отрывок представляет собой краткий биографический и текстологический очерк жизни и писательских планов А.С. Пушкина после возвращения с русско-турецкой войны. Он открывает читателю исключительно интересные факты и сугубо биографические: *«На Пушкина премногие дела нахлынули по возвращении с войны. Готовил с дружеством в нелегких поисках газету, а когда на второй день нового – 1830-го года издатель Дельвиг отбыл в Москву, то стал на два месяца главным редактором. И, естественно, музы затребовали – прав Булгарин! – писать кавказские впечатления»* [Осипов, 1999, с. 7], – и носящие важную историко-литературную информацию: *«Первым стал цензор Сербинович - в его дневнике с датой “17 января”:* “Читаю цензурные бумаги – “Путешествие в Арзрум”, статья для “Литературной газеты”. Через два дня запись с именем главного цензурового чина: “Собираюсь к Д.Н. Блудову: спрашиваю совета о некоторых местах “Путешествия в Арзрум”» [Осипов, 1999, с. 7]. Кроме того, в извлечении даны сведения, имеющие прямое отношение к литературному процессу 1830 года: *«Редактор Пушкин... Восьмой номер газеты... В нем не только разрешенное наконец-то “Путешествие...” под названием “Военная Грузинская дорога. (Извлечение из путевых записок А. Пушкина)”. Тут же стихи прославленного гусар-героя Дениса Давыдова, что будут завершены элегией “Бородинское поле” <... > Тонко рассчитал редактор “Пчелы”, гораздой ядовито жалить: разве царю не обидно, разве Бенкендорфу не обидно, что первый поэт России войну с турками не описывает, что не описывает их самоличного участия в победе - ведь оба свидетели штурма Варны <... > “Литературная газета” отстреливается. Ее сотрудник Орест Сомов напечатал свою статью – целит по Булгарину, а накрыл – явно – и Бенкендорфа”*. [Осипов, 1999, с. 7]. В пояснении к публикации использован термин «документальная книга», с точки зрения соотношения журналистики и литературы, публицистического и художественного начал это наиболее синтетическое явление, вбирающее в себя поровну от первого и второго. Стоит, однако, заметить, что поводом к публикации послужил юбилей поэта. Этот факт позволяет нам предположить, что данный материал не появился бы в газете в другую дату, поскольку подобные публикации являются в большей степени исключениями для «Независимой газеты», однако его значение в контексте рассматриваемого нами вопроса исключительно важно.

Для построения диалога с читателем автор использует риторические фигуры: *«Но кто бы мог предугадать, как необычно станут воплощаться эти две наиглавные для Пушкина заботы тех недель», «Что Пушкин-творец?»*, *«Что стояло за строчкой Бенкендорфа царю: “Путешествия за кавказскими хребтами не придали лучшего полета гению Пушкина?”»* [Осипов, 1999, с. 7], инверсии, а также устаревшие слова и выражения, не являющиеся частью писем, текстов дневниковых записей или иных документов, цитаты из которых даются в материале: «супротивник», «премногие», «срамить», «попреки», «сии». Устаревшие слова, используемые автором, призваны приблизить читателя к стилю пушкинской эпохи, где они имели широкое хождение.

Для читателя газеты появление данного материала важно по нескольким причинам: оно рекламирует будущую книгу, а значит, является носителем важной информации о современной литературной жизни, публикация вовлекает читателя в литературный процесс 1830 года, открывает новое имя исследователя литературы, вызывает неподдельный интерес к насыщенной биографии Пушкина, а значит, привлекает внимание и к другим материалам о нем, расположенным на страницах этого же номера газеты.

Читатель, вступая в диалог с журналистом, невольно начинает ассоциировать его со всем изданием в целом. Особенно подобная экстраполяция видна на примере полновесных журналистских текстов, написанных в аналитических или художественно-публицистических жанрах. Информационные жанры печатной журналистики не обладают таким потенциалом, поскольку короткие заметки, представляющие основной корпус информационных материалов на страницах общественно-политических изданий, не подразумевают серьезного и конструктивного диалога между читателем и автором.

Соотнесенность одного журналиста с большим количеством читателей, перенос читательского интереса с одного материала на весь номер является одним из явных обоснований функционирования материалов о литературной жизни на страницах общественно-политических изданий исследуемого периода. Они имеют непосредственное отношение к реалиям сегодняшнего дня, даже если журналист рассуждает в ретроспективном ключе, коррелирует с другими материалами газеты, придавая им необходимый гипертекстовый смысл.

Принцип косвенной интерактивности, определяющийся на уровне непрямого общения автора и читателя (отсутствует обратная связь, читатели не пишут письма в редакцию с отзывами на ту или иную публикацию о фактах или событиях литературной жизни), является

обязательным компонентом публикаций в общественно-политических изданиях. Одним из приемов осуществления косвенной интерактивности является авторское предуведомление, открывающее читателю причины обращения автора к тому или иному вопросу. Им снабжаются практически все публикации, представляющие собой частичное литературное исследование. *«ДАВНЫМ-ДАВНО, во времена моей юности, когда мы с трудом добывали друг у друга папиросные листки со стихами Осипа Мандельштама, я помню, как меня и моих друзей наповал сразило одно сравнение:*

*Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч - как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями.
Помню, как ходили мы и твердили нараспев:*

Звездный луч - как соль на топоре... Сравнение заворазживало, казалось прекрасным и непостижимым. Еще тогда я задумал написать о нем эссе» [Кацура, 1997, с. 8] – так начинается статья Александра Кацуры «Соль, топор и пространство. Заметки о лучшем сравнении в поэзии XX века». В публикации автор размышляет над важнейшими проблемами исследования литературных текстов, оценивает их достоверность и ставит под сомнение желание современных исследователей подгонять текст и соответствующий ему документальный материал под новую концепцию, укрепляя и расширяя ее. *«Валентина Мордерер и Григорий Амелин опубликовали в “Независимой газете” (18.12.96) интереснейшую статью о немецких корнях русских стихов, где большей частью говорится о стихах Мандельштама. <...> Все это замечательно, я только в одном с авторами не согласен, боюсь, что в самом главном. Не пишутся стихи (настоящие), как шарады. Природа совпадений здесь иная. Побудительным мотивом для поэта выступает некая словесная музыка, но о возникающих в глубинах текста языковых пересечениях он обычно догадывается смутно»* [Кацура, 1997, с. 7]. Авторская точка зрения, оформленная в виде литературно-критического высказывания с явными добавлениями текстологических выводов, при всей ее значимости и полемичности, обозначается как «Заметки» и «Истолкования». Александр Кацура раньше предуведомления определяет градус разговора с читателем, настраивая его на непринужденную беседу, на ясный и благоприятный разговор без претензии на глубокое филологическое исследование.

Еще одной важной приметой данной публикации является точная отсылка читателя к ранней публикации, на основании которой Кацура и начинает свой разговор. Это позволяет связать два удаленных друг от друга по времени текста, размесить их на единой временной шкале. Кроме того, исследуемая статья наполнена полемическим пафосом. Выдвигаемые А. Кацурой постулаты и доказательства, ставящие под сомнение ценность высказывания Валентины Мордерер и Григория Амелина, заставляют читателя согласиться или опровергнуть его точку зрения, вступить в диалог с автором статьи, а также придают динамику журналистскому тексту, делая его более интересным и привлекательным для аудитории.

Журналисты, пишущие о литературе и литературном процессе на страницах «Независимой газеты» второй половины 1990-х годов, избирают разные стратегии общения с читателем. Во многом этот выбор обуславливается жанром публикации. Более строгие и статичные информационные жанры практически не предполагают авторского присутствия в журналистском материале, а значит и диалог с аудиторией в подобных публикациях практически невозможен. Статьи, написанные в аналитических или художественно-публицистических жанрах, обладают большей гибкостью, подразумевают авторское присутствие в тексте, которое реализуется в нескольких направлениях. В первую очередь, это выбор темы публикации – сложность объекта журналистского описания, подбор фактов, доказывающих авторскую позицию, контекстуальные связи (если в материале присутствует сравнение исторического периода прошлого и современности). Маркером авторского присутствия в тексте является и особенность изложения материала, то есть стилистические приемы, которые избирает журналист в процессе подготовки публикации.

В зависимости от темперамента автора, различается и градус журналистского высказывания – от спокойного размышления до полемического высказывания. Литературная жизнь как объект журналистского рассуждения в данном случае предлагает автору различные традиционные формы – создание беллетристического очерка, критической публикации или полемического высказывания. Таким образом, публикации о литературной жизни на страницах общественно-политического издания второй половины 1990-х годов устанавливают особую связь с читателем, открывают ему неизвестные сведения о литературе, просвещают его, позволяют сформировать положительное мнение о журналистике и распространить его на другие материалы, коррелирующие с публикациями о литературе. При этом такие публикации, за редким исключением, направлены на развлечение

аудитории, они позволяют читателю отдохнуть от нарастающего информационного потока, привлечь внимание к литературе, являющейся важнейшей частью культурного развития формирующегося общества.

Литература:

Кацура А. Соль, топор и пространство. Заметки о лучшем сравнении в поэзии XX века // Независимая газета. 1997. № 132.

Магидсон С. Приключения «Соседа». Как обрусевший немец дал жизнь поэме Василия Пушкина // Независимая газета. 1997. № 183.

Осипов В.О. Поэт и война на Кавказе // Независимая газета. 1999. № 101.

ОБРАЗ ДОМА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Л. УЛИЦКОЙ КАК ВОПОЛОЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СЕМЬЕ И СОЦИУМЕ

В.А. Александрина

Ключевые слова: тема, образ, семья, современный литературный процесс, малая проза Л.Е. Улицкой.

Keywords: theme, image, family, modern literary process, small prose by L.E. Ulitskaya.

Лексема «дом» отличается полисемантической, можно выделить несколько значений, которые она раскрывает: 1. Жилое здание; 2. Свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство; 3. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды; 4. Династия, род (устар.) [Ожегов, 1988, с. 141]. *«Дом, – полагает Г. Бидерманн, – стал точкой кристаллизации в создании различных достижений цивилизации, символом самого человека, нашедшего свое прочное место во Вселенной»* [Бидерманн, 1996, с. 73]. Символика дома как единого жилого пространства семьи, рода, ценность человеческого существования, обозначенная Г. Бидерманном, актуализирует второе значение лексемы «дом» по Ожегову. В отечественной литературе XX века образ дома интегрировал в себе целый спектр родственных в духовно-культурном плане проблем: родина, род, семья. Рассмотрением образа дома в произведениях различных писателей

занимались такие исследователи, как Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, С.Г. Бочаров, В.Н. Топоров, В.Г. Щукин и др. В.С. Непомнящий определил понятие дома, которое существует в русской культуре, следующим образом: *«Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, «медленные труды». Дом, «родное пепелище», – основа «самостоянья», человечности человека, «залог величия его», осмысленности и неодинокости существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия»* [Непомнящий, 2001, с. 26]. Таким образом, восприятие дома как категории духовной жизни человека характерно для русской литературы. Особо это касается «женской прозы», где семья, дом приобретают значение единственного смысла человеческого существования. Напрямую это утверждение относится и к прозе Л. Улицкой.

Интерпретации образа дома в творчестве Л. Улицкой посвящена часть диссертационного исследования Э.В. Лариевой «Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой». Э.В. Лариева считает, что *«дом – это замкнутый локус, отгороженный от истории, от окружающей героев действительности, в которой потеряны четкие аксиологические ориентиры, он выполняет защитную функцию, становится хранилищем подлинных ценностей: культурных, семейных, нравственных»* [Лариева, 2009, с. 10]. Именно дом знаменует настоящую семью, связывается исследователем с семейными героями, бессемейные, в свою очередь, остаются в пространстве «бездомья». Дом сводится Э.В. Лариевой к хронотопу усадьбы, что, на наш взгляд, не отображает многообразия его воплощения в малой прозе Л. Улицкой.

Концепция данной статьи основывается на представлении дома в малой прозе Л. Улицкой как воплощении существования человека в бытии, что предполагает существование человека в сфере частной жизни (семье) и социума (истории). Восприятие дома многогранно и реализуется через сопоставление художественно-эстетических категорий: дом и история, дом и семья, дом и проблема личности, дом и проблема счастья и т.д. Задачей статьи является рассмотрение семантики дома, раскрывающей не столько пространственное его воплощение, сколько отражающей ценностный аспект – дом как

возможность семейного счастья, осуществления любви в жизни персонажей прозы Л. Улицкой.

Если проза первых десятилетий XX века характеризовалась расширением пространственно-временных границ, что обуславливалось попытками социалистической культуры разрушить традиционный дом-гнездо и создать новую модель дома-коммуны, общежития; то в произведениях 1980–1990-х годов можно наблюдать тенденцию воссоздания частного дома, дома одной семьи. В связи с социальными катастрофами XX века поколение Улицкой (род. в 1943) вынуждено было обживать различные воплощения дома: от барака и общежития до коммуналки. Все эти пространственные топосы остаются значимыми в прозе писателя, но в зависимости от семейных, интимных отношений наполняются индивидуальной семантикой семейного, ценностного существования. В малой прозе Улицкой мы выделяем пространственные образы временного дома (общежития, жилья эвакуации, гостиницы), коммунальной квартиры как особого общесемейного жилья (двора), отдельной квартиры-дома и топос «пустого» дома, из которого уходит дух семейственности. Рассмотрим несколько примеров.

В ранней повести «Сонечка» (1993) представлены практически все перечисленные нами типы дома. Дом как временное пристанище предстает в виде жилья командированного ссыльного Роберта Викторовича, мужа Сонечки: *«Они жили лучше многих. В подвале заводоуправления художнику выделили безоконную комнату рядом с котельной. Было тепло. Почти никогда не отключали электричества. Источник варил им картошку...»* [Улицкая, 2002, с. 27]. По окончании командировки семья переезжает на основное место ссылки, в башкирское село Давлеканово, где оказывается в *«зыбком домике из сырых саманных кирпичей»* [Улицкая, 2002, с. 34], окруженная нищетой, холодом и голодом. Но зыбкость, временность, неустроенность жилья компенсируется духом семьи, рождающимся в нечеловеческих бытовых условиях. Для Сони и Роберта Викторовича именно временный, зыбкий домик наполняется самыми дорогими семейными воспоминаниями: *«На всю жизнь сохранила Соня...рисунок каждого дня, его запахи и оттенки и особенно, преувеличенно и полновесно, – каждое слово, сказанное мужем во всех сиюминутных обстоятельствах».* *«Зато каждый вечер он отворял дверь своего дома и в живом огнедышащем свете керосиновой лампы, в неровном мерцающем облаке он видел Соню...»* [Улицкая, 2002, с. 44]. Здесь очевидно автором акцентируется не внешне-пространственное

описание дома, но ощущение дома-очага, где всегда горит животворящий огонь, дома-крепости, где чувствуешь себя защищенным, дома - сакрального оберега, где живет жена и мать. Во враждебном человеку социуме даже временный дом как категория его частной жизни обеспечивает стабильность, внутренний порядок, любовь и счастье.

В 1950-х годах в начале *«обманчивой оттепели»* [Улицкая, 2002, с. 53], как только стали ощутимы перемены в социуме, семья переезжает в целую четверть двухэтажного дома. В этот исторический период для обычного человека становится возможным осуществление маленькой индивидуальной мечты. Соне *«...страстно хотелось нормального человеческого дома, с водопроводным краном на кухне, с отдельной комнатой для дочери, с мастерской для мужа...»* [Улицкая, 2002, с. 50]. Наконец, она приобретает дом-гнездо, где стабильность и счастье обретаются возможностью давать званые обеды, привечать друзей мужа и дочери. Таким образом, можно выделить следующее воплощение образа дома – дом, как центр притяжения, идеальный топос, в котором главными атрибутами являются уют, любовь. Однако вопреки ожиданиям еще большей сплоченности семьи в стенах «идеального» дома происходит ее разрушение. Процесс отчуждения внутри семьи обуславливается двумя парадоксальными процессами пространственной организации: размыванием границ дома и гендерным разделением топоса. У дочери Тани появляется отдельная комната («светелка»), у мужа – мастерская-терраса. Члены семьи отгораживаются друг от друга стенами личного локуса. У Роберта Викторовича появляются новые друзья-единомышленники, и *«его замкнутый дом превратился в своего рода клуб»* [Улицкая, 2002, с. 53]. Роль главы семьи, хозяина дома постепенно заменяется ролью «почетного председателя» этого клуба. Итак, приобретая в новом доме собственное замкнутое пространство, герои отдаляются друг от друга и начинают жить обособленной жизнью. Дочь водит в свою светелку многочисленных поклонников: *«Тане не было дела до материнского кухонного хозяйства: она существовала теперь в дымке влюбленности»* [Улицкая, 2002, с. 77]. Роберт Викторович *«...отмечал убедительную художественность, высокую осмысленность и красоту Сонечкиного домашнего творчества. «Мудр, мудр мир муравья...» - думал он мимолетно и затворял за собой дверь на теплую террасу...»* [Улицкая, 2002, с. 77]. И лишь

Соня старательно продолжает создавать домашний уют, выстраивать семейное счастье. Не случайно только у этой героини нет отдельного замкнутого топоса внутри домашнего пространства, ей принадлежит весь дом. Новый дом становится для Сони большим, *«ей вдруг стала мала ее семья»* [Улицкая, 2002, с. 90]. Она мечтает о детях, именно поэтому ее так радует появление в доме Яси.

Однако, размыкая границы дома, семья начинает разрушаться. К Роберту Викторовичу вновь приходит слава, как в юности, в отличии от Сониного мироощущения, границы собственного дома становятся для него тесными. Появляется в его жизни любовь к юной девушке, которая ассоциируется для героя с последним глотком свободы. В тот момент, когда *«жизнь Роберта Викторовича все более перемещалась в мастерскую, а мастерская мягко и своднически принимала в себя молчаливую любовницу»* [Улицкая, 2002, с. 99] притяжение дома окончательно ослабло. И как следствие, разрушение экзистенциального (внутреннего) бытия героев повлекло за собой его пространственное уничтожение. «Любимый, счастливый дом», семейное гнездо, о котором так мечтала Соня, определен под снос. Именно в этот кульминационный момент сюжетной линии повести, Соня впервые нарушает невысказанный запрет на появление в мастерской мужа. Здесь она узнает об изменах мужа и понимает, что семнадцать лет ее счастливого замужества закончились, что ей ничего не принадлежит: ни Роберт Викторович, ни Таня, ни дом. Начало новой одинокой жизни Сони ознаменовывается переездом в неудобную трехкомнатную квартиру, которая постепенно превращается в пустой дом. Роберт Викторович остается жить в своей мастерской. Обретение героями нового пространства напрямую соотносится с этапами семейных отношений, будь то сплоченность семьи или ее разрушение.

Гендерное разделение пространства дома, которое детерминирует пространственную организацию в рассмотренной повести, характеризует всю малую прозу Л. Улицкой. Так, мужским пространством неизменно выступает кабинет или мастерская («Конец сюжета», «Лялин дом», «Искусство жить», «Голубчик» и др.). Обычно это дальняя комната дома. Также остается неизменным «негласный запрет» на посещение этого локуса домочадцами. Женское пространство зачастую фокусируется в топосе кухни («материнская кухонная жизнь»). Так, в рассказе «Лялин дом»

понятие «дом» суживается до одной комнаты – кухни. Это обусловлено тем, что данное произведение о женщине, о ее жизни; муж на страницах рассказа воплощается в образе мужа-декорации. Вследствие чего можно говорить о взаимосвязи категории пространства с сюжетным уровнем произведения: представленная модель дома обусловлена системой персонажей.

В рассказах Л. Улицкой актуализируются семантические реалии, которые не были представлены в повести «Сонечка». Рассмотрим некоторые из них. Во-первых, это «дом – симулякр». Особенности его воплощения можно наблюдать в таких рассказах, как «Явление природы», «Счастливые», «Зверь», «Голубчик». Возникновению образа пустого пространства, как правило, предшествует смерть хозяина дома или одного из членов семьи. Так, в рассказе «Явление природы» Маша удивляется, что пока была жива Анна Вениаминовна, «эта ветхая квартира была роскошной» [Улицкая, 2011, с. 129]. В рассказе «Счастливые» квартира семейной пары приобретает статус симулякра после смерти сына Вовы, а черты настоящего дома приобретает могилка сына. Происходит перенос дома и семьи из жизни в смерть. Пространство определяется героями, и как следствие, после ухода одного из жителей (распада семьи) – становится пустым.

Однако не всегда пространство в малой прозе Л. Улицкой имеет функции объекта. Так в рассказе «Зверь» локус квартиры приобретает зооморфные черты. Она в прямом смысле убивает мужа героини, тем самым разрушая семью: «*Эта проклятая квартира и съела Сережины силы, угробила его*» [Улицкая, 2011, с. 58]. Напротив, созидательный образ дома представлен в рассказе «Путь осла». Дом Женеьевы в маленькой деревушке является воплощением идеального топоса. Он притягивает семью уютом, пониманием, успокоением. Камин – очаг дома – выступает центром притяжения. На страницах рассказа дается подробное описание быта, детально представлена «*вся обстановка, восставшая из праха*» [Улицкая, 2005, с. 8]. Статичность образа дома передается через усадебный образ, образ дома-гнезда.

Для малой прозы Л. Улицкой характерно противопоставление трех различных топосов: дома, квартиры и коммуналки. Пространство дома – воплощение идеального мироустройства; размеренный ход жизни приносит успокоение герою. Пространство квартиры, также как и дома, является статичным образом. Топос коммуналки, общежития напротив является динамичным.

Динамичность пространства передается через мотив потери дома, смены локуса. Различие между пространством квартиры и коммуналки может быть ярко проиллюстрировано на примере воплощения в рассказах образа кухни. В квартире кухня – пространство семейное, относящееся к частной жизни семьи: *«Трое мальчиков уступили места за столом в большой комнате гостям, сами устроились на кухне, по-домашнему»* [Улицкая, 2005, с. 8] («Старший сын»). Пространство коммуналки характеризуется отсутствием семейных тайн, общежитием: *«Гроб стоял в кухне – в самом большом помещении квартиры, где проходили свадьбы, общественные собрания и похороны»* [Улицкая, 2005, с. 8] («Финист Ясный Сокол»). Актуализируется образ общесемейного жилья. Отсутствие интимных, семейных отношений детерминирует невозможность семейного счастья в пределах дома-коммуны.

Невозможно оставить без внимания еще одну ситуацию, связанную с пространственным образом – бездомность героя. Данная ситуация отличается меньшей степенью изученности. Была введена в литературоведение сравнительно недавно В.Я. Лакшиным, который считал «бездомьем» потерю традиции, нормы [Лакшин, 1993, с. 22]. Б.В. Ничипоров пишет, что *«бездомность – это не только материальное отсутствие стен и крыши, но это часто и метафизическая бездомность владельца квартиры или дома»* [Ничипоров, 1994, с. 57]. Оба исследователя связывают бездомность с духовностью, которая имеет оттенок некоторой неполноты, трагичности, а иногда потери, разрушения. Относительно рассказов Л. Улицкой разрушение происходит в той семье, в которую приходит бездомный герой. Так, например, в рассмотренной нами повести «Сонечка» бездомного героя, Ясю, в дом приводит дочь Таня. Вскоре Яся разрушает семью Сонечки. А, построив отношения с Робертом Викторовичем, приобретает собственный дом. Уточним, что для героев прозы Л. Улицкой отсутствие дома — осознанный прием, указывающий на неблагополучие их мироустройства и мироощущения. В.С. Непомнящий пишет о возникновении чувства дома как космического – *«... в древнем и буквальном смысле слова «космос»: устроенность, порядок, осмысленность и красота. Грех есть нарушение порядка, разрушение Дома»* [Непомнящий, 2001, с. 53]. В рассказе «Лялин дом» дом, в значении семья, после измены Ольги Александровны с Казиевым (героем бездомным), также как и дом

Сонечки, после измены мужа, разрушается: квартира, лишённая любви, уюта и понимания превращается в сумасшедший дом.

Таким образом, на примере малой прозы Л. Улицкой нами были выделены несколько семантических реалий воплощения пространственного образа: целостный топос дома, воплощенный в образе идеального пространства, в котором становится возможной реализация семейного счастья героев. В оппозиции к нему находится нецелостное пространство: дом-коммуна, квартира с гендерным разделением локуса, где герои живут своей обособленной жизнью, что впоследствии обрекает семью на разрушение. В соответствии с данной оппозицией нами были выявлены два образа дома – динамичный и статичный. Динамичность пространства передается через мотив потери дома, смены топоса; статичность – через усадебный образ, образ дома-гнезда.

Образ дома – один из ключевых в творчестве Л. Улицкой. Ценностная модель семьи начинает реализовываться через образ дома. Анализ художественного пространства в данном аспекте становится основой для интерпретации художественного мира произведения в целом. Он сопрягается с общей проблемой человеческого существования. Символический образ дома раскрывает идейный замысел произведения, так как выступает воплощением существования человека в бытии; и, как следствие, обращение к нему позволило нам выявить авторскую позицию.

Литература

- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
- Лакшин В.Я. О Доме и Бездомье (Александр Блок и Михаил Булгаков) // Литература в школе. 1993. № 3.
- Лариева Э.В. Концепция «Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.
- Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1906-х – 1990-х годов. М., . 2001. Т. 1.
- Ничипоров Б.В. Благодатные перемены. Обретение дома. Введение в христианскую психологию. М., 1994.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.
- Улицкая Л. Сонечка. М., 2002.
- Улицкая Л.Е. Первые и последние. М., 2011.
- Улицкая Л.Е. Рассказы. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.misto.kiev.ua/PROZA/ULICKAYA/peoples.txt>
- Улицкая Л.Е. Сквозная линия. М., 2011.

**О ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ЕДИНОГО ЦИКЛА
ЭПОСОВ ОБ УРАЛ-БАТЫРЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОБРАЗА ТАРАУЛ-СЭСЭНА)**

А.М. Сулейманов

Ключевые слова: мифический сэсэн, тематический мотив, интертекст, хрестоматийный текст, героические подвиги.

Keywords: mythological character (a wise man, poet and improvisator), theme motif, intertextuality, well-known text, deeds of a hero.

26 октября 2011 года в БГПУ им. М. Акмуллы в рамках презентации якутского героического эпоса олонхо, внесенного в список ЮНЕСКО как «Шедевр устного и нематериального культурного наследия человечества», состоялся круглый стол на тему «Проблемы сохранения устной сказительской традиции народов на современном этапе». На нем выступила А.Е. Захарова, руководитель Республиканского центра олонхо Республики Саха (Якутия). В ее докладе на тему «Устные сказительские традиции якутов; история и современность» прозвучала информация о том, что у саха-якутов мифический персонаж Сээркээн Сэсэн считается, если использовать башкирское слово, первым сээсном, который обучал первого олонхосута. Знаток башкирского фольклора Мухаметша-сэсэн Бурангулов тоже оставил нам сведения, хотя очень скудные, об одном древнем сээсне, которого звали Тараул. Его он упоминает во введении двух новеллистических сюжетов об острослове Ерэнсэ-сээсне. Вот что сказано о нем буквально: «По нашему мнению, Ерэнсэ-сэсэн был реальной личностью. Он – не есть ни Хабрау из [эпического кубайра] «Идукай и Мурадым», проживший на этом свете сто девяносто лет, ни Тараул-сэсэн из эпосов [кубайров] «Урал-батыр», «Акбузат» и сказки «Четыре батыра» (?), появившихся на свет вместе с [самой] Землей» [Бурангулов, 1995, с. 53].

Сведения А.Е. Захаровой и М.А. Бурангулова о мифических сээснах ценны тем, что, несмотря на определенную условность, фантастичность вымысла, они дают повод для размышлений о том, что издревле народ выражал свое особое отношение к личности сэээснов, а самого первого из них считал первопроходцем этого искусства. Это – во-первых. Во-вторых, в обеих наиболее объемных версиях эпического кубайра «Урал-батыр», дошедших до нас, образ Тараул-сээсна

отсутствует. Видимо, в первоначальных записях, сделанных М.А. Бурангуловым от Габита Аргынбаева и Хамита Альмухаметова, он присутствовал. Возможно, в отличие от Деде Коркута, одного из персонажей огузского дастана, чьим именем названо это произведение, Тараул-сэсэн принимал участие в событиях, описываемых в кубаире. Напротив, роль Коркута ограничивается тем, что временами он дает оценку поступкам героев или делает какие-то назидательные выводы, или высказывает добрые пожелания, которые на развитие сюжета практически не оказывают никакого влияния [Книга отца нашего Коркута, 1989]. Тараул же, помимо выполнения таких функций, оказывает влияние на ход событий. Об этом мы можем судить по кубаиру «Акбузат», являющемуся логическим продолжением «Урал-батыра». В этом произведении он одаривает Хаубана, одного из дальних потомков Урал-батыра, боевым оружием его отца Сура-батыра, при помощи которого тот добывает себе пропитание, а потом побеждает Масим-хана, жестокого угнетателя простого народа. Однако по непонятным теперь нам причинам, при составлении сводного текста кубаира «Урал-батыр» его образ был убран из текста самим М.А. Бурангуловым. Видимо, этим и объясняется одна из причин неувязок, допущенных в сюжете этого кубаира, текст которого известен нам. Потому что именно по причине отсутствия образа этого персонажа «Урал-батыр» лишился ряда тематических мотивов, связанных как с его именем, так и с именами других персонажей.

В любом случае сам факт сообщения о мифическом Тараул-сэсэне, свидетельствуя о неполноте текста кубаира «Урал-батыр», дает повод для размышления и о том, насколько древним считал народ искусство сэсэна.

К сказанному выше по поводу мифического Тараул-сэсэна остается добавить лишь следующее. В кубаире «Акбузат» действительно присутствует персонаж по имени Тараул. Но там не говорится, что в его лице мы встречаемся с сэсэном. На первый взгляд, ему отведена только роль традиционного доброго старца-мудреца, помогающего советом герою, когда тот попадает в трудное положение. Но в нем можно опознать сэсэна, о котором Мухаметша Бурангулов пишет во введении к кубаиру «Еренсе-сэсэн». Обратимся к кубаиру «Акбузат». По совету золотой утки герой эпоса Хаубан выходит из подводного царства, а за ним во главе с мифическим тулпаром Акбузатом начинает выходить несметное количество скота, из-за чего поднимается сильная буря. Растерянный Хаубан нарушает запрет утки не оборачиваться, и весь скот вновь возвращается в озеро. Тогда он

просит Тараула объяснить эти удивительные явления. Тот рассказывает ему следующее: *«Да, тайн здесь много. На нашем веку такой бури не было. О ней можно узнать лишь по рассказам стариков. Рассказывали так: давным-давно весь мир был затоплен водой. В то время, когда еще и наших предков не было, и Урал-гора еще не поднялась, и в этих краях не было ни одного живого существа о четырех ногах, когда жили только дивы и правил водяной падишах, явился [сюда] батыр по имени Урал и пошел на них войной. Там, где проскакал его конь Акбуз, возникли Уральские горы. В тех местах, где он дивов уничтожил, высохли воды и выступили горные хребты. Когда водяной падишах начал проигрывать битву, он отыскал бездонный омут и нырнул в то озеро, что неподалеку от вас. Дна у того озера нет, оно сливается с большой подземной рекой. Поэтому Урал-батыр не смог схватить водяного падишаха. Того падишаха звали Шульгеном. Потому и озеро назвали Шульген»* [Башкирский народный эпос, 1977, с. 379].

Ознакомившись с этим отрывком рассказа Тараула, те, кто хорошо знают кубаир «Урал-батыр», без дополнительных объяснений поймут, что Тараул поведал Хаубану фактическое содержание эпоса, притом со всеми подробностями. В этом коротком рассказе Тараула упоминаются эпизоды, отсутствующие в обеих версиях «Урал-батыра», дошедших до нас. Здесь мы имеем в виду следующие эпизоды: **(а)** «когда Урал-батыр умер, падишах Шульген велел похитить его Акбузата; **(б)** умерли и сыновья Урал-батыра; **(в)** а водяной падишах время от времени выходил на [гору] Урал и скакал верхом на Акбузате; **(г)** рассказывали, когда Акбузат, выходя из озера, вспоминал своих батыров и, рванувшись, бил крыльями, от взмахов его крыльев поднималась буря, которая разрушала горы и скалы и все переворачивала вверх тормашками. [Вот] так рассказывали» [Башкирский народный эпос, 1977, с. 379–380]. Сказанное тоже говорит о неполноте сюжета кубаира «Урал-батыр», о бесследном исчезновении не только ряда тематических мотивов (мини-сюжетов) кубаира, но и совершенно полноценных сюжетов, являющихся продолжением эпоса, в которых в качестве главных героев выступили Яик, Идель, Нугуш, сыновья Урал-батыра и его племянник Хакмар, сын его старшего брата Шульгена. Здесь речь идет о первоначальном, гораздо более объемном варианте эпоса «Урал-батыр», который требуется реконструировать.

Когда М.А. Бурангулов, говоря о Тараул-сэсэне, ссылаясь и на эпос «Акбузат», видимо, имел в виду эпизод передачи Хаубану

содержания кубаира «Урал-батыр». Это тоже говорит в пользу нашего предположения о том, что из уст этого сэсэн кубаир прозвучал в полноценном варианте со всеми подробностями, включая и те эпизоды, которые отсутствуют в тексте этого произведения, дошедшего до нас. Тогда можно предположить, что первоначально кубаир «Урал-батыр» в качестве интертекста входил в состав гораздо более объемного эпоса «Акбузат». Была ли у М.А. Бурангулова возможность сделать где-то примечание о допущенных сокращениях, как это сделал краевед XIX века В.С. Юматов, специально сокративший эпический кубаир о междоусобной борьбе двух ногайских мурз Аксак-Килембета и Кара-Килембета. Вот что он писал по этому поводу: «Передаю предание (этот эпический кубаир он так и называет. – А.С.) так, как его слышал, сократив несколько рассказ; у башкирцев он, большею частью, облечен в драматическую форму, едва ли не древнейшую, в какой передавались все предания и первобытные истории» [Юматов, 1990, с. 83, 195]. Но Бурангулов такую оговорку не сделал, видимо, предполагая продолжить работу над эпосом. Современным исследователям эпоса предстоит выполнить эту работу, и тогда, возможно, мы получим более полную версию эпоса «Урал-батыр».

В ходе подготовки Досье в адрес штаб-квартиры ЮНЕСКО о включении эпического кубаира «Урал-батыр» в список «Шедевры устного и нематериального культурного наследия человечества» нельзя ограничиваться только опубликованным хрестоматийным текстом этого эпического кубаира, поскольку имеется ряд эпических памятников башкир, связанных с ним на уровне либо сюжета («Идель и Яик», «Миняй батыр и царь Шульген»), либо тематического мотива («Кунур-буга»), либо общности некоторых персонажей, географического ареала их действия («Акбузат») и т.д. Все они воспринимаются как части одного целого, иначе говоря – как составные части кубаира «Урал-батыр», большого эпического памятника. Такой опыт в мировом эпосоведении тоже имеется, наиболее известным примером которого является киргизский дастан «Манас», состоящий из трех частей, четырех книг [Манас, 1979, 1981, 1982]. Фактически героическим эпосом является только первая часть этой трилогии (18,5 п.л.): тема героических подвигов завершается со смертью Манаса. Эпическая широта второй части (28 п.л.), названной в честь ее главного героя Семетея, сына Манаса, во многом уступает первой части. Ее сюжет охватывает только один героический поход Семетея на родину своей возлюбленной Ай-Чурек, чтобы освободить ее народ от калмыков. Большое место в этом дастане занимают

эпизоды, связанные с родовыми распрями. Третья часть эпоса посвящена Сейтеку, внуку Манаса (21,5 п.л.) и полностью состоит из эпизодов борьбы главного героя с родственниками. Четвертая книга (23 п.л.) тоже не является героической поэмой.

Таким образом, хотя киргизский дастан «Манас» в мировом масштабе называется великим героическим эпосом, вторая, третья и четвертая части его фактически не оправдывают этого названия, потому что в них Манас вообще не фигурирует. А герои башкирских кубаиров «Идель и Яик», «Акбузат», «Миняй батыр и царь Шульген», несмотря на кое-какие лакуны, продолжают героические подвиги Урал-батыра: Идель и Яик очищают землю, образованную отцом, от наземных мифических темных сил, приспособливают ее для людей, чтобы они жили спокойно; Хаубан, герой второго кубаира, вооружившись алмазным мечом Урал-батыра, отправляется на тулпаре в поход против жестокого Масем-хана, уничтожает его и устраивает в стране, созданной Урал-батыром, социальную справедливость; Миняй-батыр уничтожает царя Шульгена, освобождает всех его узников, в том числе свою невесту Тандысу и постаревшего Хаубан-батыра. Все это подтверждает предположение А.С. Мирбадалевой о существовании гораздо большего по объему эпоса, включавшего в себя и дошедший до нас кубаир «Урал-батыр», высказанное ею в предисловии к книге «Башкирский народный эпос», вышедшей в Москве в 1977 году в серии «Эпос народов СССР»: «В эпосе об Урал-батыре, самом популярном народном герое, наметилась тенденция к генеалогической циклизации (разрядка наша. – А.С.). В прошлом, по-видимому, существовал единый цикл вокруг имени Урала, о том свидетельствует дошедшее до нас сказание «Акбузат», повествующее о богатыре Хаубане – правнуке Урала [Башкирский народный эпос, 1977, с. 50]». Далее она пишет: «Очевидцы вспоминают о том, что М. Бурангуловым от сэсна Габита было записано сказание «Идель и Яик», посвященное подвигам сыновей богатыря Урала (кстати, об этом сообщает и сам М. Бурангулов в очерке «Габит-сэсэн» [Бурангулов, 1995, с. 103]. Однако эта запись не найдена [Башкирский народный эпос, 1977, с. 50]. На пресс-конференции, организованной Министерством печати и массовой информации РБ в 1996 году и посвященной проблемам пропаганды эпоса, был затронут вопрос объемной рукописи М. Бурангулова с дополненной версией эпоса «Урал-батыр» (около 300 страниц), переданной в Союз писателей БАССР и попавшей далее в отдел идеологической работы Обкома

КПСС в последний год жизни сэсна. Эта рукопись пока также не обнаружена.

Не исключена возможность, что заключительная часть «Урал-батыра», рассказывающая о сыновьях Урала – Яике, Иделе, Нугуше и Сакмаре (в лице последнего имеется в виду племянник Урала, то есть сын Шульгена. – А.С.), является отрывком из самостоятельного сказания «Идель и Яик», попавшим в сказание «Урал-батыр» в результате контаминации сюжетов» [Башкирский народный эпос, 1977, с. 50]. Следовательно, в любом случае следует рассматривать эпические сюжеты «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Миняй-батыр и царь Шульген» в едином комплексе и представить в ЮНЕСКО эпос именно в таком расширенном формате. При этом обязательно нужно обозначить, какие части составляющих первоначального варианта сюжета до нас не дошли (то есть нужно указать лакуны), какие версии дошли до нас в форме иртека, какие только – в прозе, а также те, которые вновь обнаружены в виде отрывков или сильно сжатых вариантов и версий основного сюжета. По сути, это будет новая, полная версия большого эпоса «Урал-батыр». Работа, начатая первым исследователем эпоса Мухаметшой Бурангуловым, должна быть достойно завершена.

Литература

- Башкирский народный эпос. М., 1977.
Бурангулов М.А. Завещание сэсна. Уфа, 1995.
Книга отца нашего Коркута : огузский героический эпос. Баку, 1989.
Манас. Фрунзе, 1979. Кн. 1–3.
Юматов В.С. Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1990. Т. 1.

АЛТАЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАБОЧИХ ЗАПИСЕЙ В.М. ШУКШИНА

Д.В. Марьин

Ключевые слова: филология, литературоведение, русская литература XX века, жизнь и творчество В.М. Шукшина, рабочие записи.

Keywords: philology, literary criticism, Russian literature of the XX century, life and creation work of V.M. Shukshin, working notes.

Произведения внелитературных жанров (дневники, письма, автобиографии, дневниковые записи и т.п.) обычно находятся на периферии исследования творчества писателя. Между тем, именно подобные документы могут служить ценным источником для изучения биографии писателя, эволюции его творческой манеры, помогают реконструировать историю работы над известными художественными произведениями, а в некоторых случаях являются авантекстами последних. Рабочие записи В.М. Шукшина, без сомнения, относятся к той части его творческого наследия, которая изучена меньше всего. До сих пор нет полного свода шукшинских рабочих записей, практически полностью отсутствуют посвященные им исследовательские работы. Единственной научной работой, полностью относящейся к изучению специфики рабочих записей Шукшина, остается статья рижского литературоведа П.С. Глушакова в 3 томе энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» [Творчество В.М. Шукшина, 2007, с. 352–355], позже перепечатанная в научно-популярной «Шукшинской энциклопедии» [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 306–310]. К поэтике рабочих записей рижанин обращается также в статье «Этюды о поэтике Василия Шукшина» [Шукшин, 2008]. Этот же

материал с дополнениями вошел и в книгу П.С. Глушакова, посвященную анализу творчества В.М. Шукшина и Н.М. Рубцова [Глушаков, 2009]. Обратим внимание также и на краткую заметку-комментарий Л.А. Аннинского и Л.Н. Федосеевой-Шукшиной к рабочим записям писателя в сборнике «Вопросы самому себе» [Шукшин, 1981, с. 254], а также на развернутый комментарий к рабочим записям в 8 томе юбилейного собрания сочинений Шукшина, автором которого и редактором-составителем тома является автор данной статьи [Шукшин, 2009, с. 480–484]. Указанные работы дают лишь самое общее представление о тематике и содержании рабочих записей писателя с Алтая, элементах их поэтики, возможных вариантах интерпретации. На примере анализа одной рабочей записи покажем приемы интерпретации текстов данного внелитературного жанра.

В 2000 году Н.М. Зиновьевой (сестрой В.М. Шукшина) в фонды ВММЗВШ в с. Сростки была передана рабочая тетрадь писателя, которая наряду с рукописями рассказов «Светлые ночи» и «Сокровенный рассказ», черновым вариантом предисловия к рассказам Е. Попова, статьей «О творчестве Василия Белова» и вставкой в киносценарий «Печки-лавочки» содержит также 5 рабочих записей на форзацах [Рабочая тетрадь В.М. Шукшина]. На первом форзаце тетради, в правом нижнем углу, есть надпись в две строки: «Янв. 71. Ленинград», что позволяет достаточно точно датировать рабочие записи из данной тетради.

Из пяти записей обратим внимание на следующую: «Состоялся вечер парикмахеров. На вечере выступили Г. Бритиков и О. Стриженов. Своими воспоминаниями поделился И. Лысцов» [Шукшин, 2009, с. 291]. Запись, как видим, носит нарративный характер, что не часто встречается в шукшинских рабочих записях. Очевидно также и то, что запись несет не прямой, а фигуральный смысл. Прежде всего, бросается в глаза тройной комический эффект:

1) рабочая запись стилизована под газетную заметку, но сам масштаб события («вечер парикмахеров») явно не соответствует газетному уровню;

2) в искусственно созданной сюжетной зарисовке используются фамилии персонажей с определенной семантикой корня. При этом отчетливо угадывается аллюзия на поговорку «Хоть брито, хоть стрижено, а все голо» [Даль, 1880, с. 130];

3) фамилии и имена, упоминаемые в рабочей записи, принадлежат реальным людям, к тому же известным: Бритиков Григорий Иванович (1908–1982) – член Союза кинематографистов СССР, в 1955–1978 годах директор к/с им. М. Горького; Стриженов Олег Александрович (р. 1929) – советский, российский актер театра и кино; Лысцов Иван Васильевич

(1934–1994) – советский, российский поэт и публицист. Таким образом, можно говорить о том, что комический эффект в данной рабочей записи перерастает в сатирический, возможно, даже фельетонный. Шукшину это было не чуждо: вспомним его статьи в сrostинской районной газете «Боевой клич» или творческую работу при поступлении во ВГИК «Киты, или о том, как мы приобщались к искусству», где явственно ощущаются фельетонные черты.

Попробуем дать интерпретацию интересующей нас рабочей записи. Главная особенность поэтики данной записи – тернарность: это и три предложения, и три действующих лица, и тройной комический эффект. П.С. Глушаков называет тернарность одним из главных приемов поэтики шукшинских рабочих записей и видит в ней структурный изоморфизм и гегелевской триаде, и христианской Троице, и «объективированной реальности» как троичности пространственно-временного континуума (три категории времени, три измерения пространства) [Глушаков, 2008, с. 76]. В данном случае трижды выраженная в рабочей записи тернарность, если угодно, «тернарность в кубе» указывает на универсальный, метафизический смысл текста. Чтобы лучше понять, какой именно смысл зашифрован в тексте рабочей записи, обратимся к контексту, в котором она встречается в тетради Шукшина.

В рукописи данной рабочей записи предшествуют две другие: *«В рассказах В. Некрасова происходит то, что в них происходит, но в ваших-то, Марковы, Баруздины, совсем же ничего не происходит, потому-то все – ложь и беспомощность»*. А также: *«И люблю наших разночинцев (Слепцова, Н. Успенского, Решетникова, Помяловского)... Это – не потому, что их можно противопоставить Чехову и Бунину, а – чтоб привлечь к ним внимание. Есть, однако, и убеждение, что без первых не было бы последующих, ярких»* [Рабочая тетрадь В.М. Шукшина], [Шукшин, 2009, с. 291]. Заметим, что Шукшин без особого внимания относился к своим рабочим записям. Записи обычно не имеют четкой и единой пространственной организации, нелинейны: часто написаны в диагональной плоскости листа (иногда направление письма у двух записей на одной странице противоположно), могут располагаться на полях страниц, на обложке тетради, в ряде случаев сопровождаются рисунками автора. В данном же случае записи расположены на одной странице, при этом одно направление письма, один и тот же цвет чернил свидетельствуют о том, что все три записи сделаны Шукшиным в одно время. Более того, две вышеприведенные записи, как видим, объединяет одна тема: *творчество, искусство* и, в частности, тема *правды в искусстве*. Логично видеть принадлежность и третьей записи к этой теме.

Именно в таком аспекте поддается расшифровке и смысл интересующей нас рабочей записи. Случайна ли отсылка к названным в тексте записи реальным лицам? Только ли семантикой их фамилий определен выбор Шукшина?

Напомним, что рабочая тетрадь Шукшина имеет авторскую датировку: январь 1971 года. Видимо, это дата начала ведения тетради. Сами же записи могли быть сделаны чуть позже. Что происходило в начале 1971 года в творческой жизни Шукшина? 11 февраля 1971 года на заседании художественного совета к/с им. М. Горького было принято решение о необходимости обязательной доработки сценария фильма о Степане Разине. И хотя уже 25 февраля Шукшиным представлена на имя директора киностудии Г.И. Бритикова заявка с просьбой о продолжении подготовительных работ по фильму [Шукшин, 2009, с. 308], фактически все работы были приостановлены. В письме к В.И. Белову, написанному в марте этого года, Шукшин посетует: «*“Разина” закрыли. В “Нов. [ом] мире” больше не берут печатать, взял оттуда свои рассказы*» [Шукшин, 2009, с. 248]. Как известно, на к/с им. Горького фильм так и не был поставлен, и четкое осознание бесперспективности дальнейшей борьбы в итоге подтолкнуло Шукшина в конце 1973 года к переходу на к/с «Мосфильм». Безусловно, во всех трудностях с запуском картины (первая попытка поставить «Разина» относится к 1966 году) Шукшин не мог не винить директора студии Бритикова. Кинодраматург, вдова Л. Кулиджанова, Н.А. Фокина в своих воспоминаниях называет Г.И. Бритикова *«человеком чутким и справедливым»*, но в то же время подчеркивает, что он *«был человеком служивым и партийным и к партийной дисциплине относился свято»* [Фокина, 2003, с. 127], чем и объясняется ряд его «охранительных» поступков. Для Шукшина подобная амбивалентная оценка вряд ли могла быть приемлема. Сатирическое упоминание Бритикова в рабочей записи дает нам представление об истинном отношении режиссера к этому человеку.

Неоднозначное отношение было у В.М. Шукшина и к популярному советскому актеру О.А. Стриженову. Трудно сказать, были ли причиной тому личные отношения. Известно, что и Шукшин, и Стриженов в начале 1960-х годов бывали в кружке кинорежиссера Л. Кочаряна, собиравшемся в его квартире в доме в Большом Каретном переулке. В этот кружок входили также В. Высоцкий, А. Тарковский, А. Макаров, Э. Кеосаян, М. Таль, И. Глазунов и многие другие известные люди [Живая жизнь, 1992, с. 8]. Возможно, характер отношения Шукшина к актеру предопределили не столько причины личного характера, сколько идейно-эстетические установки самого алтайского режиссера. В письме к

троюродному брату И.П. Попову, написанном в январе 1957 года (то есть еще до предполагаемого знакомства со Стриженовым), Шукшин делает критический разбор только что вышедшего на экраны х/ф «Сорок первый» (к/с «Мосфильм, 1956, реж. Г. Чухрай). Доля негативной критики достается здесь и О. Стриженову, сыгравшему в картине роль поручика Говорухи-Отрока: *«Герой – любит себя. (Это несколько субъективно, но я не выношу красивых мужчин.)»* [Шукшин, 2009, с. 213]. Стриженов, действительно, до сих пор считается одним из самых красивых актеров отечественного кино. В начале 1970-х годов (напомним, что рабочая запись датируется 1971-м годом!) произошел очередной всплеск популярности актера: в 1970 году по данным опроса журнала «Советский экран» О. Стриженов признан лучшим актером прошедшего 1969 года за роль летчика Егорова в х/ф «Неподсуден» (к/с «Мосфильм», реж. В. Усков и В. Краснопольский). В 1971 году вышел в прокат х/ф «Миссия в Кабуле» («Ленфильм», реж. Л. Квинихидзе), где актер вновь сыграл одну из ролей. Можно предположить, что в Стриженове, которому в кино доверяли преимущественно роли аристократов или романтических героев, Шукшин-режиссер не видел той самой «народной природы таланта», о которой он говорит в беседе 1971 года (!) «От прозы к фильму», и которую он отмечал в любимых им актерах: В. Санаеве, Л. Куравлеве, Н. Сазоновой, Е. Лебедеве, М. Ульянове, Н. Мордюковой [Шукшин, 2009, с. 117]. В беседе «Воздействие правдой» (1973) Шукшин выражает данную мысль более конкретно: *«Обаяние снимает сразу много проблем и поэтому опасно. Разговор со зрителем в результате выходит облегченный. Пугает та стена, которая сразу в этом случае образуется между актером, демонстрирующим свое обаяние, и зрителем. Зритель перестает верить в происходящее и сидит, наблюдает не свою жизнь, не ту, какую он знает, а некую другую, где живут чрезвычайно красивые, обаятельные люди, и живут они легко и красиво»* [Шукшин, 2009, с. 128]. Проецируется сюда же и негативное отношение Шукшина к зрительскому «требованию красивого героя», высказанное им в программной статье «Нравственность есть Правда» (1968) [Шукшин, 2009, с. 37]. «Красивый герой» (в это понятие Шукшин вкладывал не только определенный тип внешности, но и набор «положительных» моральных качеств) аргіогі вызывал симпатию зрителя и тем самым заранее определял восприятие им фильма, делал предсказуемым финал картины. Такой герой нарушал принцип верности правде, был в глазах Шукшина выдуманным, а потому и безнравственным. Но именно подобные роли играл О. Стриженов, а производство кинофильмов с героями подобного типа было поставлено советскими киностудиями на поток.

Обратимся теперь к третьему персонажу шукшинской рабочей записи. И.В. Лысцов, дебютировавший в 1969 году со сборником стихов «Доля», в начале 1970-х уже воспринимался как *«наиболее видный представитель народного направления в современной поэзии»* [Осетров, 1971, с. 5]. Лысцов, по словам обозревателя «Литературной газеты» С. Мнацаканяна, «писавший на словаре Даля» [Мнацаканян, 2012], в своих стихах охотно и нарочито прибегал к словотворчеству, использованию архаизмов и диалектизмов. Вот, например, отрывок из его стихотворения, вошедшего в дебютный сборник «Доля»: *«Село солнышко за сено, / За покосный бережок. / Рокотливо и осенно / Сеет сево в лужок»* [Лысцов, 1969, с. 86]. Своеобразный стиль Лысцова сразу же и надолго стал объектом внимания известных пародистов (см., например: [Иванов, 1983, с. 31, 210]). Однако единомышленники поэта объясняли специфику лысцовского стиля влиянием творчества С. Есенина, Н. Некрасова и В. Хлебникова [Лысцов, 1969, с. 7]. Есенин, без сомнения, был кумиром Лысцова. Есенину молодой поэт подражал не только в поэзии, но и во внешности (достаточно взглянуть на фото), и в поведении (Лысцов также приобрел репутацию хулигана). В 1990 году в журнале «Молодая гвардия» (№ 10) И. Лысцов опубликовал статью с характерным заголовком «Убийство Есенина», в которой изложил собственную версию трагической гибели великого поэта. Даже смерть Лысцова удивительным образом напоминает смерть Есенина: в апреле 1994 года тело И.В. Лысцова со следами побоев было обнаружено в пруду возле дома, где он жил. Обстоятельства гибели так и не были установлены...

У В.М. Шукшина, который любил и высоко ценил творчество С.А. Есенина, лысцовское откровенное, нарочитое подражание великому поэту не могло вызвать симпатию. По-другому алтайский писатель представлял себе и «народное направление в литературе». В языке поэзии Лысцова Шукшин, наверняка, видел лишь неуклюжую стилизацию под «народный язык», прихотливый изыск городского жителя, еще один культурный суррогат, а потому – ложную ценность. Шукшину ближе язык прозы В.И. Белова, в котором *«с дух, чувство меры, чувство правды, тактичность – все хорошо, все к делу»* [Шукшин, 2009, с. 82]. Согласно Шукшину творчество Белова питалось живительными силами его малой родины, постоянным обращением к богатству живого русского языка, искренней любовью к деревенским людям и ценностям патриархальной культуры. Да и сам Шукшин, используя в своих произведениях диалектизмы для достоверной передачи речи сельских жителей, в зрелом творчестве не злоупотреблял словами данной лексической группы. Даже в сценарии фильма о Степане Разине он сознательно отказывается от

стилизации языка персонажей под говор донских казаков XVII века («Стенька для меня – вся жизнь») [Шукшин, 2009, с. 141].

Итак, подведем итог нашему анализу. В рабочей записи В.М. Шукшина представлен сатирический взгляд на состояние советского кинематографа и литературы начала 1970-х годов. Запись вполне созвучна критическому пафосу синхронной шукшинской публицистики, пессимистическому настроению целой группы рабочих записей, посвященных искусству («*Да, литературы нет. Это ведь даже произнести страшно, а мы – живем!*») [Шукшин, 2009, с. 287] и др.). Вывод Шукшина неутешителен: «Хоть брито, хоть стрижено – а все голо!». Особенность рассмотренной нами записи заключается в том, что наиболее яркие носители критикуемых Шукшиным недостатков выведены здесь под своими настоящими именами. Их «парикмахерское» искусство соотносится с приукрашиванием действительности, с «причесыванием» произведений кино и литературы, а, следовательно, с искусством ложным и безнравственным. В то же время перед нами, по сути, манифест Шукшина, в предельно сжатой форме отражающий его важнейшие идейно-эстетические воззрения на кинопроизводство, актерскую игру и литературу: отрицание «причесанного», «приглаженного» искусства, требование правдивого осмысления социального бытия, искренний интерес и внимание к простому человеку.

Литература

- Глушаков П.С. Эпюды о поэтике Василия Шукшина // Шукшинский вестник. Сроки, 2008. Вып. 2.
- Глушаков П.С. Очерки творчества В.М. Шукшина и Н.М. Рубцова: классическая традиция и поэтика. Рига, 2009.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб, 1880. Т. 1. Живая жизнь. М., 1992.
- Иванов А.А. Плоды вдохновения. М., 1983.
- Лысцов И. Доля. Стихи. М., 1969.
- Мнацаканян С. «Рваное время». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rogdestvenskij.ru/8.html> (дата обращения: 01.08.2012).
- Осетров Е. Мир поэта // Лысцов И. Стезя. Стихи. М., 1971.
- Рабочая тетрадь В.М. Шукшина. ВММЗВШ. ОФ 9301.
- Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3.
- Шукшин В.М. Вопросы самому себе. М., 1981.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8-ми тт. Барнаул, 2009. Т. 8.
- Шукшинская энциклопедия. Барнаул, 2011.
- Фокина Н. Когда деревья были большими // Искусство кино. 2003. № 12.

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

Григорий Яковлевич Солганик

27 декабря 2012 года на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова прошло чествование ведущего российского ученого, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой стилистики русского языка Григория Яковлевича Солганика.

Это не было подведение итогов, скорее – «промежуточная аттестация». Впереди у кафедры много научных проектов, много планов, работы и переполненных дней. О возрасте мы вспоминаем только в дни юбилеев, когда нам о нем напоминают.

Выражаясь современным языком, Солганик – это бренд нашей кафедры. Мне никогда не нужно было никаких визиток, потому что моя самопрезентация: «Я работаю на кафедре Солганика» всех вполне удовлетворяла: Солганика знают все российские филологи. А Григорий Яковлевич этому удивляется и всегда немного стесняется. Он не любит пафоса и не заботится о модном сегодня пиаре.

Московская школа стилистики – это не он провозгласил, это сказал петербургский профессор В.И. Коньков, отметив, что только природная скромность не позволяет нашему Григорию Яковлевичу позиционировать себя такими номинациями, которые становятся в однородный ряд с *Пражским лингвистическим кружком*, *ОПОЯЗом*, «*могучей кучкой*»...

«Мэтр отечественной стилистики» в первую очередь скромный, рефлексирующий человек.

Основные научные труды профессора Солганика служат маркерами развития российской филологической науки: от слова и предложения – к тексту, от системы – к речевой деятельности.

Мы знаем, что защитой кандидатской завершается период ученичества и только докторская становится началом собственного научного пути. Но это сегодня, в наше прагматическое время, когда информация в одном компьютерном «клике» от тебя и библиотеки практически не нужны. Не случайно сегодня в моде аспирантская шутка: «Оригинальные идеи? Легко! Ими переполнен Интернет».

В докомпьютерную эпоху кандидатская – не просто титанический труд по добыче информации, но и обязательно собственная, авторская концепция.

В своей кандидатской диссертации «О способах объединения самостоятельных предложений в прозаические строфы (сложные синтаксические целые)», защищенной в 1965 году, Григорий Яковлевич Солганик вводит в научный оборот новую синтаксическую концепцию прозаических строф, или сложных синтаксических целых (ССЦ), которая и сегодня актуальна, хотя стала классической. Эта концепция уже тогда разворачивала языковую систему к речи, к тексту как деятельности (в современном его понимании).

Синтаксические штудии того научного времени заканчивались изучением предложения, предложение рассматривалось как максимальная единица языка. Прозаическая строфа одним уже своим названием говорила о связанном тексте. Это были истоки *лингвистики речи* – того направления, которое сегодня начинает активно развиваться не только на нашей кафедре, но и в российском научном сообществе.

Поэтому символичным стало название коллективной монографии, посвященной 80-летию профессора Г.Я. Солганика, - «Лингвистика речи. Медиастилистика» (М.: ФЛИНТА : Наука, 2012.). Г.Я. Солганик в своей статье «Лингвистика речи в настоящем и будущем», открывающей эту солидную книгу, пишет: «Лингвистика речи – весьма актуальная и перспективная научная дисциплина. Ее формирование связано с новейшими направлениями современного языкознания – прагмалингвистикой, социолингвистикой, когнитивной лингвистикой и др. Общий исток этих направлений заключается в ориентации прежде всего на изучение речи, в решительном повороте от исследования языка к исследованию речи. Только в речи обнаруживается, осуществляется связь языка с человеком говорящим, с мышлением, обществом, со всеми сферами функционирования языка. Изучение речи значительно расширяет горизонты лингвистики. Лингвистика речи дает ценный материал для общего языкознания в части познания сущности языка (речи), для функциональной стилистики, риторики, культуры речи и других отраслей языковедения. Дальнейшее изучение лингвистики речи весьма актуально и перспективно».

Но речь состоит из отчетливо различаемых слов. Слова называют «кирпичиками» речи. Но слова – не просто строительный материал, это густки смысла, то, что выделяет человека говорящего из окружающего его мира. Поэтому во все времена словам придавалось символическое значение. Слово равняется Имени: имени вещного мира, мира духовного и ментального. Слово – это и свернутый смысл высказывания, и тема, и образ говорящего, и его стиль. Слова-символы членят и направляют поток человеческой коммуникации подобно тому, как теги структурируют виртуальное пространство Сети.

В своей научной жизни Г.Я. Солганик большое внимание уделил Слову – слову воздействующему. В 1976 году ученый защитил докторскую

диссертацию «Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования». Здесь впервые был обоснован им конструктивный принцип языка публицистики – принцип *социальной оценочности*. Концепция социальной оценочности лежит в основе современной медиастилистики. В основу медиастилистики положены и такие концепции Г.Я. Солганика, как *типология автора-публициста*, *публицистическая картина мира* и др. Да и сама медиастилистика получила свое название именно на кафедре стилистики русского языка, возглавляемой Г.Я. Солгаником уже пятнадцать плодотворных научных лет.

Медиастилистика – термин, предложенный нашей кафедрой на Первой международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра» в 2010 году. Он коррелирует с термином *медиалингвистика*, но, в отличие от него, конкретизирует круг научно-практических задач. Медиастилистика – та часть «большой» стилистики, которая не только наиболее ярко и наглядно демонстрирует, но и формирует новые тенденции, способствующие развитию теории стилистики.

«Мэтру российской стилистики» - так подписала Г.Я. Солганику одну из своих последних книг профессор М.Н. Кожина, создатель Пермской школы функциональной стилистики. И мне кажется, что я не ошибусь, если именно Стилистику назову самой глубокой научной любовью Григория Яковлевича. Наша кафедра не случайно носит ее имя.

В развитии науки, как и в развитии общества, бывают бурные взлеты и спокойные периоды накопления новых знаний, иногда воспринимаемые как «топтание на месте», кризис. Стилистика, сменившая риторiku с ее прагматикой конкретных решений конкретных задач (например, достижение эффективности речей), в XX веке поставила крупные теоретические проблемы, создав онтологию языка и речи, стиля и стилей, формы и содержания и др. Славянской науке всегда был присущ холистический взгляд на мир, пассионарность, а не практицизм. Поэтому в славянском языкознании стилистика закономерно заняла ведущее место среди филологических дисциплин.

В русской стилистике одним из самых значительных теоретических достижений стала функциональная стилистика, позволившая описать русский язык в его функциональных разновидностях (см. труды В.В. Виноградова, М.Н. Кожинной, Г.Я. Солганика, Д.Н. Шмелева и др.).

Теория функциональных стилей, опираясь на структурную научную парадигму, доминировавшую в XX веке, из существовавшего «хаоса» стилистик и стилей создала стройную концепцию понимания стиля как «системы систем» (состоящую из лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического ярусов).

Думается, можно учесть, что стройность, логичность филологической теории подтверждалась устоявшейся речевой практикой советского строя, регламентированной, упорядоченной и коллективно воспроизводимой.

Двадцать первый век поставил стилистику в новые, конкурентные условия. Научный поворот от структурной парадигмы к антропоцентрической выдвинул на первый план когнитивистику, прагматику, коммуникативистику / дискуртологию. Эти науки создали новые гуманитарные концепции, в центре которых – *человек говорящий*.

Для стилистики такой поворот не является вызовом. *Образ автора* в стилистике (В.В. Виноградов) коррелирует с *языковой личностью* (Ю.Н. Караулов) в когнитивистике, *дискурсивной личностью* (Е.И. Шейгал) в дискуртологии, *дискурсивной языковой личностью* (Е.Г. Мальшева) в когнитивно-дискурсологических исследованиях, *адресантом* в коммуникативистике.

Со сменой структурной (упорядоченной, аналитической) парадигмы на антропоцентрическую (сложную, диссипативную, с элементами иррациональности) меняется и стилистика, в которой сегодня наблюдается поиск новых методов описания неупорядоченной и во многом креативной языковой деятельности человека. К этому поиску «подталкивает» русскую стилистику и экстралингвистика постсоветского периода.

Поэтому не случайно наша московская школа стилистики, возглавляемая Г.Я. Солгаником, сегодня разрабатывает новые стилистические методы, адекватные запросам времени. *Интенциональный метод* как интегральный стилистический метод впервые был введен в стилистику именно на нашей кафедре и получил в русской стилистике постоянную прописку. Старейшая кафедра стилистики в России, сохраняя традиции, задает вектор стилистических перемен.

И это, на мой взгляд, самая главная черта характера профессора Г.Я. Солганика – открытость всему новому. Рядом с ним очень легко работать, потому что он руководит незаметно и никогда не мешает ученому развивать свои идеи, какими бы оригинальными они ни казались на первый взгляд. Но вместе с тем он открыто борется с псевдонаучными изысканиями, которых, к сожалению, так много сегодня...

Поскольку вся научная жизнь Григория Яковлевича связана с факультетом журналистики, мы не смогли обойтись без первичного, важнейшего для журналистики жанра – жанра интервью, а поскольку профессор Солганик возглавляет лингвистическую кафедру, то мы не могли обойтись и без лингвистического ассоциативного эксперимента.

Интервью

– Григорий Яковлевич, какие у Вас любимые ученые?

– Лев Владимирович Щерба и Григорий Осипович Винокур.

– А за что Вы их так высоко цените?

– За глубокие идеи, выраженные просто. Я в ученых больше всего ценю глубину мыслей и простоту формы.

– Григорий Яковлевич, а в людях, что Вы цените прежде всего?

– Порядочность.

– А какая Ваша работа для Вас самая любимая, выстраданная?

- Лингвистика текста.
- *Как Вам видится сегодня и завтра нашей кафедры?*
- Как диалектически взаимосвязанные специализация и расширение спектра наших методов анализа.
- *А как Вам видится будущее отечественной науки?*
- Общая картина грустная... Ей нужны радикальные методы возрождения и поддержки.
- *Как ведущий стилист России, дайте определение: стиль – это...*
- Стиль – это жизнь.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного на кафедре стилистики русского языка:

Солганик – это сила
любовь;
интересный ученый;
мужчина;
праздник;
заведующий кафедрой;
классный (!) руководитель...

Вот какой наш Григорий Яковлевич.

Н.И. Клушина

ОБЗОРЫ

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Л.Г. Васильев, О.Н. Мищук

Ключевые слова: речевое воздействие, манипуляция, дискурс, СМИ, реклама, политический дискурс, стратегии, тактики, моделирование.

Keywords: Speech influence, manipulation, discourse, mass media, advertising, political discourse, strategies, tactics, simulation.

Настоящая статья посвящена анализу кандидатских диссертаций по речевому воздействию (далее – РВ) с 2003 по 2012 год. В них ставится вопрос о параметрах выявления в дискурсе речевых и языковых средств осуществления РВ.

Неизбежная неполнота картины обусловлена ограничениями по объему данной статьи. Тем не менее, представляется, что разбираемые подходы именно в силу их несхожести друг с другом дают репрезентативную картину современного состояния изученности проблемы РВ.

Речевое воздействие в разных типах дискурса или без учета его специфики

Полидискурсивное исследование Э.Э. Шуберт [Шуберт, 2006] исходит из того, что воздействие на эмоции человека – функция всей языковой системы. В организации воздействующей речи по убыванию значимости расположены: лингвистический аспект (речевые стратегии); экстралингвистическое наполнение ситуации; паралингвистическое оформление. К дискурсивным единицам РВ отнесены паремии, устойчивые сравнения, дискурсивные идиомы, стереотипы. Рассмотрены средства РВ в аргументативном,

медицинском, художественном, поэтическом, рекламном типах дискурса.

В аргументативном принципиально открытие «фильтра доверия» в когнитивном пространстве реципиента – предрасположенность его к принятию аргументации.

В медицинском описываются особенности НЛП как метода суггестии, роль метафоры и паремии при рефрейминге (обнаружении положительного в отрицательном).

Для художественного важны эмоционально-оценочные и экспрессивные единицы, но основным средством РВ считается метафора.

В поэтическом описывается РВ-функция цветообозначений, содержащих скрытую авторскую модальность, пресуппозиционные, экстралингвистические сведения.

В рекламном дискурсе РВ призвано изменить когнитивное состояние адресата. Для убеждения используются следующие тактики: имплицитная подача информации, ее искажение, утаивание; правильный выбор момента подачи информации; использование намеков и фальсификации.

РВ эффективно при использовании косвенной тактики и исключении императивов. Основной принцип построения косвенной тактики – предъявление некоторой загадки, разгадав которую, адресат получит представление о содержании сообщения и поймет, почему оно строится непрямо.

Данный подход интересен освещением многофакторности РВ в проекции на разные типы дискурса.

Коммуникативно-прагматический с психолингвистическим креном подход Е.В. Денисюк [Денисюк, 2004] отличается от традиционно-лингвистических: в нем утверждается, что манипулятивное (скрытое от адресата) РВ отличается от неманипулятивного не тактиками, приемами или инвентарем языковых и речевых средств, а особой структурной организацией.

Различаются два аспекта РВ – деятельностный (воздействие на систему убеждений индивида для мотивации его к совершению требуемого действия) и когнитивный (формирование у объекта РВ убеждения о выгодности этого действия).

Объект РВ самостоятельно конструирует для себя доводы, обосновывающие выгоду. Поэтому разделение РВ на внушение, убеждение, уговоры, доказывание и т.п. нерелевантно уже потому, что

связано с речевым оформлением воздействия его субъектом, но не учитывает внутреннее обоснование со стороны объекта РВ.

Единицей РВ считается речевой поступок, обладающий двусторонностью: аргумент, состоящий из тезиса (характеристики какого-либо компонента ситуации) и довода (на основе коммуникативного смысла высказывания). Сам речевой поступок обладает двумя разновидностями смысла – коммуникативным и прагматическим. Лишь последний имеет языковую манифестацию, причем этот смысл выразим посредством сразу нескольких коммуникативных смыслов. Отсюда понятна идея автора о двуплановой сути РВ: деятельность объекта РВ превращается из рецептивной в интерпретационную – по расшифровке коммуникативного смысла, находящегося за пределами высказывания.

Принципиальная имплицитность РВ позволяет автору сблизить не-манипулятивное и манипулятивное воздействия. Манипуляция встречается при отсутствии у объекта РВ мотивации к совершению нужного субъекту действия. Стратегия манипулятивного РВ понимается как этапность, а тактика – как способ РВ. Разделяются мотивационная и интерпретационная субстратегии. Тактика выявляется путем анализа отношений между коммуникативными смыслами высказывания и речевого поступка.

Для мотивационной субстратегии типичны тактики обмена и совета / предложения, для интерпретационной – тактики интеграции с собеседником, противопоставления третьим лицам, положительных оценки собеседника и самооценки.

Данный подход отмечен проработанностью и наукоемкостью. К недостаткам можно отнести следующие. (1) Коммуникативный смысл речевого поступка считается имеющим иную, чем высказывание, природу, и поэтому всегда является имплицитным. Тогда, следуя логике автора, имплицитным следует считать и само РВ. Отсюда – принижение роли языка в РВ. (2) В силу трактовки смысла как не имеющего отношения к языку необходимо (для лингвистической диссертации) дать определение языковому значению и указать, в каком отношении со смыслом оно находится; но этого в работе не делается.

Проблемы РВ в рецептивно-продуктивной речевой деятельности рассматриваются в подходе Ю.А. Дидык [Дидык, 2010]. Манипуляция концептуализируется в рамках единой исследовательской модели – с учетом иерархии языковых ярусов, социально-статусных черт персонажей и т.д. К языковым предпосылкам манипулирования отнесены: полисемия; заимствованный, научный характер языковых

единиц; способность выражать имплицитное значение в речи; способность функционировать в несобственном (непрямом) значении.

Речевая манипуляция определяется традиционно. К способам манипулирования, вслед за С. Кара-Мурзой, отнесены: смещение информации и мнения; неконкретное обозначение субъекта; давление на эмоции; сенсационность и срочность; дробление; тоталитаризм решения; некогерентность высказывания; непонятные слова; повторение; прикрытые авторитетом; внушение; упрощение; утверждение; активизацию стереотипов.

На уровне мышления единицей манипуляции считается мысль, на уровне языка – предложение, на уровне речи – высказывание, на уровне общения – акт общения (две и более реплики). На языковом уровне средства манипуляции выделяются на всех уровнях.

На *фонетическом* ярусе это стилеобразующие варианты фонем, аллитерация и ассонанс, ремарки, паузация. На *морфологическом* ярусе – категория наклонения, местоимения (неоднозначно интерпретируемые в речи манипулятора), частицы, междометия. На *лексическом* ярусе манипулятивна эмоционально окрашенная лексика. На *синтаксическом* – намеренное построение предложений с несоответствием их структурного и семантического значений: употребление в несобственно прямом значении; недостаток (односоставные и неполные предложения) или избыток (сложные и осложненные конструкции) компонентов в высказывании; синтаксический параллелизм. *Семасиологический* ярус в представлен тропами и фигурами речи – метафорами, гиперболами, сравнениями. Речевая манипуляция проявляется в создании зоны языкового напряжения.

На уровне общения в числе манипулятивных *приемов* установлены: 1) намеренное отрицание ситуаций и возможностей адресата, изначально необходимых манипулятору для достижения цели; 2) оправдание аморальных поступков преследованием высокой цели; 3) интенсификация РВ путем повторов высказываний; 4) угрозы разорвать с манипулируемым отношения; 5) упоминание о желаемом действии вскользь, но с расчетом на повышенное внимание со стороны адресата.

В целом, подход Ю.А. Дидык представляет интересную разработку многоуровневого подхода к РВ. К его недостаткам можно отнести следующие. (1) Основное отличие актуализации от манипуляции автор видит в отсутствии намерения актуализатора получить лишь односторонний выигрыш. Но из этого не может следовать вывод о ‘личностной ущербности’ манипулятора, в отличие

от 'целостности' актуализатора. (2) Автор некритически заимствует таксономию способов манипулирования С. Кара-Мурзы: в ней представлены разнородные компоненты – как собственно языковые, так и психологические, социологические и общепрагматические. (3) Таксономически ошибочной представляется и классификация манипуляций на а) осознанные и неосознанные, б) вербальные и невербальные, в) успешные и неуспешные, г) манипуляцию и актуализацию – в этой системе отсутствует единый критерий разбиения или изложение модульного принципа.

Исследование М.А. Лисихиной [Лисихина, 2009] посвящено изучению макро-речевого акта (далее – МРА) дискредитации. Достижением работы можно считать: (а) изучение динамики ситуации общения от момента первичного выражения коммуникантом интенции до проявления перлокутивного эффекта; (б) значимость ролевых статусов коммуникантов при асимметричных отношениях и возможность усиления перлокутивного эффекта дискредитации путем привлечения наблюдателей; (г) влияние кооперативных или конфронтационных интенций на выбор коммуникантами формы интеракции и языковых средств.

Для этого подхода характерен аксиологический крен: дискредитация базируется на понятии оценки, сопутствующей любой деятельности. Компонентами оценки считаются ее субъект, объект, характер и основание.

По признаку субъекта выделяются эксплицитный и имплицитный, индивидуальный и коллективный типы, подчеркивается важность его статусно-ролевого признака. По признаку объекта различаются собственно объект дискредитации и адресат: они могут и совпадать, и различаться. По признаку характера описаны интеллектуальные, эмоциональные, этические, утилитарные, нормативные и телеологические оценки. Основание оценки составляют доводы, сопряженные с мотивировкой.

Дискредитация как конфронтационная стратегия подразделяется на прямую и косвенную, и в целом – на четыре типа МРА.

Типичные цепочки МРА в *прямой дискредитации по принципу «выигрыш любой ценой»* – комбинации ассертивных речевых актов с иллюкциями: «оскорбление» и «угроза»; «обвинение» с директивами; «оскорбление» и «описание ситуации» с директивами. Типичные языковые средства здесь – отрицательные оценочные номинации. Выделены ликоущемляющие семантические группы: антисоциальный характер деятельности; негативная оценка поведения / черт характера;

дискриминирующая по территориальному/национальному признаку, половой принадлежности; зооморфизмы; медицинская терминология; инвективы со значением отходов жизнедеятельности; оскорбительные формы обращения.

Для МРА *прямой дискредитации по правилам «честной игры»* характерны ассертивы с базисной иллюкуцией «информирование» и негативной характеристикой другого лица, сочетания ассертивов с иллюкуциями «обвинение» и «аргументация» при возможной их комбинации с директивами. Они манифестированы общеупотребительной или разговорной негативной эмоционально-оценочной лексикой.

Косвенная дискредитация используется для предупреждения разрыва речевого контакта (что нарушало бы принципы Кооперации и Вежливости).

МРА *косвенная дискредитация с учетом «лица» партнера* реализуется ассертивами (но с опущенной модусной частью и с базисными иллюкуциями «совет/правило» и «намек»), экспрессивами с базисной иллюкуцией «вопрос». В реализации макроакта используются стилистические средства ирония, гипербола, метафора и аллюзия.

МРА *косвенная дискредитация посредством манипуляции* реализуется комбинацией: ассертивов с иллюкуциями «информирование», «похвала»/«комплимент», «совет» и «аргументация»; экспрессивов с базисной иллюкуцией «вопрос». Возможно использование косвенной оценки, стилистических средств, сокрытие истинных намерений посредством слов с положительной коннотацией.

Описаны манифестации пяти принципиальных *функций* дискредитации: (1) снижения социальной / личной значимости оппонента; (2) повышения собственной значимости; (3) катарсиса; (4) регулятивной; (5) манипулятивной (с провокационными стратегиями).

Оценивая изложенный подход, отметим его целостность и проработанность, обоснованность претензий на объяснительную силу. К недостаткам можно отнести следующие.

(1) Несколько завышенной и нереализованной в должной мере представляется претензия на разработку вопроса о единице прагмалингвистического анализа и основных понятий прагматики речевого конфликта. (2) Имеется статичность представления дискредитации, выражающаяся уже терминологически: автор рассматривает не стратегии и тактики, а макро- и обычные речевые

акты. (3) Недостаточно четко разработаны таксономические вопросы. Так, МРА разбиты на *речевые акты* прямой и косвенной дискредитации, те – тоже на *речевые акты* (например, оскорбления и обвинения): однако объекты разных уровней абстракции должны иметь разные наименования. Неясным остается и основание деления прямой и косвенной разновидностей дискредитации на подтипы – единого признака здесь нет.

Речевое воздействие в рекламном дискурсе

В работе Е.С. Поповой [Попова, 2005] манипуляция определяется традиционно, на основе признака «скрытость»; манипулятивность РВ справедливо не проецируется впрямую на суггестию.

Применяется метод моделирования, предусматривающий установление рекламного прото-текста и его основных компонентов; описываются дискурсивные и текстовые черты рекламы, сигнализирующие о возможности использования в ней манипуляций.

Прототипический текст представлен в виде коммуникативно-прагматической структуры «*Я (продавец) прошу/призываю тебя (покупателя, потребителя) купить / воспользоваться этой хорошей товар / этой хорошей услугой, потому что это выгодно для тебя*».

Прото-текст содержит части с информативной и воздействующей (подчеркнуто) функциями; последняя сопряжена лишь с компонентами конкретного текста, имеющими значение побуждения и оценочности.

Воздействующая функция описывается на основе выявления в тексте скрытой коммуникативной роли (помимо субъекта и объекта воздействия) фацианта (СМИ-посредника, создателя рекламного текста).

Продавец выбирает стратегию изменения отношения покупателя к товару / услуге с отрицательного на *нейтральное / положительное*. Для этого выгода бенефицианта намеренно затушевывается фациантом как вторым субъектом РВ, а выгода адресата акцентируется. Используется удвоение рекламной стратегии: бенефициант формирует практическую стратегию (продать), а фациант – коммуникативную (как это сделать – на основе оценки ситуации, выбора целевой аудитории и т.п.). Первая известна адресату и потому не-манипулятивна; вторая, закамуфлированная фациантом, манипулятивна; в этом усматривается суть скрытого РВ.

На основе триады «стратегия – тактика – прием» устанавливается структура манипулятивного РВ: оно осуществляется с помощью манипулятивных тактик (универсальных и специфических), трансформирующих прото-текст и применяемых не бенефициантом, а

фациантом. К универсальным тактикам отнесены *подмена целей* (перенос на выгоду для адресата), *надевание маски* (информатора, советчика, наставника, друга) и *игра с мотивом* (актуализация одной потребности и выдвигание одного мотива покупки). Специфические тактики связаны с трансформацией прото-текста и являются результатом характеристики трех его элементов – адресата, качества товара, выгоды для адресата.

Эта работа дает интересную и аргументированную характеристику би-субъектности манипулятивного РВ. К недостаткам подхода можно отнести следующие.

(1) Разводя по признаку $\pm$ процессуальности дискурс и текст, автор указывает, что реальному восприятию подвергается готовый продукт – текст. Это не совсем так, ибо сама методика анализа предполагает анализ поэтапного восприятия и оценивания информации реципиентом. (2) Не описан механизм, по которому устанавливается прототипическая модель текста – скорее, это происходит умозрительно. (3) Недостаточно корректно охарактеризована группа манипулятивного воздействия со стороны коллективного субъекта – объектом здесь является не человек (ср. у автора «группа влияния» $\leftrightarrow$ «человек»), а «человек / люди», то есть как индивидуальный, так и коллективный реципиент.

Речевое воздействие в дискурсе СМИ

Подход А.А. Котова [Котов, 2003] лежит в области когнитивного моделирования и позволяет описать механизмы вывода для передачи адресату имплицитных смыслов.

РВ определяется как действия говорящего, направленные на активацию эмоциональных сценариев у адресата. Искажения представлений адресата об объекте в результате РВ имеют разную направленность – фактуальную, альтернативную и интерпретационную.

Предлагается модель из трех компонентов – лингвистического, когнитивного и сценарного.

Лингвистическая модель осуществляет преобразования между смыслами текстов и их манифестацией (по модели *смысл* $\leftrightarrow$ *текст*) – по поступающим текстам модель выстраивает их семантическое представление.

Когнитивная модель фиксирует представления о внеязыковых объектах и содержит правила для построения выводов; информация об объектах и ситуациях реального мира записывается в когнитивном компоненте в виде признаковых моделей (приписывание

семантической валентностной интерпретации синтаксическим компонентам). Эти модели связываются р-сценариями (рациональными) – когда наличие начальной модели позволяет построить конечную.

Компонент д-сценария (доминантного) представляет отношения, связывающие некоторый семантический компонент и вызываемую реакцию. Это центральный компонент собственной модели автора.

Благодаря подобию д- и р-сценариев одно и то же высказывание может восприниматься двояко – с порождением рассуждения (активация р-сценария) или эмоциональной реакции (активация д-сценария).

Дается инвентарь д-сценариев с помощью: определения сценария (начальная признаковая модель); списка основных элементов; вариантов использования д-сценария при РВ. Этот инвентарь подспудно присутствует у каждого адресата; активация того или иного д-сценария моделирует РВ текста. Успешность активации достигается при построении в результате анализа текста смыслового компонента, соответствующего начальной признаковой модели.

Механизмы РВ распределены по четырем группам. (1) Компоненты знаков поверхностной структуры: номинация; замена референтов и интенционалов; смещение лексического значения; омонимические замены. (2) Конструирование / изменение признаковых моделей с помощью выводов и ситуативных эффектов при описании р-сценариев. (3) Использование персональных и наивных сценариев. (4) РВ, обусловленное свойствами коммуникации: факторы прагматики; компоненты коммуникативного акта; модели коммуникантов; смена коммуникативных ролей.

Исследование А.А. Котова основано на прочной теоретико-прикладной базе. Основа РВ предстает как принцип смещения (с рационального на эмоциональное) на основе принципа подобия (р-сценариев и д-сценариев). Несмотря на традиционность для прикладной лингвистики процедур и методов, для теории РВ по-новому предстает переход от конвинсивного к персуазивному компоненту убеждения, включающий лингвистический, когнитивный, когнитивно-прагматический и прагматический механизмы РВ.

К недостаткам подхода можно отнести его некоторую умозрительность: делается заявка на *объективность* существования д-сценариев, но доказательств (даже статистических) этому не приводится.

Подход А.А. Любимовой [Любимова, 2006] описывает открытую (риторика) и скрытую (манипуляция) формы РВ, осуществляемого в индивидуальном, групповом и массовом общении на языковом и внеязыковом уровнях.

На языковых уровнях РВ имеет следующие формы и приемы.

Лексико-грамматический: синонимия; эвфемизмы и дисфемизмы; изменение ассоциативного поля слова; упрощения, примитивизирующие и редуцирующие смысл высказывания; исторические параллели через имена собственные; прагматически нагруженные лексические группы; овеществление людей и событий; интенционально скрытые смыслы в абстрактных словах («прогресс», «свобода»); метафоры: подмена рационального обоснования иррациональным; штампы с заменой ассерции на пресуппозицию; мифы, основанные на положении, нуждающемся в обосновании; мнения экспертов с противоположной информацией; субъективная модальность; опущение экспериенцера и пассивизация перформатива.

Синтаксический: повтор: (реприза, плеоназм, анафора и др.); параллельные конструкции; градация.

К логико-риторическим приемам неязыкового уровня причислены: подмена аргумента (довод сам требует доказательства); перенос смыслового акцента: аргументируется очевидное положение (ассерция), а доказываемое положение выступает как пресуппозиция.

К структурно-композиционным факторам РВ отнесены: расположение семантических единиц в тексте; акцентируемые и скрытые взаимосвязи между ними; структурно-семантические особенности вступлений и заключений; характер их заголовков и подзаголовков.

Достоинство подхода – в комплексном рассмотрении РВ СМИ на сознание: от уровня слова до интертекстовой организации информации, в разработке языковых механизмов выявления скрытого РВ на сознание и определяющих их внеязыковых факторов.

Е.А. Еремина [Еремина, 2007] исходит из идеи о многоканальности РВ – в одном медиатексте реализуются разные формы РВ – текстовое и иллюстрационное; что дает направленную структуризацию описываемой ситуации, и это обуславливает РВ.

Визуальная составляющая может выполнять различные функции РВ: (а) общие – функции визуальной поддержки основной идеи медиатекста и символизации; (б) специфические – функции визуальной поддержки одного из аспектов основной идеи, расширения смыслового пространства медиатекста, дублирования, иллюстрирования,

структурирования текста, снятия информационной перегруженности текста и функцию репрезентации образной составляющей медиатекста.

Для (а) выделены пофункции: (а₁) выведения на первый план основной идеи медиатекста; (а₂) символизации (цветовой или предметной).

Подфункции для (б): (б₁) визуальной поддержки одного из аспектов основной идеи; (б₂) расширения смыслового пространства медиатекста; (б₃) дублирования; (б₄) структурирования текста; (б₅) снятия информационной перегруженности; (б₆) репрезентации образной составляющей медиатекста.

Оценивая этот подход, отметим скрупулезную работу с языковым материалом и точность оценок. К недочетам отнесем следующие.

(1) Недостаточна теоретическая проработанность проблемы; она связана с классификационной невнятностью (отсутствием признаков таксономии функций) и некоторым пренебрежением к определению сущности РВ – по сути, последнее отождествляется с прагматической составляющей сообщения. (2) Отсутствие в работе аппарата стратегий и тактик ведет к приданию функциям РВ некоторой статичности.

Речевое воздействие в политическом дискурсе

В подходе Т.С. Комисаровой [Комисарова, 2008] РВ в политическом дискурсе задается его признаками: институциональностью; варьированием; смысловой неопределенностью; иррациональностью и суггестией; театральностью. РВ трактуется как манипулирование, нацеленное на внедрение в сознание адресата установок, мнений, отношений. РВ понимается широко, например, информация трактуется как воздействие. Важнейшей коммуникативной стратегией РВ считается самопрезентация с тактиками отождествления и солидаризации.

Механизмы РВ как языковые приемы влияния на сознание и на принятие решений реализуются на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. К приемам РВ отнесены: идеологическая маркированность лексики с упоминанием идеологом интеграции и вербальной агрессии; эмоционально-оценочная лексика; метафоризация.

РВ (в речах Г. Шредера) осуществляется риторическими приемами: синтаксического параллелизма; повтора; бинарных конструкций; риторического вопроса; кавычек.

Оценивая данный подход, отметим его известную ограниченность и некоторую теоретическую невнятность. Воздействие трактуется традиционно, без задействования новейших достижений в области

риторики и когнитивистики. Ограничение анализа только одной стратегией (иные не упомянуты) не дает возможности говорить об исчерпывающем характере описания. Степень персуазивности (хотя бы потенциальная) речей никак не оценивалась.

В подходе К.Е. Калинина [Калинин, 2009] на основе концепции коммуникативного акта Р.О. Якобсона строится коммуникативно-ориентированная система стратегий.

В компонент *Код* включены и лингвистические, и паралингвистические средства. *Сообщение* также знаменует отступление от традиции: в него включены невербальные знаки. В компоненте *контакт* акцентируется психологическая связь между коммуникантами. В компоненте *контекст* различаются внешний и внутренний (фоновые знания, убеждения, настрой коммуникантов, состояние предмета общения) типы. В компоненте *адресат* автор отвергает иллюквативную трактовку в пользу концепции «речевых стратегий подчинения», что задает основу принимаемого адресат-ориентированного подхода к рассмотрению интеракций.

Рациональное осознание сообщения считается возможным лишь по окончании его восприятия, а эмоции представляют собой мгновенные реакции на поступающие сигналы: высказывание воздействует на эмоции адресата квантами, по мере его произнесения. Разграничиваются убеждение и манипуляция. Убеждение отграничивается и от информирования – в последнем не значима эмоциональная составляющая. Тем самым логосный аспект убеждения уступает место этосному. Важной считается формальная составляющая произносимой речи (код), что настраивает аудиторию на оценку как предмета выступления, так и личности оратора.

Наряду с оригинальностью подхода, к недостаткам концепции отнесем следующие.

(1) Неубедительно значимое для автора положение о рациональном осознании сообщения лишь после полного его восприятия. Ведь сообщение может состоять из ряда частей, которые не обязательно даже тематически связаны: а потому рациональное осознание и рациональное оценивание их может происходить во многом. (2) Приравнивание по значимости языковых и параязыковых средств нарушает декларируемый принцип единообразия кода.

Диссертация Т.М. Голубевой [Голубева, 2009] выполнена в парадигме когнитологии и социально-конструктивистского подхода к языку. Принимается теория релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон и концепция эффективности общения П. Грайса.

В основе языковой манипуляции (понимаемой традиционно) лежит тенденция мышления к поиску релевантности (ср. принцип гомеостаза) у реципиента; это позволяет продуценту создать стимул, генерирующий у него создание (а у реципиента – воссоздание) контекстуальных допущений и принятие реципиентом необходимого продуценту умозаключения.

Говорящий инициирует пропозиции, задающие когнитивный диссонанс относительно предмета сообщения. Наличие диссонанса порождает стремление устранить его, упорядочить сообразно собственным ценностям и социальным представлениям путем принятия пропозиции говорящего или пересмотра свойств релевантного параметра.

Так как при понимании высказываний люди выбирают наиболее релевантные стимулы, ритор может создать fasciniрующий стимул, задающий ассоциативные ряды и контекстуальные допущения, подталкивающие адресата к нужному выводу.

Манипуляция осуществляется посредством: (а) придания релевантности нерелевантным вещам; (б) удержания релевантной информации.

Манипулятивное РВ обусловлено факторами: (а) отсутствия у адресата знаний, позволяющих предоставить контраргументы против ложных суждений; (б) наличия норм, ценностей и идеологии, которые сложно опровергнуть или проигнорировать; (в) инициации эмоций и нанесения психологических травм, делающих реципиента особенно уязвимым для РВ; (г) этоса говорящего.

Располагаясь в интервале аполитичности и агональности, манипулятивный дискурс манифестирует макростратегию позитивного представления *своих* и негативного – *чужих*.

К общим стратегиям манипулирования отнесены (а) создание неясности, (б) пресуппонирующее, (в) метафоризация, (г) мифологизация и (д) приемы ошибочной аргументации. К специфическим стратегиям причисляются *ad hominem*, гендерное позиционирование и инвективные ярлыки.

Сила этого подхода состоит в применении принципов когнитологии и социального конструктивизма к анализу РВ и выявлению перлокутивного эффекта манипуляции.

К недостаткам работы можно отнести следующие. (1) Не акцентировано, что манипуляция является лишь разновидностью РВ – поэтому следовало бы оговорить ее соотношение, например, с суггестией. (2) Представляется излишне буквальной трактовка АО *ad*

hominem (*homo* у автора понимается как *мужчина*, а не как *человек*): она отделяется от гендерного позиционирования на основе того, что относится автором к мужчинам.

Такая пестрота картины воззрений на РВ (идеи полидискурсивности, многофакторности, многоуровневости, многоканальности, аксиологии, моделируемости, когнитивного диссонанса, принципа релевантности, примата интерпретационности), свидетельствует о многогранности этого явления и перспективности его научных разработок.

Литература

Голубева Т.М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.

Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие (коммуникативно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Дидык Ю.А. Речевая манипуляция в оригинальном и переводном тексте (на мат-ле пьес Б. Шоу): дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2010.

Еремина Е.А. Множественность форм прагматического воздействия англоязычного медиадискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Калинин К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.

Комисарова Т.С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шредера): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.

Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Лисихина М.А. Прагмалингвистическое исследование явления дискредитации в американской речевой культуре: дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2008.

Любимова А.А. Языковые аспекты воздействия на общественное сознание: на сопоставительном материале средств массовой информации конца XX – начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Попова Е.С. Рекламный текст и проблема манипуляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Шуберт Э.Э. Дискурсные единицы, уровни, приемы и принципы речевого воздействия в когнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Эффективное речевое общение в аспекте базовых компетенций : к выходу в свет словаря-справочника «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. 882 с.

В Издательстве Сибирского федерального университета (СФУ) в конце 2012 года вышел из печати словарь-справочник «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» / под редакцией профессора А.П. Сковородникова. – 882 с. – 728 справочных статей. – Тираж 500 экз. Книга подготовлена коллективом исследователей СФУ совместно с учеными и специалистами других вузов и научных учреждений России и Республики Беларусь (всего в проекте участвовало 102 автора). Тема «Методология и концепция формирования коммуникативных компетенций выпускника высшего учебного заведения в контексте модернизации профессионального образования в РФ (инвариантная модель)», в рамках которой подготовлено издание, утверждена Министерством образования и науки России.

Словарь-справочник ставит своей целью отобразить и представить в систематизированном виде терминопонятия на основе тех компетенций, которые нужны речедееателю для эффективной коммуникации.

В соответствии с этим словарь-справочник представляет собой собрание материалов, посвященных группе фундаментальных вопросов речевого общения. Стержнем группы выступают базовые культурно-речевые компетенции. В этом видится особенность рецензируемого труда, его оригинальность, ориентированность на сферу теории речевого общения и коммуникативно-речевой практики.

Обращение к проблеме эффективности речевого общения в коммуникативной филологии превращается в своего рода общее место. Более того, эффективность речевого общения в контексте проблематики речевой коммуникации, культуры речи, стилистики, риторики и под. уже стала объектом лексикографического описания. Составители рецензируемой работы называют ряд такого рода изданий, в том числе: Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003;

Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М., 2005; Семушкина Л.Н. Культура русской устной речи. Словарь-справочник. М., 2007; Скворцов Л.И. Культура русской речи: словарь-справочник. М., 2010; Цейтлин С.Н. и др. Язык. Речь. Коммуникация. Междисциплинарный словарь. СПб., 2006; Шарков Ф.И. Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.

В данной ситуации перед редактором и составителями книги возникла задача найти свой угол зрения на проблему представления интересующего их объекта в лексикографическом описании. Этот угол зрения авторами найден, что вполне закономерно: ядром авторского коллектива являются специалисты в области теории речевого общения и смежных дисциплин, известные своими научно-теоретическими и практико-ориентированными публикациями, участники ряда осуществленных лексикографических проектов. Избрав базовые культурно-речевые компетенции в качестве интегрирующего начала, составители смогли предложить их стройную систему, в чем помогло следование академической традиции. В статье «О концепции словаря-справочника», открывающей основной текст издания, А.П. Сквородников и Г.А. Копнина пишут: «В основу словаря положено ключевое интегральное понятие культурно-речевой компетенции, без которой невозможна эффективная коммуникация. Содержание этого интегрального понятия раскрывается в системе базовых (основных) культурно-речевых компетенций: общелингвистической, языковой, коммуникативно-речевой и этико-речевой – и соответствующих им субкомпетенций» (с. 6). Все словарные статьи составлены на основе принципа тяготения к той или иной базовой компетенции (субкомпетенции) и разноудаленности от центра последней. Таким образом, каждое из помещенных в словник и описанных в словарных статьях терминопонятий попадает в поле компетенции – одной или, чаще, нескольких. Сказанным определяется принципиальная новизна концепции словаря-справочника.

Содержание и структура словника, глубина представления терминопонятий определяются несколькими факторами, в том числе уровнем их (терминопонятий) разработки в современной филологии, принципами системной подачи материала в книге, ее целевой установкой и потенциальным адресатом издания.

Структура словарных статей в целом однотипна, что соответствует требованиям справочного издания. Важно, что в словарных статьях читателю предлагается описание объекта, его основные характеристики, иллюстративный материал (в большинстве случаев) и перечень литературы, в которой можно найти дополнительные сведения об объекте описания; описание, как правило, фокусируется на тех компетенциях, которые нужны речедейтелю для эффективной коммуникации. В этом видится существенное достоинство рецензируемой работы. В качестве иллюстрации приведу

словарную статью «Эффективность речи», в которой присутствуют все основные элементы структуры словарной статьи:

«ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧИ – это свойство речи, обеспечивающее ее коммуникативную результативность, «достижение коммуникатором прогнозируемого результата» наиболее оптимальным способом. Под эффективностью речевого общения понимают «оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных целей» [Ширяев 1996, с. 14]. Э.р., ее действенность, проявляются в различных формах. «Изменениям могут подвергаться вместе или по отдельности эмоциональное состояние читателей/слушателей, их поведение, знания о мире, отношение к тем или иным событиям и реалиям мира, наконец, их установки и личностные смыслы» [Иванов 2003, с. 789]. В отличие от других коммуникативных качеств речи, Э.р. можно оценить лишь после ее произнесения или написания, проанализировав реакцию слушателей/читателей. В этом отношении понятие Э.р. сближается с используемым в психологии понятием **успешности общения**, «которая проявляется в достижении и сохранении психологического контакта с партнером <...> через достижение совместимости, согласия, взаимной приспособленности и удовлетворенности путем гибкой корректировки целей, умений и состояний, способов воздействия в соответствии с меняющимися обстоятельствами» [Куницына и др. 2001, с. 415], а также отчасти с более широким понятием **хорошая речь** – в трактовке Саратовской лингвистической школы (см.: [Сиротина 2001, с. 16–28]).

Э.р. обеспечивается соблюдением всех основных речевых компетенций, прежде всего языковых (см. Языковая компетенция), коммуникативно-прагматических (см. Коммуникативно-речевая компетенция) и этико-речевых (см. Этико-речевая компетенция). «<...> Речевые компетентности – основа эффективной речи, они оказываются ее необходимым условием, поскольку эффективная речь требует, помимо того, коммуникативной мобильности и креативности, творческого начала» [Шмелева 2011, с. 87].

Следует также иметь в виду, что «для каждого речевого акта существуют особые си-туативные условия успешности, которые должны считаться выполненными, если предложение употребляется как речевой акт в соответствии с некоторой своей основной функцией. Если это соблюдается, то возникает согласование между значением предложения и соответствующими ситуативными условиями успешности» [Конрад 1985, с. 355].

Лит.: **Бирюкова С.П.** Эмоциональные средства повышения эффективности прямого речевого воздействия // Психологические механизмы регулирования активности личности. Новосибирск, 2001; **Вартамян М.В.** Коммуникативные основы телевизионного монолога (некоторые аспекты повышения эффективности телевизионной речи): КД. М., 1985; **Виноградов С.И.** Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Конрад Р.** Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; КРПЭСС. М., 2003;

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб., 2001; **Леденева С.Н.** Методы психолингвистической оценки эффективности речевого воздействия: КД. М., 2004; **Сиротинина О.Б.** Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001; **Ширяев Е.Н.** Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Шмелева Т.В.** Эффективная речь с позиции речеведения // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 12 (20). Красноярск, 2011. **Джей Э.** Эффективная презентация / пер. с англ. Мн., 1996.

А.П. Сквородников» (с. 801–802).

Рецензируемый словарь-справочник имеет структуру, традиционную для работ подобного типа. Главными элементами этой структуры являются изложение концепции издания и словарные статьи.

Вспомогательный текст издания включает в себя предисловие, список сокращений и словники – алфавитный и тематический, а также список авторов статей. Особенно важен для представления концепции словаря-справочника и для ее понимания читателем тематический словник. В нем помещены перечни базовых компетенций как совокупности субкомпетенций. Например, общелингвистическая компетенция представлена в виде двух совокупностей – общепонятной и лексикографической субкомпетенций; этико-речевая – как совокупность нормативно-ценностной, этико-речевой и эрратологической. Детально структурирована коммуникативно-речевая компетенция, что вполне объяснимо.

Работу отличает свежий взгляд на проблему речевого общения. Со страниц книги она предстает достаточно полно представленной, причем освещение некоторых из граней проблемы основывается на собственных изысканиях авторов словарных статей.

Рецензируемый труд, как замечено в аннотации, не имеет аналогов в отечественной лексикографии. Этот труд есть ответ ученых и специалистов на повышенный интерес к теории и практике речевой коммуникации со стороны профессионального сообщества и общества в целом и будет востребован для развития коммуникативно-риторического образования в России; книга, далее, будет полезна любому отечественному и зарубежному читателю, интересующемуся проблематикой речевого общения на русском языке.

Итак, рецензируемый труд займет достойное место в ряду справочных изданий, посвященных речевому общению (человеческой коммуникации).

Считаю, что целесообразно второе издание книги, тиражом более 500 экз. Выскажу ряд пожеланий, которые могут быть учтены при подготовке второго издания.

Заявленный принцип описания терминопонятий в словаре-справочнике в целом действует, хотя в отдельных случаях его действие малозаметно – в ряде статей по преимуществу историко-научного и/или теоретического характера, а также в статьях, отличающихся излишней краткостью. В таких статьях

ориентация описания на проблему эффективности речевого общения уходит в тень.

Как правило, в словарных статьях приводятся фундаментальные и/или наиболее существенные сочинения об описываемом в статье объекте, а также новые (новейшие) источники. Для читателя важно, чтобы последние приводились во всех словарных статьях, даже если составитель словарной статьи и автор источника осуществляют разные подходы к пониманию описываемого объекта.

Было бы уместно поместить статью «Эффективность речевого общения»; это в полной мере соответствовало бы наименованию книги и ее основному содержанию.

Впрочем, приведенные здесь пожелания совсем не умаляют достоинств рецензируемого труда.

А.А. Чувакин

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.А. Колесников. Филология как научная область и некоторые тенденции ее развития в информационно-коммуникационном обществе. В статье описаны некоторые перспективы развития филологии как научной области в контексте информационно-коммуникационного общества. Определены новые направления филологических исследований в области коммуникации, ситуационного моделирования, изучения процессов языкового взаимодействия; уточнено понятие «коммуникативной личности» и его значение для филологических исследований.

A.A. Kolesnikov. Philology as an Academic Field and Its Development Trends in the Information- And Communication-Oriented Society. The article reviews some perspectives in the development of philology as an academic field within the context of information and communication-oriented society. It also specifies new trends of philological research in the sphere of communication, situational modeling and language interaction. The article defines the notion «communicative personality» and specifies its meaning for the philological research.

И.А. Лопатина. Языковая личность в аспекте взаимодействия человека с информацией. Настоящая статья посвящена рассмотрению принципов взаимодействия человека с информацией в лингвоперсонологическом аспекте. Для автора актуально применение лингвоперсонологических изысканий в аспекте взаимодействия человека и языка, человека и текста, человека и информации. Основываясь на данных лингвоперсонологии, автор выделяет три аспекта во взаимодействии человека с информацией: восприятие информации, отношение к ней и ее воспроизведение. По принципу восприятия информации выделяются визуалы, аудиалы и кинестетики (в зависимости от того, какой канал восприятия информации наиболее развит у человека). По принципу отношения к информации выделяются рационалы и иррационалы (в зависимости от того, как человек упорядочивает

информацию, как соотносит ее с различными жизненными ситуациями). По принципу воспроизведения информации выделяются копиисты и креативисты (в зависимости от того, в каком виде человек передает полученную информацию: с большей или меньшей трансформацией). В данной статье предлагается рассмотреть две методики преподавания языка: через правило и без применения правил. Подводя итог, автор констатирует, что у каждого человека есть свои уникальные языковые данные, иными словами, языковая способность у каждого человека индивидуальна.

I.A. Lopatina. Linguistic personality in the aspect of human interaction with information. The following article deals with the principles of human interaction with information in a linguistic-personological aspect. For the author of the article the use of linguistic-personological searches in the aspect of human interaction with language, text and information is a topical problem. Based on the data of lingvopersonology, the author identifies three aspects of human interaction with information: the perception of information, the relationship to information and the reproduction of information. According to the principle of perception of information there are visual, auditory and kinesthetic types of people (depending on the channel of their perception of information, developed in a better way). According to the principle of relationship to information there are rationalists and irrationalists (depending on the fact, how a person organizes information and relates it to different life situations). According to the principle of reproduction of information there are copyists and creative persons (depending on the kind of transmitting of received information: with a greater or smaller transformation). There are two methods of teaching language suggested in this article: with rules and without application of rules. Making a conclusion, the author states that each person has his own unique language abilities, in other words, the language ability is always individual.

Т.Ю. Редькина. Активные лексико-семантические процессы в медиатексте. Статья посвящена анализу активных лексико-семантических процессов в современном российском медиатексте, а также выявлению и характеристике факторов, определяющих эти процессы. Автор приходит к выводу, что, помимо традиционно выделяемых экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, можно выделить также семиотические и дискурсивные факторы, под воздействием которых происходят изменения в лексике и

семантике медиаречи, в частности опредмечивание значений слов и возникновение событийноцентричных номинаций.

T.Yu. Redkina. Active processes in vocabulary and semantics of mass media texts. The article describes active processes in vocabulary and semantics of modern Russian mass media texts and puts forward a classification of the key factors responsible for generation of these processes. These key factors, and namely the semiotic factor and the mass media discourse factor, lead to the shift of meaning from abstract to concrete and to the appearance of the «event-in-center» nominations.

В.А.Сидоров. Журналистика досуга и социальное время : ценностный анализ. В начале нового столетия под воздействием социокультурной динамики и развития техносферы стали явными перемены в бюджете свободного времени индивида. Актуализировалась задача проанализировать свободное время как социальное и понять, в какой степени медиа нового столетия обеспечивают сферу досуга человека. Адекватным для решения такой задачи может считаться ценностный анализ журналистики.

V.A. Sidorov. Journalism of leisure and social time : an axiological analysis. At the beginning of the new century changes in the budget of the individual free time became apparent under the influence of socio-cultural dynamics and development of the techno sphere. The task to analyze the free time as a social phenomenon and to understand the extent to which media provide the scope of the new century man of leisure actualized as well. Axiological analysis of journalism can be considered really adequate for this task.

А.В. Алексеева. Документ как речевое произведение официально-деловой коммуникации : жанровый канон и речевая практика (на примере обращений граждан в официальные инстанции). В работе рассматриваются основные признаки официально-делового дискурса как социально значимой формы речевого общения, составляющего жизненно важную для каждого общества потребность в эффективном управлении. Особое внимание уделяется отклонениям от норм официально-делового общения в речевых жанрах «обращения граждан».

A.V. Alexeeva. Documents Product as a Speech Official business communication : genre canon and speech Practice (case study of «citizens applications» in official institutions). The paper considers the main features of the official-business discourse as a socially significant form of verbal communication which has a vital for every society need in

effective operation. Particular attention is given to deviations from the norms of official business communication in speech genres «citizens applications».

А.Ю. Мордовин. Корпусы текстов в методологии лингвистического исследования: степень новизны относительно традиционного подхода. В статье рассматриваются методологические характеристики традиционного и корпусного подходов к исследованию языка. Характер связи «материал-гипотеза» при использовании корпусного подхода рассматривается в контексте категорий репрезентативности корпуса, исследовательского инсайта (пред-гипотезы) и априорной теории. Обосновывается вывод о невозможности противопоставления традиционного и корпусного методов.

A.Yu. Mordovin. Text corpus in methodology of linguistic research: the degree of innovation versus the traditional approach. The article considers the methodological features of the traditional and corpus-based approaches to linguistic research. The nature of the «material-hypothesis» link is discussed in the context of corpus representativeness, researcher's insight (pre-hypothesis) and a priori theory. The inference about the impossibility of the opposition between the traditional and corpus-based approaches is justified.

Е.Ю. Сафронова. Метафизический «дантовский» код в «записках из мертвого дома» Ф.М. Достоевского. В статье рассматривается метафизический – поэмный литературный жанровый код, организующий и концептуализирующий содержание «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского. Дантовский код эксплицирует мотив движения по кругам ада и позволяет выделить иерархию преступлений.

E.Yu. Safronova. Metaphysical «Dantean» code in «Notes from the dead house» by F.M. Dostoevsky. The article considered a metaphysical – poem literary genre code, which organized and contained the maintenance «Notes from the Dead house» by F.M. Dostoevsky. Dantean code demonstrates the motive of movement on circles of a hell and also allows allocating the hierarchy of crimes.

Т.М. Григорьева. «Чудные по звучанию слова» В.Г. Распутина. В статье изложены рассуждения о значимости народного слова в языке В.Г. Распутина как наследника творческого принципа А.С. Пушкина и последователя В.И. Даля. Приведены

свидетельства высокой оценки А.И. Солженицына; высказана мысль о необходимости создания Словаря языка писателя.

T.M. Grigorieva. «Marvelous by sound words» of V.G. Rasputin.

The article contains materials about the value of the public words in the language of V. Rasputin as a successor of the creative principle of A.S. Pushkin and follower of V.I. Dal. There is evidence of the high estimation by A.I. Solzhenitzyn and the thought about necessity of making the Dictionary of the language of the writer.

А.И. Разуvalова. Традиция vs интерпретация (к проблеме самоидентификации национально-консервативного лагеря в «долгие 1970-е»). В статье рассматриваются контексты, в которые представители национально-консервативного лагеря включали понятие «интерпретация», ставшее фокусом литературных дискуссий «долгих 1970-х».

A.I. Razuvalova. Tradition vs Interpretation (The Problem of Self-Identity of National-Conservative Camp in the «long 1970s»). The article examines the contexts in which representatives of the national-conservative camp included the concept of «interpretation», which became the focus of literary debate of «long 1970s».

И.А. Матвеенко. Восприятие «сенсационных» романов У. Коллинза в России второй половины XIX века. В статье, посвященной рассмотрению рецепции «сенсационных» романов У. Коллинза в России во второй половине XIX века, показана трансформация жанровой модели английского социально-криминального романа, переживающего процесс беллетризации, повлиявший на оценку романов У. Коллинза в русской периодике. Причисленные к сочинениям массовой литературы, они стали образцами отечественных произведений подобной жанровой модификации, на их основе вырабатывались критерии оценки жанра и его канон.

I.A. Matveenko. The Reception of W. Collins's «Sensational» Novels in Russia of the Second Half of the 20-th Century. The article is devoted to the reception of W. Collins's «sensational» novels in Russia of the second half of the 20-th century as a succeeding stage in the perception of the genre model of English social-criminal novel. At this evolutionary stage of the genre modification the genre fictionalization is observed that influenced the estimation of W. Collins's novels in the Russian periodicals. In most cases they were ranked as mass literature, on the bases

of their consideration the criteria of estimation and development of similar native writings were designed.

М.Н. Крылова. Человек сравнивающий: современная языковая личность в контексте используемых сравнений. В статье описываются культурные и ментальные особенности современной языковой личности, которые становятся явными при анализе сравнительных конструкций, используемых говорящим. Современная языковая личность активно использует сравнения, большинство из которых кратки и лаконичны; выбирает экспрессивный, яркий образ. Структура сравнения нередко однообразна и невыразительна, количество структурных типов ограничено, используются в основном союзные формы. Говорящий часто прибегает к сниженным, вульгарным образам, нарушающим культурные нормы. Создаваемые конструкции нередко носят юмористический характер, демонстрируют творческий подход говорящего к устойчивым сравнениям, свободу оперирования прецедентными феноменами, а также изменение системы ценностей современной языковой личности.

M.N. Krylova. Person who compares: the modern language personality in the context of using comparisons. This article describes the cultural and mental peculiarities of modern language personality, which become apparent in the analysis of comparative constructions which author of the text is using. The modern language personality is actively using comparison, most of which are short and concise; chooses an expressive and vivid image. The structure of comparison is often monotonous and inexpressive, the number of structural types is limited, mainly the forms with conjunctions are used. A speaker often resorts to lower, vulgar images that violate cultural norms. Comparative constructions are often humorous. We see that the language personality uses changing sustainable comparisons, often refers to the precedential phenomenon, also changes in the value system of a modern native speaker.

А.П. Джугра. Бытие текста в межкультурной коммуникации : влияние типологических признаков на логику развития текста (на материале текста П.Д. Успенского «Четвертый путь» (P.D. Ouspensky «The fourth way»)). Переход текста из одной культуры в другую, как правило, вызывает появление определенных проблем. Особое значение имеет в этом процессе категория типа текста. Под типом текста понимается совокупность признаков, свидетельствующих о его принадлежности к некоторой дисциплинарной или

функциональной текстовой совокупности, что указывает на то, что нами формируется некоторое представление о тексте и комплекс ожиданий по поводу него. Неверное определение типа текста влечет за собой обеднение его интерпретативного, культурного и коммуникативного потенциала. Текст «Четвертый путь» П.Д. Успенского в современной российской культуре признан эзотерическим, хотя философский потенциал этого текста очень велик.

A.P. Dzhura. Being of text in cross-cultural communication: influence of typological features on the logic of text development (a case study of the text by P.D. Ouspensky “The fourth way”). Text’s transition from one culture to another usually means the occurrence of certain problems. In addition, special meaning in this process has a category of text’s type. Text’s type is a couple of special signs that belong to a certain disciplinary or functional texts’ complex that points to the fact that we have formed some idea of the text and a set of expectations about it. Invalid type of text entails the impoverishment of its interpretive, cultural and communicative potential. The text «Fourth Way» by P.D. Ouspensky in contemporary Russian culture considered as esoteric, though the philosophical potential of the text is very large.

Э.В. Малыгина. «Сшибка» как возможное проявление кризисной межперсонажной коммуникации в рассказах В.М. Шукшина: аспекты исследования. В статье рассматриваются аспекты описания межперсонажной «сшибки» в рассказах В.М. Шукшина: лингвистический, лингво-коммуникативный и смысловой. Лингвоэвокационное исследование аспектов описания «сшибки» героев позволяет обосновать ее кризисогенность.

E.V. Malygina. ‘Fisticuffs’ as possible occurrences of intercharacters’ communication in the stories by V.M. Shukshin: the aspects of research. The article deals with the description aspects of intercharacters’ ‘fisticuffs’ in the stories by V.M. Shukshin. These aspects are linguistic, linguo-communicative and semantic ones. Linguo-evocational research of description aspects of characters’ ‘fisticuffs’ can prove its crisisogeneity.

Е.А. Носова. Информационный повод как основа взаимодействия пресс-релиза и журналистского текста. В статье анализируются понятия «информационный повод», «факт», «новость» и «тема», а также типовые информационные поводы пресс-релизов крупной производственной компании. Информационный повод современного пресс-релиза рассматривается как базовый факт,

который значительно влияет на формирование информационной «повестки дня» в средствах массовой информации.

E.A. Nosova. Newsworthy event as a basic fact of interaction of press release and journalistic text. This article explores the concept of «newsworthy event», «fact», «a piece of news», «theme» and typical information occasions in press releases large of a manufacturing company. The occasion of modern press release is regarded as a basic fact, which significantly affects the formation of «press agenda» in the media.

Т.И. Кораблина. Модус «воспоминание»: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца). В статье предпринята попытка проанализировать определение модуса «воспоминание» его связь с другими модусными категориями. В центре внимания средства выражения модуса «воспоминание» в художественном тексте на примере прозы Е. Гришковца.

T.I. Korablina. Modus «recollection»: its status and interaction with other modus categories (on the material of E. Grishkovets stories). This article attempts to examine the definition of the modus «recollection», its relations with other modus categories. The means of expression of modus «recollection» in the prose of E. Grishkovets are in the focus of the article.

А.И. Фукс. Внимание как фактор, определяющий вариативность синтаксической структуры предложения. В статье рассматривается процесс перепрофилирования внимания как когнитивный фактор, влияющий на синтаксическую структуру предложения, в частности, на порядок слов и вариативность валентностных характеристик глагола.

A.I. Fuks. Attention as the cognitive factor that determines the variation of the syntactic structure of the sentence. This article examines the question how refocusing of attention affects speakers' choices regarding word order, verb use and syntactic structure.

М.Г. Рыгалина. Принципы организации «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Кольвано-Воскресенского горного округа конца XVIII века». С учетом предшествующего опыта лексикографирования русских фамилий в статье описывается микро- и макроструктура создаваемого автором «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Кольвано-Воскресенского горного округа конца

XVIII века». Фамилии рассматриваются в словаре с точки зрения транслируемой их основами лингвокультурной информации.

M.G. Rygalina. Structural principles of «Lingvo-culturological dictionary of Russian surnames of Kolyvan-Voskresensk mining district residents at the end of the XVIIIth century». The subject of this article is micro- and macrostructure of «Lingvo-culturological dictionary of Russian surnames of Kolyvan-Voskresensk mining district residents at the end of the XVIIIth century» which is described in light of previous experience of lexicography of Russian surnames. Surnames are analyzed in the article in terms of lingvo-cultural information transmitted by their stems.

И.А. Пушкарева. «Кузнецк Достоевского» в материалах городской газеты. В статье рассматриваются особенности отражения в городской газете темы, имеющей краеведческую значимость. Представлены результаты семантико-стилистического анализа материалов, раскрывающих образ города, в котором Ф.М. Достоевский венчался с М.Д. Исаевой. В ходе анализа особое внимание уделено роли в газетно-публицистическом тексте такого регулятивного средства, как имя собственное.

I.A. Pushkareva. Kuznetsk by Dostoevsky in the city newspaper's materials. Peculiarities of reflection of a theme that has importance in the local history are described in the article. The author represents the results of semantic and stylistic analysis of materials revealing the image of the city where F.M. Dostoevsky has married M.D. Isaeva. During the analysis special attention is paid on such regulative means as the proper name's role in a journalistic text.

М.В. Сагалаева. Иностранная литература в отражении газеты «Известия ВЦИК» 1920–1925 годов. В статье рассматриваются материалы газеты «Известия ВЦИК» 1920–1925 годов, посвященные иностранной литературе; говорится об авторах, чьи имена появляются в одной из основных центральных газет, о приветствуемых темах, героях, пафосе произведений; отдельное внимание уделяется Э. Золя, Р. Роллану, А. Франсу и А. Барбюсу.

M.V. Sagalaeva. Foreign literature in the reflection on the newspaper Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee) of the years 1920–1925. In the article the author researches materials about foreign literature in the newspaper Izvestiya VZIK (All-Russian Central Executive Committee) of the years 1920–1925. The research is devoted to writers' names, welcomed subjects, heroes, and message of works of

literature. The separate attention is given to E. Zola, R. Rolland, A. France and H. Barbusse.

Р.И. Павленко. Просвещение и развлечение как важнейшие компоненты публикаций о литературной жизни на страницах «Независимой газеты» 1997–1999 годов. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи литературы и журналистики рубежа XX – XXI веков с точки зрения соотнесенности авторских намерений и читательского восприятия публикаций о литературной жизни. В статье объясняются механизмы адаптации профессионального литературоведческого текста к потребностям читателя массового периодического издания.

R.I. Pavlenko. Educational and entertaining strategies as main components of literature life publications on pages of «Nezavisimaya gazeta» in 1997–1999 years. In the article the author researches problems of literature and journalism interrelations at the turn of XX and XXI centuries from the point of author's intention and reader's comprehension of publications of literature life. The author explains main strategies of professional philological text adaptation to demands of mass periodic editions reader.

В.А. Алексютина. Образ дома в малой прозе Л. Улицкой как воплощение существования человека в семье и социуме. Для прозы Л. Улицкой характерно восприятие дома как категории духовной жизни человека, а семья приобретает значение единственного смысла человеческого существования. Статья посвящена рассмотрению семантики дома, раскрывающей не только его пространственное воплощение, но и ценностный аспект. Дом актуализируется как воплощение семейного счастья в жизни персонажей прозы Л. Улицкой.

V.A. Aleksyutina. The image of «home» in a small prose by L. Ulitskaya is the way of man's existence in a family and in society. L. Ulitskaya's prose is characterized by perception «home» being of a great importance for human spiritual life. And a family has the only meaning of human existence. The article is devoted to the investigation of «home» as not only for its situation but also for its valuable meaning. Home represents happiness in a family of characters in L. Ulitskaya's prose.

А.М. Сулейманов. О проблеме реконструкции единого цикла эпосов об Урал-батыре (на примере анализа образа Тараул-сээн). Тараул-сээн является мудрым советчиком главного героя эпоса «Акбузат» Хаубана. Вероятно, образ Тараула фигурировал и в эпосе

«Урал-батыр». Об этом упоминает М.Бурангулов, который впервые записал эпос «Урал-батыр». К сожалению, в окончательный текст опубликованного им эпоса этот образ по каким-то причинам не попал. Исследование образа Тараул-сэсэна дает основание предположить о существовании в древности единого цикла эпосов, объединенных образом Урал-батыра.

A.M. Suleimanov. About the problem of reconstruction of the cycle of Ural-Batyr epics (case study of Taraul-sesen character's analysis). Taraul-sesen is a wise counselor of the Hauban who is the hero of the «Akbulat» epic. Probably Taraul's image appeared in the epic «Ural-Batyr» as well. This is mentioned by M. Burangulov, who first wrote down the epic «Ural-Batyr». Unfortunately, this image was not included into his final published version of the epic. Investigation of Taraul-sesen's image suggests the existence of a single cycle of epics united by Ural-Batyr's image.

Д.В. Марьин. К проблеме интерпретации рабочих записей В.М. Шукшина. В данной статье автор обращается к вопросу об интерпретации содержания рабочих записей В.М. Шукшина. На материале текста одной из записей показаны приемы анализа произведений этого внелитературного жанра в творчестве Шукшина.

D.V. Maryin. On the problem of interpretation of V.M. Shukshin's working notes. In the article the author addresses the question of the interpretation of the contents of the working notes of a famous Russian writer V.M. Shukshin. On the material of the text of one of the notes the author shows the techniques for the analysis of works of this extraliterary genre in the creation work of Shukshin.

Л.Г. Васильев, О.Н. Мишук. Проблемы речевого воздействия в диссертационных исследованиях последнего десятилетия. Анализируются трактовки речевого воздействия с позиций полидискурсивности, многофакторности, многоуровневости, многоканальности, аксиологии, моделируемости, когнитивного диссонанса, принципа релевантности, примата интерпретационности.

L.G. Vasilyev, O.N. Mishchuk. Problems of Speech Influence in Dissertations of the Latest Decade. Speech influence conceptions are analyzed on poli-discursive, polifactor, multi-level, multi-channel, axiological, model, cognitive dissonance, relevance principles and primacy of interpretation.

НАШИ АВТОРЫ

**АЛЕКСЕЕВА,
Анна Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: alexeeva@omsu.ru

**АЛЕКСЮТИНА,
Валерия
Александровна**

– соискатель Кемеровского государственного
университета.
E-mail: zemlyanuhina@mail.ru

**ВАСИЛЬЕВ,
Лев Геннадьевич**

– доктор филологических наук, профессор
Калужского государственного университета
им. К.Э. Циолковского.
E-mail: argumentation@mail.ru

**ГРИГОРЬЕВА,
Татьяна Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: annysten@yandex.ru

**ДЖУРА,
Алексей
Павлович**

– аспирант Горно-Алтайского
государственного университета.
E-mail: dzhuralexey@gmail.com

**КЛУШИНА,
Наталья
Ивановна**

– доктор филологических наук, профессор
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: nklushina@mail.ru

- КОЛЕСНИКОВ,
Андрей
Александрович** – кандидат педагогических наук, доцент
Рязанского государственного университета
им. С.А. Есенина.
E-mail: kolesnikow@list.ru
- КОРАБЛИНА,
Татьяна Ивановна** – учитель МБОУ «Гимназия №1» (Новосибирск).
E-mail: korabl_72@mail.ru
- КРЫЛОВА,
Мария Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Азово-
Черноморской государственной агроинженерной
академии (Зерноград).
E-mail: krylovamn@inbox.ru
- ЛОПАТИНА,
Ирина
Александровна** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского краевого института повышения
квалификации работников образования
(Барнаул).
E-mail: lopatinai@yandex.ru
- МАЛЫГИНА,
Элеонора
Владимировна** – аспирант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: ehleonoramalygina@yandex.ru
- МАРЬИН,
Дмитрий
Владимирович** – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: marin@filo.asu.ru
- МАТВЕЕНКО,
Ирина Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент
Национального исследовательского Томского
политехнического университета.
E-mail: mia2046@yandex.ru
- МИЩУК,
Оксана Николаевна** – аспирант Тульского государственного
университета.
E-mail: argumentation@mail.ru

- МОРДОВИН,
Алексей Юрьевич** – кандидат филологических наук, докторант Иркутского государственного лингвистического университета.
E-mail: alexmordovin@mail.ru
- НОСОВА,
Елена Александровна** – аспирант Новосибирского государственного университета.
E-mail: e-nosova@yandex.ru
- ПАВЛЕНКО,
Роман Игоревич** – ассистент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: roman.i.pavlenko@gmail.com
- ПУШКАРЕВА,
Ирина Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент Кузбасской государственной педагогической академии (Новокузнецк).
E-mail: pial1@yandex.ru
- РАЗУВАЛОВА,
Анна Ивановна** – кандидат филологических наук, докторант Института русской литературы (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург).
E-mail: rai-2004@yandex.ru
- РЕДЬКИНА,
Тамара Юрьевна,** – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: t_redkina@inbox.ru
- РЫГАЛИНА,
Мария Гамлетовна** – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: boch-mariya@yandex.ru
- САГАЛАЕВА,
Марина
Владимировна** – соискатель Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: marinasagalaeva@mail.ru

- САФРОНОВА,
Елена Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: esifr@mail.ru
- СИДОРОВ,
Виктор
Александрович** – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: vsidorov47@gmail.com
- СУЛЕЙМАНОВ,
Ахмет
Мухаметвалеевич** – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: litkulova@mail.ru
- ФУКС,
Александра
Игоревна** – аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: stryzhak677@mail.ru
- ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 15.04.2013. Подписано в печать 18.04.2013. Формат 60?84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 75.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2013

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка.

7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Василенко Татьяне Николаевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. **2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.